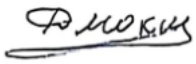
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи



ШАХОВА ДАРЬЯ ИГОРЕВНА

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ: ЭВОЛЮЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Специальность: 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Научный руководитель

доктор экономических наук, профессор

Вольчик В.В.

Ростов-на-Дону – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 16

1.1 Традиционный (оригинальный) институционализм и экономическое развитие 16

1.2 Эволюция неоинституциональных концепций теории экономического развития 21

1.3 Институциональные ловушки как препятствие экономического развития 28

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ 46

2.1 Концептуальные основы исследования эффекта зависимости от предшествующего пути развития 46

2.2 Целенаправленное изменение институциональной среды: проектирование промежуточных институтов 66

2.3 Система образования как важнейший институт социализации молодежи в России 81

ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ И ДИСФУНКЦИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ 91

3.1 Характеристика неформальной среды системы высшего образования и науки в России 91

3.2 Институциональные ловушки и дисфункции в системе высшего образования и науки 109

3.3 Институциональное экспериментирование в рамках реформирования системы высшего образования и науки 138

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 148

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 153

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Актуальность выбранной темы обусловлена все возрастающими объемами происходящих изменений в институциональной среде - как в сфере внешней, так и в сфере внутренней политики РФ. Все чаще ставятся вопросы поиска собственной идентичности, собственного пути развития в рамках существующих геополитических условий. Человеческий капитал в данных условиях становится ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность нашей страны, что демонстрирует обозначение периода с 2022 г. в стратегии научно-технологического развития России и национальных целях развития страны как «этапа мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления». Данное развитие научно-технологической сферы напрямую зависит от создания эффективной институциональной системы генерации знаний. Как и любая другая система, система генерации и управления знаниями подвержена влиянию институциональных ловушек и ситуаций дисфункции институтов, которые препятствуют оптимизации инновационной деятельности в данной области. Выявление данных препятствий, оценка устойчивости их функционирования, анализ причин их возникновения позволит учесть при анализе эффективности проводимых реформ глубинные причины возникновения ловушек на уровне несовпадения существующих формальных и неформальных норм, выявить стимулы и запросы основных акторов системы образования относительно проводимых изменений.

Степень разработанности проблемы. В рамках экономической теории предпринимались попытки обнаружить факторы, способствующие переходу национальных экономик от стационарного состояния к «современному экономическому развитию» (термин, обозначающий устойчивое увеличение темпа прироста ВВП, в том числе в расчете на душу населения). Д. Норт определял данный переход как начало процесса преобразования «преобладавших на протяжении большей части истории стагнационных социальных механизмов».

Рассматривались различные возможные причины различного темпа экономического развития стран: Р.Нурксе в качестве причины рассматривал размер капитала, нехватка которого приводит к снижению производительности и, соответственно уровня доходов. Некоторые экономисты (Р.Нелсон, Э.Фелпс и П.Ромер) рассматривали в качестве причин «абсорбционную» способность экономики создавать или перенимать у более развитых стран идеи и технологии. А. Гершенкрон предполагал, что сам факт существования передовых стран формирует предпосылки для индустриализации развивающихся стран.

Однако на практике далеко не все страны успешно реализуют возможности догоняющего развития – понимание причин различий в абсорбционной способности экономик данных стран раскрывается в рамках институционального подхода, применение которого обосновывали Г.Мюрдаль, Г.Шмоллер: «сравнительный анализ политической экономии народного хозяйства в разных странах должен сосредотачиваться на «институтах и органах».

Выбор институтов, на которых «стоит сосредоточить» свое внимание также варьируется между исследователями: У.Митчелл в качестве инструмента установления взаимозависимости и сотрудничества в обществе рассматривал деньги, Дж. Коммонс особое внимание уделял институту частной собственности. Одним из первых, кто обратил внимание на установление баланса между формальными и неформальными нормами, был Т.Веблен. Существуют различные подходы к определению различий между формальными и неформальными институтами: согласно Ю.М. Батурину неформальный институт является лакуной формального института, т. е. его подсистемой. Согласно В.Л. Тамбовцеву, различием является механизм принуждения к их исполнению – в случае формальных норм данные механизмы специализированы, в неформальных - нет. Г. Хелмке и С. Левитски предложили типологию в виде 4-х форм взаимодействия формальных и неформальных институтов и влияние существующей в обществе формы на системную целостность формальной структуры. Рассогласованность действующих в обществе формальных и неформальных норм - наличие институтов, способствующих и одновременно препятствующих достижению

поставленных инициаторами изменений целей, согласно Малкиной М.Ю. может приводить к «деструктивным обстоятельствам» или институциональным ловушкам.

В отечественной литературе изучением институциональных ловушек занимались следующие ученые: Полтерович В.М., Балацкий Е.В., Вольчик В.В., Жук А.А., Малкина М.Ю., Кирдина С.Г., Иншаков О.В., Фролов Д.П., изучением институциональных дисфункций – Сухарев О.С.

Изучением и описанием эффекта колеи в контексте изучения причин закрепления однажды сделанного выбора в институциональной структуре занимались П. Дэвид, Д.Норт, Д. Аджемоглу, А. Робинсон. Зависимость от сложившихся социокультурных факторов описывалась Г. Мюрдалем. Среди отечественных исследователей изучением эффекта колеи в контексте межстрановых различий занимались С.Г. Кирдина, А.А. Аузан. Важность социокультурных факторов была проанализирована в исследованиях А.А. Аузана, П.Лунгина, В. Найшуля. А Р. Инглхарт и Г. Хофстеде создали методику для измерения динамики социокультурных характеристик и их межстранового сравнения.

В экономической науке уделяется меньше внимания роли культурных факторов для изучения экономических проблем, изучение которых связывается с именами таких исследователей, как М.Вебер, Л.Харрисон, Д.Ландес, М.Портер. Но следует отметить, что роль культурных факторов вновь переосмысливается в сторону значимости их изучения в т. ч. такими исследователями, как А.А.Аузан. Также актуализируется необходимость включения существующего уровня доверия в периметр анализа экономических вопросов.

Цель и задачи диссертационной работы. *Цель исследования*: выявление и описание институциональных ловушек в сфере высшего образования и науки в экономике России.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие *задачи исследования*:

- Проанализировать эволюцию теорий экономического развития и институциональных изменений в контексте оригинального и нового институционализма.
- Проанализировать критерии разграничения формальных и неформальных институтов, а также способы их взаимовлияния друг на друга.
- Обосновать значимость изучения особенностей неформальной среды для понимания процесса институциональных изменений и экономического развития.
- Рассмотреть дисбаланс между существующими неформальными и формальными нормами в качестве одной из причин появления и закрепления институциональной ловушки в институциональной среде.
- Проанализировать сложившиеся параметры неформальной среды в системе высшего образования.
- Оценить степень согласованности неформальных и формальных норм и влияние на эффективность проводимого реформирования на примере системы высшего образования.
- Оценить устойчивость выявленных ранее в рамках панельного исследования трех институциональных ловушек и трех дисфункций на протяжении последних шести лет и характер их взаимосвязи;
- Обосновать значимость анализа и мониторинга существующего уровня доверия, сложившегося у акторов в системе высшего образования для более эффективного реформирования данной системы и обосновать применение экспериментирования с использованием промежуточных институтов.

Объект и предмет исследования: *Объект исследования* – институты экономического развития, включая институты науки и высшего образования. *Предметом исследования* являются институциональные ловушки в системе высшего образования и науки и факторы их возникновения и развития.

Область исследования. Диссертационная работа подготовлена согласно п. 12 «Теоретический анализ экономической политики и государственного

регулирования экономики» паспорта специальности 5.2.1 «Экономическая теория» (экономические науки).

Концепция исследования: исследование эволюции институциональных ловушек в сфере образования и науки, оценка их устойчивости во времени и факторов, определяющих данную устойчивость. В рамках исследования подтверждена гипотеза об устойчивости выявленных в рамках грантового исследования 6 лет назад следующих ловушек – ловушка метрик, ловушка бюрократизации, ловушка цифровизации и трех дисфункций - дефицит финансирования, сокращение кадрового потенциала и снижение качества образования.

Выявлено, что одним из наиболее важных факторов возникновения институциональных ловушек и сохранения их устойчивости является рассогласованность существующих в институциональной среде формальных и неформальных институтов. Для повышения эффективности существующих формальных институтов необходимо учитывать существующие неформальные институты, существование которых говорит о необходимости дополнения методологии новой институциональной экономической теории элементами социокультурной экономики.

Одним из основных показателей наличия рассогласованности формальных и неформальных институтов в институциональной среде является низкий уровень доверия акторов данной среды к существующим формальным институтам и, как следствие, к проводимым реформам. Соответственно, для повышения эффективности проводимого реформирования необходимо учитывать существующий в реформируемой среде уровень доверия как важный фактор, влияющий на дальнейший сценарий развития нового правила в обществе в качестве эффективного института либо неэффективного с перспективой трансформации в институциональную ловушку.

Положения, выносимые на защиту:

1. Теория институциональных изменений дополнена элементами теории поведенческой экономики в области принятия решений, а именно теорией

шума при принятии решений Д. Канемана. Данный подход в рамках институциональных изменений позволил рассмотреть показатель уровня доверия в качестве фактора, влияющего на выбор плана реформы.

2. Изменения в инструментах знания связаны с обоснованием дополнения методологии новой институциональной экономической теории элементами социокультурной экономики, как основы изучения существующих в институциональной среде неформальных институтов. Институциональная среда рассматривается как совокупность формальных и неформальных институтов, способа их взаимодействия друг с другом, а также параметров среды (уровня доверия и др.), определяющих издержки поддержания нормы и вероятность ее соблюдения.
3. Показана роль существующего способа взаимодействия формальных и неформальных институтов в институциональной среде в возникновении и закреплении институциональных ловушек: их формирование происходит в случае конкурирующего и замещающего типа взаимодействия - в условиях неэффективной формальной нормы экономический агент может выбирать для следования неформальную норму и имитировать исполнение формальной.
4. В работе установлено, что выявленные в ходе грантового исследования 6 лет назад институциональные ловушки (ловушка метрик, ловушка бюрократизации, ловушка цифровизации) и дисфункции (дефицит финансирования, сокращение кадрового потенциала, снижение качества образования) демонстрируют свою устойчивость на протяжении последних шести лет в системе высшего образования и науки. При этом, отмечены положительные изменения, влияющие на снижение влияния ловушки цифровизации на систему высшего образования – респондентами глубинных интервью в 2024-2025 гг. отмечается значительное сокращение занятий, проводимых в дистанционном формате по сравнению с 2020 г., когда цифровизация образовательного процесса в долгосрочной перспективе рассматривалась в качестве негативного фактора, влияющего на качество

образования. Отдельно отмечено, что бюрократизация с одной стороны, является механизмом, препятствующим стимулирующей функции эффективного контракта и, с другой стороны, является самостоятельной институциональной ловушкой. В каждой из трех ловушек отмечено существующее противоречие формальных и неформальных норм академической среды, которое и характеризует ту рассогласованность, о которой упоминается выше; остальные проблемы системы квалифицированы как дисфункции, не предполагающие выбора между конфликтующими нормами.

5. Расширено обоснование ограниченной применимости использования количественных показателей (метрик) при оценивании эффективности системы высшего образования. Реформирование систем, основой деятельности которых является достижение количественных показателей, (применимо по большей части к частному сектору) заключается в обеспечении равных возможностей всех участников для достижения этих показателей и обеспечения прозрачности и правомерности их достижения. Реформирование систем, относящихся к общественному сектору экономики, а именно системы высшего образования на порядок сложнее, и требует более глубокого понимания существующих в данной среде стимулов, нарративов основных акторов для нивелирования возникновения адаптивного поведения для достижения количественных показателей за счет потери качественной составляющей. Через изучение данных нарративов, в первую очередь, необходимо оценивать существующий уровень доверия акторов к проводимым реформам.
6. Предложено использовать показатель уровня доверия в качестве критерия эффективности проводимых реформ в системе высшего образования. Низкий уровень доверия акторов институциональной среды является одним из индикаторов рассогласованности существующих в данной среде формальных и неформальных институтов, что приводит к необходимости выбора экономическим агентом более выгодного для него вектора

следования/не следования формальному правилу – в случае отказа от следования или от адаптивного поведения эффективность института уменьшается ввиду недостижения этим институтом изначальной цели его возникновения.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в объяснении механизмов функционирования институциональных ловушек и дисфункций в системе высшего образования и науки России через анализ степени согласованности формальных и неформальных норм.

К числу положений, содержащих элементы приращения научного знания, относятся следующие:

1. Рассогласованность действующих в обществе формальных и неформальных норм, при которой экономический агент вынужден выбирать между двумя действующими и взаимоисключающими нормами, приводит к возникновению институциональных ловушек. Под институциональной ловушкой понимается устойчивая, но неэффективная в конкретной институциональной среде норма поведения, которая несмотря на наличие более эффективной альтернативы с помощью механизмов координации, обучения, сопряжения и культурной инерции закрепляется в среде и сохраняется до тех пор, пока трансформационные издержки перехода к альтернативной норме превышают индивидуальный выигрыш от снижения трансакционных издержек.
2. Влияние существующих неформальных норм на функционирование формальных институтов требует более глубокого понимания существующих в данной среде стимулов, нарративов основных акторов, которое можно получить через проведение качественных исследований в виде опросов, интервью и через изучение общих социокультурных, исторических предпосылок, формирующих данные стимулы и нарративы. В исследовании используется уточненное на основе критерия В.Л.Тамбовцева определение неформальных институтов, под которыми понимается сложившаяся под влиянием исторических, культурных, социальных факторов система

социальных взаимодействий, принуждение к соблюдению которой не опирается на специализированного гаранта, а обеспечивается самим обществом или отдельным сообществом через репутационные санкции, утрату доверия и иные механизмы.

3. Выявление трех институциональных ловушек и трех дисфункций в системе высшего образования в рамках грантового исследования 6 лет назад и их сохранение в системе на текущий момент является индикатором рассогласованности существующих формальных и неформальных норм. В рамках интервью с основными акторами системы высшего образования (преподавателями вузов) выявлены следующие причины данной рассогласованности: проводимые реформы не решают существующие и важные, с точки зрения акторов проблемы и одновременно отмечается отсутствие системности проведения реформирования, связанное со все ускоряющимися изменениями, нестабильностью в экономических, внешнеполитических, социальных отношениях.
4. Несистемность проводимых реформ и несоответствие их целей ожиданиям основных акторов влияет на существующий в реформируемой среде уровень доверия, который, с одной стороны является следствием степени согласованности формальных и неформальных норм (чем больше согласованность, тем выше уровень доверия), с другой стороны, уровень доверия является сигналом для инициатора изменений о текущем состоянии баланса этих норм в институциональной среде.
5. Создание единой нормы всегда имеет последствия в виде потенциального отклонения от правила части группы (проявление оппортунистического поведения) ввиду наличия асимметрии и неполноты информации при создании данной нормы, а также ввиду существующей неоднородности общества, в рамках функционирования которого планируется введение той или иной нормы. Согласно Д.Канеману, выбор формы проведения изменений зависит от уровня доверия институционального инноватора (в виде государства) к экспертному сообществу – если он высок, то

реформирование проводится в форме стандартов, которые не содержат четкого руководства к действию, а лишь задают рамки, в пределах которых эксперты (в виде судей, врачей, учителей и др.) будут выстраивать свое поведение. В обратном случае реформирование происходит в форме жестких норм, не предполагающих вариативности действий. Таким образом, важен уровень доверия не только со стороны акторов к инициатору институциональных изменений, но и напротив, инициатора институциональных изменений к экспертному сообществу, профессиональные компетенции которого формируются в рамках системы образования, в частности.

6. Формирование взаимного уровня доверия возможно в случае единого понимания целей системы высшего образования в обществе, его миссии, что, в свою очередь позволит выделить критерии оценки эффективности достижения данных целей без заимствования этих целей и критериев в виде метрик из частного сектора, который не подходит в качестве «донора» этих показателей для их использования в общественном секторе.

Теоретическая значимость исследования состоит в дополнении методологии новой институциональной экономической теории элементами социокультурной и нарративной экономики для анализа процесса экономического развития и институциональных изменений, а также в уточнении механизма возникновения институциональной ловушки из рассогласованности формальных и неформальных норм.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в обосновании важности проведения исследований, направленных на изучение существующих социокультурных факторов, влияющих на абсорбционную способность среды следовать внедряемым формальным нормам, а также на изучение существующих в данной среде нарративов, сигнализирующих о возникновении дисбаланса формальных и неформальных норм. Обосновывается необходимость включения уровня доверия к проводимым реформам в качестве характеристики эффективности проводимого реформирования.

Методология исследования сформирована с использованием концепций отечественных и зарубежных ученых, анализирующих экономическое развитие с применением подходов традиционной и новой институциональной экономической теории. Комплексный характер процесса экономических изменений потребовал применения как положений общей экономической теории, так и использования концепций эволюционной экономики, неявного знания, нарративной экономики, культурной экономики, экономической истории.

Методы исследования. В диссертационном исследовании применялись различные общенаучные методы: индукция, дедукция, системный, сравнительный и контент-анализ, а также графическая визуализация данных. В качестве релевантного инструментария диагностики и мониторинга, а также идентификации ловушек оптимизации в контексте институциональных изменений могут быть применены методы нарративного анализа, а также проведение 16 глубинных интервью (отбор респондентов осуществлялся до точки насыщения методом построения экспертной сетевой выборки (peer-referrals constituting network sampling), являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки (targeted samples)).

Информационно-эмпирическую базу исследования составляют данные отчетности национальных статистических органов, министерств и ведомств, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), материалы зарубежной и российской периодической печати, данные официальных сайтов в сети Интернет. Использовались результаты глубинных интервью и фокус-групп, полученных в ходе выполнения гранта Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18–010-00581 «Институциональные ловушки оптимизации сферы образования и науки» (20 интервью, 3 фокус-группы) и результаты проведенных глубинных интервью в рамках данного исследования (16 глубинных интервью с преподавателями вузов).

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность полученных результатов диссертационного исследования обеспечивается корректным использованием фундаментальных теорий,

концепций, теоретико-методологических подходов в исследуемой предметной области, а также использованием авторитетных источников эмпирических материалов.

Результаты диссертационного исследования изложены в докладах и выступлениях на научно-практических конференциях различного уровня: Шестая Всероссийская научная конференция в рамках XLIV Научной сессии экономического факультета Недели наук-2023 Южного Федерального университета: «Россия в фокусе перемен: институты, механизмы и технологии развития» с докладом «Эффект колеи в России, как фактор, сдерживающий ее развитие», ЮФУ, Ростов-на-Дону, 25 мая 2023 г.,

Международная научно-практическая конференция «Россия в борьбе за Россию: государственность и социум, хозяйство и культура, глобальные конфликты и миротворчество» с докладом «Культурная идентичность России: компромисс между Западом и Востоком», МГУ, 6-8 декабря 2023 г.,

Пятая Международная научно-практическая конференция «Общество, экономика и право: вызовы современности и тенденции развития» с докладом «Новый менеджеризм с позиции институциональной теории», Волжский институт управления и права, г. Волжский (Волгоградская область), 22 декабря 2023 г.

Диссертационное исследование является продолжением научно-исследовательской работы в рамках Гранта РФФИ № 18–010-00581 «Институциональные ловушки оптимизации сферы образования и науки».

Публикации. По теме диссертационного исследования опубликовано 9 научных работ, общим объемом 20,1 п.л. (авторский вклад – 6,9) в т. ч. 6 статей в периодических научных изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (ВАК РФ).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, девяти параграфов, объединенных в три главы, заключения, списка использованных

источников, включающего 181 источник. Общий объем диссертации составляет 170 страниц, работа содержит 14 рисунков.

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ЛОВУШЕК В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

1.1 Традиционный (оригинальный) институционализм и экономическое развитие

Многочисленные исследования, проводимые в рамках теории экономического развития, не сразу стали учитывать институциональные факторы для объяснения, почему одни страны более успешны в экономическом, социальном смысле нежели другие. Механизм перехода от стационарного состояния к «современному экономическому развитию» (термин, обозначающий устойчивое увеличение темпа прироста ВВП, в том числе в расчете на душу населения) является одним из наиболее обсуждаемых вопросов в теории экономического развития. Данный переход или «великое расхождение» означает начало процесса преобразования «преобладавших на протяжении большей части истории стагнационных социальных механизмов»[1] в ходе «промышленной революции» и запуск процесса постепенного накопления капитала, инноваций, динамика которого отличалась в различных странах. Сразу после Второй мировой войны, когда вопрос об экономическом развитии стоял особенно остро, экономисты предполагали, что причиной разрыва между богатыми и бедными странами является величина физического капитала на каждого жителя страны. Следовательно, в случае его увеличения, как ожидалось, экономика государства будет становиться все более и более конкурентоспособной на глобальном рынке. В связи с этим становились популярными теории «порочного круга нищеты», одна из которых была предложена Р. Нурксе[2]. Согласно данной теории, «нехватка капитала приводит к низкой производительности труда и, соответственно к снижению уровня доходов»[3]. Необходимость увеличения объема капитала в развивающихся

[1] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера //М.: Фонд экономической книги «Начала. 1997.Т. 2. С. 25.
[2] Нурксе Р. Проблемы формирования капитала в слаборазвитых странах//Оксфорд: Basil Blackwell.1953.
[3] Заостровцев А. П. Новая институциональная экономика о развитии и стагнации //СПб.: Европейский университет в СПб. 2010.с.3.

странах, в том числе, путем предоставления инвестиций со стороны развитых стран – важный вопрос экономики развития, как и вопрос формы предоставления такой помощи. Однако не менее важна способность страны-реципиента конвертировать полученную помощь в устойчивый экономический рост, что происходит далеко не всегда – во многом из-за различий институциональных условий ее освоения. В связи с этим направление исследований было определено в сторону выяснения причин и поиска тех скрытых механизмов, которые не позволяют конвертировать внешние инвестиции в экономический рост. Одной из таких причин считался низкий уровень человеческого капитала – без достаточного запаса знаний у населения внешние вливания в экономику не конвертировались в повышение производительности труда и, соответственно, не способствовали ожидаемому экономическому росту. И, несмотря на существование достаточно «позитивных теорий», например, в виде «преимуществ отсталости» А.Гершенкрона[4], согласно которой сам факт существования передовых стран формирует предпосылки для индустриализации развивающихся стран *(в виде возможности заимствования накопленных знаний и технологий)*, исследователи понимали, что причина кроется в социальной и экономической среде, которая не создает необходимых стимулов для экономического роста. Отсутствие данных стимулов разными исследователями определялось по-разному, например, Р.Нелсон, Э.Фелпс и П.Ромер считали, что идеи и технологии, разработанные в одной стране, могут быть реализованы в другой стране лишь в той степени, в какой это позволяет сделать «абсорбционная» способность[5][6] страны-реципиента. Под абсорбционной способностью в данной традиции понимается способность национальной экономики воспринимать, адаптировать и внедрять созданные за ее пределами знания и технологии[7]; она определяется прежде всего накопленным человеческим капиталом и качеством

[4] Гершенкрон А. Из сборника «Экономическая отсталость в исторической перспективе», 1962 // Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; научн. ред. А.А. Белых; перевод с англ. А.В. Белых. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

[5] Nelson R. R., Phelps E. S. Investment in humans, technological diffusion, and economic growth //The American economic review. – 1966. Т. 56. №. 1/2. С. 69-75.

[6] Romer P. M. Endogenous technological change //Journal of political Economy. 1990. Т. 98. №. 5, Part 2. С. S71-S102.

[7] Cohen W. M., Levinthal D. A. Absorptive Capacity: A New Perspective on Learning and Innovation // Administrative Science Quarterly. 1990. Т. 35. №. 1. С. 128.

институтов. Низкая абсорбционная способность объясняется большим количеством причин, в том числе:

1. Недостаток сбережений в экономике, что препятствует накоплению капитала. Данная проблема может усугубляться из-за роста населения - в случае, если темп прироста населения будет превышать темп прироста подушевого дохода;
2. Действие «ловушки бедности, которая обуславливает стагнацию подушевого дохода[8];
3. Низкое качество проводимой экономической политики.

Каждая из этих причин не является ответом на вопрос о причине различий в экономическом развитии разных стран – они лишь запускают новые витки вопросов: «по какой причине в данной стране низкая норма сбережений/низкое качество проводимых реформ и т.д.». И в конечном счете, данные размышления приводят к тому, что существуют базовые характеристики институциональной среды, сложившейся в той или иной стране, в соответствии с которыми происходят взаимодействия экономических агентов в процессе их ежедневного выбора в условиях использования ограниченных ресурсов.

Несмотря на важность учета исходных параметров институциональной среды для объективного научного анализа (включающих в себя в т.ч. ценностные и культурные особенности экономических агентов)[9] институты в качестве объясняющих переменных в формализованном экономическом анализе начали использоваться лишь в рамках неоинституционализма. Однако это не отменяет наличия интереса к институтам и их системного изучения в работах немецкой исторической школы и оригинального институционализма.

Традиционный институционализм возник на рубеже XIX-XX вв. и был тесно связан с развивающейся в то время исторической школой (Г. Шмоллер, Ф. Лист, Л. Брентано, К. Бюхер). Традиционный институционализм подверг критике

[8] Easterly W. R. The elusive quest for growth: economists' adventures and misadventures in the tropics. – MIT press, 2002.
[9] Мюрдаль Г. Азиатская драма: Исследование о бедности наций//пер. с англ. – Нью Йорк: Pantheon Books.1968. Т.1.С.25-30

положения, которые составляли жесткое ядро неоклассики, в частности концепцию присущей каждому индивиду рациональности, принцип максимизации, полноты и совершенства информации.

Г.Шмоллер считал, что сравнительный анализ политической экономии народного хозяйства в разных странах должен сосредотачиваться на «институтах и органах». Исключение институтов из предмета анализа в классической политической экономии подобно «изучению физиологии экономических настроений без предварительного анализа анатомии общественного тела»[10].

Т. Веблен определял институты, как «распространенные образы мышления относительно конкретных отношений и конкретных функций человека и общества»[11].

У. Гамильтон понимал под институтами «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и обычаев народа»[12]. С точки зрения У. Гамильтона институты отражают достигнутое в обществе согласие и фиксируют устоявшиеся способы мышления или действия. У. Гамильтон подчеркивал системность институционального подхода, так как он позволяет описать экономическую организацию в общих категориях, раскрывая их природу и подчеркивая их роль в составе более общей системы. Поддерживаемая У.Гамильтоном «идея институциональной инерции» позволяет не рассматривать институты как что-то статичное и неизменное с момента своего возникновения, что объясняет недостаточность простого заимствования более эффективных и зарекомендовавших себя институтов у других стран, так как их характеристики изменятся от изначальных под влиянием новой среды.

С углублением изучения институтов в рамках традиционного институционализма разные исследователи акцентировали внимание на разных институтах, предписывая им главенствующую роль в развитии институциональной экономики. Например, Дж. Коммонс (развивал социально-правовую

[10] Шмоллер Г. Основы общей экономической теории//пер. с нем. – Лейпциг: Duncker&Humblot, 1900-1904. Т. 1-2.
[11] Веблен Т. Теория праздного класса. – Litres, 2021.с.201-202
[12] Hamilton W. Institution. Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1932. V. VIII.p.84.

институциональную теорию) особое внимание уделял институту частной собственности, четко структурированное распределение которой определяет рамки будущих взаимодействий хозяйствующих субъектов. Важную роль в социально-правовой теории Дж.Коммонса играли организации[13] (которые и считаются институтами) – все индивиды являются участниками организаций и, соответственно, исполнителями правил (организованных коллективных действий), установленных в данных организациях. Данные правила создаются с целью повышения относительной уверенности ожиданий индивидуумов в их сделках путем легализации существующих обычаев (неформальных правил) и установления санкций за их неисполнение.

Несмотря на некоторые различия трактовок институтов в рамках традиционного институционализма, у разных исследователей прослеживается стремление к использованию междисциплинарного подхода при изучении институтов. Конкретный подход опирается на мнение конкретного исследователя относительно факторов, влияющих на выбор индивидов. В связи с рассмотрением институтов, сквозь призму привычек мышления, обычаев, правовых норм в рамки институционального анализа был включен анализ социологических, правовых, культурологических исследований.

Примером такого подхода в современных исследованиях является изучение «инверсионных циклов» посредством которых, согласно исследованиям А.Ахиезера, осуществляется развитие российского общества: «критика исторического опыта становится у нас настолько уничижительной, а отрицание предыдущих ценностей - столь катастрофическим, что вместо положительной роли они несут в себе «разрушительный потенциал дезорганизации» и создают повышенную опасность отбрасывания, деградации значительной части накопленных знаний и практик»[14]. Данный подход демонстрирует развитие

[13] Коммонс Д. Р. Институциональная экономика //Terra economicus. 2012. Т. 10. №. 3. С. 69.
[14] Матвеева С. Я. Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера. – 1997.

институтов через кризисы, а не постепенный отбор наиболее эффективных институтов.

Другим объединяющим методологическим основанием традиционного институционализма является рассмотрение институтов как развивающейся динамической системы, развитие которой происходит путем естественного отбора институтов (по Т. Веблену) и с помощью способности к адаптации[15]. При этом данный отбор не предполагает выбор наиболее эффективных норм в конкретный момент времени ввиду наличия унаследованных привычек мышления (атавистические проявления), которые могут входить в конфликт и приводить к кризисам, а не к эволюции и победе более эффективных в данной среде институтов.

Данные кризисы являются нормальным состоянием экономической системы в рамках методологического холизма, присущего оригинальному институционализму – институты, формируя поведение экономических агентов, сами могут становиться противоречием ввиду сохранения описанных выше рудиментов, которые не соответствуют изменившимся технологическим условиям. Но в рамках традиционного институционализма данная рассогласованность является свойством развивающейся динамической системы в отличие от новой институциональной теории, рассматривающей такие неэффективные состояния с точки зрения методологического индивидуализма.

1.2 Эволюция неоинституциональных концепций теории экономического развития

Вместе с обоснованием возможности введения в экономический анализ неэкономических ограничений (институтов), с последовательным применением принципа методологического индивидуализма и иных инструментов неоклассической экономической теории к анализу институтов, а также ростом

[15] Hamilton W. H. The institutional approach to economic theory //Alternatives to Economic Orthodoxy. – Routledge, 2016. – С. 204-212.

интереса к экономикам развивающихся стран во второй половине XX века возникла основа для новой институциональной экономики.

Одним из главных представителей данного направления является Р. Коуз, который показал, что использование рыночного механизма связано с издержками (поиска информации, ведения переговоров и т. д.), которые впоследствии получили название «трансакционные издержки». В момент выхода статьи «Природа фирмы» данные идеи не получили должного внимания, но спустя годы после выхода статьи «Проблема социальных издержек» в 1960 г. тема трансакционных издержек становится одной из основных в новой институциональной теории и получила дальнейшее развитие в работах О.Уильямсона.

Сам термин «новый институционализм» появился в книге О. Уильямсона «Рынки и иерархия» где в рамках развития идеи Р. Коуза, он обратился к анализу внутренней структуры фирм (от рассмотрения фирмы как «черного ящика» в рамках неоклассической теории). Также О.Уильямсон определил положение, которое занимает неоинституционализм в экономической теории, обозначив его как промежуточное между неоклассической и социальной теорией[16]. К социальной теории относятся неформальные нормы в виде обычаев, традиций, религии – данные нормы менее остальных подвержены изменениям. Сближение с неоклассической экономической теорией является важным отличием неоинституционализма от традиционного институционализма. Данная взаимосвязь находится в плоскости потенциальной возможности использования инструментов неоклассической экономической теории в ходе анализа, но с условием предварительной корректировки под сформировавшееся в рамках традиционного институционализма мнение о значимости институтов. Такие предпосылки неоклассической экономической теории, как методологический индивидуализм и рациональный выбор в неоинституционализме дополняются наличием издержек обмена, без которых институциональное устройство не имело бы значения: показавшие свою неэффективность институты путем естественной эволюции

[16] Williamson O. E. The new institutional economics: taking stock, looking ahead //Journal of economic literature. 2000. Т. 38. №. 3. С. 595-613.

уступали бы лидирующую роль потенциально более эффективным институтам, а рынки приблизились бы к описываемой представителями неоклассики эффективной конкурентной модели[17]. Но в реальности из-за положительности трансакционных издержек неэффективные институты не только закрепляются в институциональной среде, но и активно воспроизводятся.

Данная среда представляет собой совокупность институтов, которые согласно развернутой дефиниции Г.Клейнера представляют собой: «относительно устойчивые по отношению к изменению поведения или интересов отдельных субъектов и их групп, а также продолжающие действовать в течение значимого периода времени формальные и неформальные нормы либо системы норм, регулирующие принятие решений, деятельность и взаимодействие социально-экономических субъектов и их групп»[18]. Согласно же классическому определению Д. Норта институты – это «правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение и нормы поведения, структурирующие повторяющиеся взаимодействия между людьми»[19]. Исходя из определенного Д.Нортом принципа дуализма институтов (двойственная функция институтов состоит в их рассмотрении как с точки зрения «ограничений», так и с точки зрения «стимулов» экономического поведения) они должны одновременно обладать двумя противоречивыми свойствами – жесткостью и гибкостью[20]. Жесткость или устойчивость институтов необходима для того, чтобы «экономические агенты могли их понять, осознать и выстроить свои действия в соответствии с ними»[21]. Гибкость, в свою очередь, означает постоянную эволюцию под воздействием глобальных технологических сдвигов. Реализация данных свойств зависит от макроэкономической среды, в рамках которой данный институт функционирует и от самого института - так, укорененные в культуре неформальные институты — базовые ценности, представления о справедливости, нормы доверия — меняются, как правило,

[17] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера //М.: Фонд экономической книги «Начала. 1997. Т. 2. С. 19.
[18] Клейнер, Г. Б. Эволюция институциональных систем. – М.: Наука, 2004. С.19.
[19] North D. C. Institutions and economic growth: An historical introduction //World development. 1989. Т. 17. №. 9. С. 1319-1332.
[20] Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – 2010., с. 155
[21] Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Оценка институционального развития России. М.: Перо, 2016. с. 155

медленнее формальных правил, на что указывал Д. Норт. Однако стоит отметить, что скорость изменения неформальных институтов неоднородна: деловые обычаи и практики обмена способны меняться быстрее формальных норм — например, переход российских предприятий к бартеру и взаимозачетам в 1990-е гг. и их дальнейшее быстрое сворачивание в 1999–2000 гг. произошли за считанные годы.

В рамках неоинституционализма сформировалась теория институциональных изменений, согласно которой изменение цен является основной причиной поиска альтернатив существующим институтам. Основные положения данной теории Д.Норт сформулировал следующим образом: «Изменение в соотношении цен приводит одну или обе стороны акта обмена — политического или экономического — к выводу о том, что для одной из сторон (или для обеих) было бы выгодно изменить условия соглашения или контракта». Но пересмотр условий контракта не может не повлиять на нормы (формальные), которые иерархически связаны с данными условиями – изменение правил низшего порядка приведет к изменению правил высшего порядка. Правила высшего порядка (например, конституция), согласно Д.Норту, являются основополагающими для правил более низшего порядка (к которым можно отнести отдельные законодательные акты) и, соответственно, их изменение проходит значительно дольше и труднее[22]. Но ввиду иерархичности системы, изменения на одном уровне неизбежно приведут к изменениям на другом, так как правила разных порядков не могут противоречить друг другу.

Если говорить о нормах поведения (неформальных правилах), то их изменение произойдет с течением времени - ввиду изменения цен или предпочтений существующие неформальные правила могут подвергаться постепенной замене другими правилами. При этом Д. Норт относил тезис о медленной изменчивости прежде всего к нормам, укорененным в культуре: они воспроизводятся через социализацию и потому обладают большей инерцией, чем

[22] Гульбина, Н. И. Теория институциональных изменений Д. Норта [Электронный ресурс]//Вестник Томского государственного университета. URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/283/image/283-123.pdf (дата обращения: 08.02.2025). С. 124.

законодательные акты, которые могут быть изменены одним решением. Данный тезис не следует распространять на все неформальные правила: деловые обычаи и практики обмена, не опирающиеся на глубинные ценности, могут меняться быстрее формальных норм.

В рамках данного исследования под институциональной средой понимается совокупность формальных и неформальных институтов, а также их способ взаимодействия друг с другом. Под неформальными институтами понимается *сложившаяся под влиянием исторических, культурных, социальных факторов система социальных взаимодействий, принуждение к соблюдению которой не опирается на специализированные механизмы государственного принуждения и гарантом устойчивого воспроизведения которой выступает само общество*. Под неспециализированными механизмами в данном контексте подразумеваются репутационные издержки, вероятность утраты доверия со стороны сообщества и др. Эффективность данных механизмов и величина издержек для поддержания неформальной нормы определяются текущими параметрами среды - существующим уровнем доверия между экономическими агентами, историческими, социальными, культурными особенностями и др. Отметим, что сами по себе параметры не являются нормами, они лишь влияют на соблюдение нормы и величину издержек для ее поддержания. Таким образом, далее по тексту под неформальной средой будут пониматься как сами неформальные институты, так и параметры, определяющие издержки поддержания данных норм.

Устойчивость неэффективных институтов рассматривается эволюционной экономикой через понятие «рутины»[23] — стереотипы поведения, устойчивость воспроизведения которых при принятии решений индивидами, является еще одним аргументом в пользу объяснения причин отставания отдельных экономических субъектов в единых (на первый взгляд) для всех участников рынка институциональных рамках.

[23] Попов Е. В., Хмелькова Н. В. Эволюционная теория:«рутинный» подход к анализу стабильного и изменчивого в функционировании предприятия //Вестник УГТУ–УПИ. Серия экономика и управление.2004. № 4. 2004. Т. 4. С. 5.

Впервые вопрос о становлении эволюционной экономики, как самостоятельного течения был поднят в статье Р. Нельсона и С. Уинтера «К эволюционной теории экономических возможностей»[24]. Далее эта идея развивалась экономистами: А.Алчианом, Ф. Хайеком, которые считали, что трансформация институтов осуществляется под влиянием конкуренции[25][26]. Теория институциональных изменений как эволюции институтов Ф. фон Хайека основана на гипотезе, гласящей, что зарождение и развитие общественных институтов не может быть подчинено разуму, его мыслимым конструкциям, а плоды эволюции в принципе непредсказуемы. По мнению В.В. Вольчика «институты появляются в результате селекционных и адаптационных процессов»[27]. Эволюция как общественный процесс выступает лишь упорядочением неизвестного ранее, выбором необходимых, наиболее эффективных практик, соответствующих долгосрочным целям кооперации индивидов. Эволюционная экономика – направление в экономической теории, которое использует принципы изменчивости, отбора и наследования к экономическим феноменам. Согласно О.Сухареву, институциональная и эволюционная теории могут рассматриваться вместе и более того, именно это направление может помочь преодолеть методологический кризис экономической науки. Методологической основой данного институционально-эволюционного направления является:

- Принцип неполноты информации;
- Ограниченная рациональность;
- Экономический империализм;
- Отсутствие равновесия;
- Холизм;
- Индуктивный подход в анализе экономических явлений[28].

[24] Nelson R., Winter S. G. (1973). Toward an Evolutionary Theory of Economic Capabilities // American Economic Review. Vol. 63, May. P. 440—486.
[25] Alchian A. A. Uncertainty, evolution, and economic theory //Journal of political economy. 1950. Т. 58. №. 3. С. 211-221.
[26] Hayek F. A. Law, Legislation, and Liberty, Volume 19. – University of Chicago Press, 2022. Т. 19.
[27] Вольчик В. В., Кот В. В. Институциональные изменения в контексте модернизации хозяйственных порядков //Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2013. Т. 5. №. 4. С. 40.
[28] Сухарев О. С. Институциональная теория. Траектории эволюции. 2022.

Б.Г. Клейнер в своей статье «Ритмы эволюционной экономики» говорит о взаимосвязи эволюционной и институциональной экономики следующим образом: если говорить с точки зрения механизмов координации элементов социально-экономического пространства, то институциональная теория должна отвечать за горизонтальную (вневременную координацию), а эволюционная теория за вертикальную координацию[29]. Вертикальная координация предполагает важность времени, ориентируется на согласование действий агентов в разные моменты времени, а горизонтальная координация обозначает координацию действий агентов в разных точках пространства. Инвариантность ко времени в случае институциональной теории связана с тем, что главной задачей института является достижение снижения неопределенности в поведении агентов без привязки к какому-либо моменту. По мнению Б.Г. Клейнера, только эволюционная экономика способна решить следующие задачи общеэкономического характера[30]:

1. разработка методов идентификации и развития динамических способностей экономических агентов;
2. дифференциация инвариантных и вариантных признаков агентов, их сообществ и популяций;
3. управляемый отбор и воспитание экономических и социально-экономических субъектов;
4. предотвращение и преодоление кризисов.

Именно поэтому переход от возвратно-поступательного движения к устойчивому эволюционному развитию важен в условиях выбора экономической политики. Эволюционное развитие можно представить в соответствии с описанием «эволюции» Й. Шумпетером: в виде выстраивания «соотношения числа новаторов и консерваторов в экономике»[31] – появление новаторов, которые вытесняют консерваторов с поля принятия экономических решений, приводит к институциональным изменениям. Что важно, число новаторов на каждом новом

[29] Клейнер Г. Б. Ритмы эволюционной экономики //Вопросы экономики. 2014. №. 4. С. 133.
[30] Клейнер, Г. Б. Ритмы эволюционной экономики // Вопросы экономики. 2014. № 4. С. 133.
[31] Schumpeter, J. The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle / J. Schumpeter; ed. by R. Opie. – New York: Oxford University Press, 1969. 244 p.

этапе должно быть достаточным для улучшения системы институтов, стимулирующих появление новаторов и выбытие консерваторов. Новаторы в данном случае являются теми экономическими агентами, которые готовы следовать альтернативной норме и когда их количество достигает критической величины, необходимой для преодоления издержек отклонения от текущей неэффективной нормы, то становится возможным выход из неэффективного институционального равновесия. При этом, необходим баланс между двумя этими силами, чтобы экономическое развитие продолжалось без непосильных издержек для экономики.

Среди важнейших, установленных институционально-эволюционной теорией эффектов является доказательство возможности возникновения и закрепления в институциональной среде неэффективных институтов и эффектов храповика. Это связано с тем, что отбор отсеивает лишь заведомо проигрышные практики, но при этом, не гарантирует распространение наиболее эффективных.[32] В связи с этим могут сохраняться неэффективные институты – новые институты, как правило, перенимают содержание старых, уже продемонстрировавших свою неэффективность институтов. Для объяснения этого эффекта была разработана концепция «зависимости от предшествующего пути развития» и теория институциональных ловушек.

1.3 Институциональные ловушки как препятствие экономического развития

В зарубежной литературе институциональные ловушки рассматриваются как последовательность неуместных регулятивных шагов, которые увеличивают издержки институциональной трансформации до уровня, при котором неэффективные институты могут оставаться стабильными несмотря на изменения

[32] Бережной И. В. Институциональные основания экономической эволюции //Terra Economicus. 2009. Т. 7. №. 4-2. С. 26.

во внешней экономической среде[33]. М. Грэдстайн рассматривал институциональные ловушки с точки зрения механизма самоподдержания менее эффективного пути (из 2-х) развития страны: концентрация политической и экономической власти, низкокачественные институты и медленный рост; более равномерное распределение политических и экономических ресурсов, высококачественные институты и более быстрый рост.[34]

В российских исследованиях на настоящий момент существуют различные подходы к описанию неэффективности институтов, выделим 2 основных – с помощью теории институциональных ловушек (В.М. Полтерович) и с помощью понятия «дисфункция институтов» (О.С. Сухарёв).

В России изучение институциональных ловушек получило мощное развитие благодаря исследованию В.М.Полтеровича: «Институциональные ловушки и экономические реформы»[35], которое показало необходимость теоретического осознания тех механизмов, которые препятствуют получению ожидаемого результата от реформ в нашей стране. Применительно к общим институциональным изменениям данный вопрос был поставлен перед экономической наукой еще Т.Вебленом, развит Б.Артуром и более подробно описан у Д.Норта. В.М. Полтерович определяет институциональные ловушки как «устойчивые, но неэффективные институты или нормы поведения»[36]. Под устойчивостью предполагается, что при небольшом временном внешнем воздействии на систему, она все еще продолжает оставаться в институциональной ловушке. При этом устойчивость той или иной нормы должна поддерживаться каким-то механизмом стабилизации, который делает невыгодным отклонение от данной нормы.

---

[33] Buzar S. The institutional trap in the Czech rental sector: nested circuits of power, space, and inequality //Economic Geography. 2005. Т. 81. №. 4. С. 381-405.

[34] Gradstein M. Institutional traps and economic growth //International Economic Review. – 2008. – Т. 49. – №. 3. – С. 1043-1066.

[35]Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы //Журнал Экономика и математические методы (ЭММ). – 1999. – Т. 35. – №. 2.

[36] Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы //Журнал Экономика и математические методы (ЭММ). – 1999. – Т. 35. – №. 2.

Наличие институциональной альтернативы, более эффективной нормы, в которую система потенциально могла бы перейти – одна из основных характеристик институциональной ловушки[37]. Если такой альтернативы не существует — например, если неэффективное состояние обусловлено технологическими, ресурсными или демографическими ограничениями, а не выбором между конкурирующими правилами поведения, — речь идёт не об институциональной ловушке, а о субоптимальном устойчивом состоянии иной природы. Этот критерий бинарности институциональных альтернатив прямо вытекает из логики В.М. Полтеровича: ловушка фиксируется как одно из двух (или более) возможных равновесий, между которыми существует разрыв, удерживаемый институциональными издержками перехода. На это указывают и Д. Норт, говоря о выборе между «эффективной» и «неэффективной» траекториями институционального развития (path dependence), и У.Б. Артур в своих моделях множественных равновесий, где фиксация на «худшем» равновесии возможна именно при наличии «лучшего». Без наличия альтернативы не может быть сравнения, а соответственно и самой институциональной ловушки: норма, у которой нет более эффективного аналога, не является неэффективной — она является единственно возможной. Несмотря, на активное использование в работе терминов «эффективный и неэффективный институт» стоит отдельно отметить, что сам по себе институт – вне среды не может являться эффективным или нет. Под эффективностью в данном случае подразумевается степень достижения институтом поставленной цели в конкретной институциональной среде. Если институциональная среда характеризуется такими параметрами, которые будут препятствовать достижению цели данным институтом (и параллельно будут повышать издержки поддержания данной нормы), то, соответственно, его эффективность будет снижаться. Но существование издержек перехода к другой норме (трансформационные издержки) ставит экономического агента перед выбором следовать проявившей свою неэффективность норме или нет (в

[37] Балацкий Е. В. " Институциональная ловушка": научный термин и красивая метафора //Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2020. Т. 12. №. 3. С. 24-41.

зависимости от соотношения трансакционных и трансформационных издержек). Данное закрепление неэффективной нормы связано с действием определенных механизмов, выделенных В.М. Полтеровичем.

Одним из таких механизмов является эффект координации, который заключается в том, что чем больше индивидов следуют той или иной норме, тем тяжелее от этой нормы отклониться ввиду наличия определенного уровня трансакционных издержек, которые значительно ниже для тех, кто «следует за большинством». И с течением времени данная норма будет все сильнее закрепляться в институциональной структуре благодаря «эффекту обучения» – когда норма преобладает в обществе, то участники со временем будут стараться использовать ее более эффективно и улучшать технологии ее реализации. Более того, так как конкретная норма не может существовать в вакууме, обособленно от других, сопряженных с ней норм, то это усложняет возможный процесс отказа от этой нормы, так как это повлияет и на всю цепочку связанных с ней институтов (В.М. Полтерович называет данную взаимосвязь «эффектом сопряжения»). И, наконец, важную роль в закреплении той или иной нормы играет культурная инерция – когда следование данной норме становится традицией, стереотипом поведения. Культурная инерция, не являясь самостоятельной нормой, влияет на поведение экономических агентов через параметры институциональной среды - «ценности и поведенческие установки, которые разделяют большинство людей и которые медленно меняются во времени»[38]. Именно тот факт, что данные ценности медленно меняются во времени делает культурную инерцию важным этапом глубокого закрепления той или иной нормы.

Вопрос культурной инерции можно рассмотреть не только как фактор, закрепляющий неэффективные институты, но и как одну из причин появления таких институтов из-за переноса институтов из одной культурной среды в другую. «Трансплантация институтов» - вопрос, который волнует исследователей-институционалистов так раз по причине возможных последствий данного импорта

[38] Аузан А. А. Социокультурная экономика //Наука и инновации.2017. Т. 2. №.168. С.5.

институтов без глубокого изучения культурной составляющей той почвы, на которую происходит данный перенос. «Посылка однородности социально-экономического пространства внешне сильно упрощает задачу анализа импорта новых институтов из богатых стран в бедные и потому выглядит вполне реалистичной».[39] Однако ввиду разнородности укоренившихся и импортируемых норм возникнает институциональный конфликт, который может привести к образованию смешанных институтов, которые теряют свои изначальные положительные свойства и имеют потенциал стать институциональной ловушкой. Таким образом, конфигурация формальных и неформальных норм задает институциональную среду страны. Заимствуемый формальный институт встраивается в уже сложившуюся систему неформальных норм, и его действие зависит от того, поддерживают ли эти нормы предписываемое им поведение или противодействуют ему. Поэтому перенос формального института без предварительной адаптации к принимающей неформальной среде ведет либо к его «отторжению», либо к формальному соблюдению при фактическом невыполнении. Для достижения институциональной устойчивости важно, чтобы неформальные институты являлись дополнением к формальным, заполняли существующие лакуны в формальной институциональной структуре – именно в этом случае можно говорить о возможности приближения к институциональному равновесию[40]. Э. Остром также отмечала проблему соответствия формальных и неформальных норм: «работающие правила могут быть, а могут не быть до совпадения схожими с формальными законами, выраженными в законодательстве, административном регулировании и решениях судов»[41]. Эффективность (степень достижения изначально поставленной цели) любого экономического института тем выше, чем более согласованы векторы мотивации формальных законов и неформальных практик. Обратная ситуация приводит к необходимости выбора экономическим

[39] Ореховский, П. А. Экспорт институтов и проблема сецессии / П. А. Ореховский // Федерализм. – 2020. – № 2. – С. 40.
[40] Фуруботн Э. Г. Институты и экономическая теория.2005.с.34
[41] Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. Litres, 2020.с.110

агентом более выгодного вектора следования (формального или неформального), а в критических случаях - к появлению институциональных ловушек.

Одним из основных различий между формальными и неформальными нормами, согласно В.Л. Тамбовцеву[42], является механизм принуждения к их исполнению – в случае формальных норм данные механизмы специализированы, в других нет. Специализированный характер механизма принуждения в данном случае рассматривается в контексте компенсации – контроль за их соблюдением осуществляется индивидами, которые получают плату за свои действия, в то время как контроль за неформальными институтами никак не вознаграждается. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности данного контроля, если он не приносит никаких выгод, но при этом требует от «инспектора» времени и усилий, чтобы этот контроль осуществлять. Этим же вопросом задавался экономический историк А.Грейф, который сравнивал системы контроля за действиями агентов купцов в средневековом Средиземноморье[43]. В одном случае магрибскими купцами (еврейская община в Северной Африке) для достоверности честности агентов использовалась система коллективного контроля поведения, когда в случае нарушения правил агентом, вся община переставала с ним работать, что делало невозможной его дальнейшую карьеру в данном регионе. В другом случае генуэзские купцы прибегали к услугам независимой третьей стороны в виде выстроенной правовой системы для регистрации и принуждения к исполнению контрактов, что впоследствии разрешало конфликты между купцами и их агентами. Как оказалось, несмотря на эффективность коллективного контроля, в рамках которого не использовались формальные нормы, данная система контроля является неэффективной при расширении торговли, так как требует значительных расходов времени, финансовых ресурсов на сбор, систематизацию и хранение данных о каждом недобросовестном агенте. В то время как наличие формальных

[42] Тамбовцев В. Л. Методология эмпирического анализа неформальных институтов //Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2020. Т. 12. №. 3. С. 6-23.
[43] Greif, A. Contract enforceability and economic institutions in early trade: The Maghribi traders' coalition // The American Economic Review. – 1993. – P. 525–548.

норм позволяет вести торговлю с большим количеством контрагентов. Увеличение объемов обменов между индивидами ведет к необходимости функционирования формальных правил, которые могут централизованно регулировать растущий объем взаимодействий. При этом важно не только само наличие выстроенной правовой системы, но и наличие практического стимула в ее использовании. Магрибские купцы, как торговое меньшинство без собственной государственности, вероятно из-за недостаточного политического веса в обществе не могли рассчитывать на эффективность этого механизма и потому предпочитали репутационный механизм как более надежный.

Таким образом, даже формально выстроенные нормы, не пользующиеся доверием общества, не создают у экономических агентов стимулов их соблюдать.

Именно поэтому в рамки институционального анализа был включен анализ социологических, правовых исследований, связанных с экономическими проблемами. Правовые исследования необходимы для понимания механизма установления институциональной среды элитами или организациями, который реализован в т.ч. через создание и внедрение законов, нормативных актов (формальных институтов) в институциональную структуру. Социальные и культурные исследования в рамках изучения неформальных институтов (например, норм деловой репутации, корпоративной культуры, практик неформального найма (блат)) необходимы для понимания механизма появления и причин закрепления неэффективных институтов. Стоит отметить, что неформальные институты не препятствуют инвестициям напрямую, а определяют издержки распространения нового знания внутри экономики — например, низкий уровень доверия сужает круг контрагентов, повышая издержки контроля и тем самым ограничивая освоение заимствуемых технологий и институтов в случае попытки внедрения/заимствования потенциально более эффективных, зарекомендовавших себя институтов.

Согласно исследованию Г. Хелмке и С. Левитски можно провести следующую типологию взаимодействия формальных и неформальных институтов (см. рис.1), согласно которой, можно выделить 4 способа данного взаимодействия:

Типология неформальных институтов		
	Эффективные формальные институты	**Неэффективные формальные институты**
Сонаправленные цели	**Взаимодополняющие**	**Конкурирующие**
Разнонаправленные цели	**Согласующие**	**Замещающие**

Рисунок 1 - Типология взаимодействия формальных и неформальных институтов[44]

1. Взаимодополняющие: в данной конфигурации в обществе функционируют эффективные формальные институты, к которым у членов общества есть доверие и которые в той или иной мере согласуются с существующими неформальными нормами. Следствием данного согласования является возможность «заполнения пустот», существующих в формальных институтах (данные пустоты – это какие-то проблемы или нестандартные ситуации, регулирование которых законодательно не закреплено) неформальными нормами без нарушения системной целостности формальной структуры. Ярким примером такого замещения «пустот» является результат проведенного Я. Магнусом, В.М.Полтеровичем, Д. Данииловым и А. Савватеевым исследования, посвященного отношению к списыванию у студентов в различных странах. В странах, где в студенческой среде принято сообщать о фактах нарушения во время экзамена преподавателю другими студентами (например, США) уровень списывания потенциально будет ниже, чем в странах, где деятельность таких «информаторов» не поощряется (например, в России). Таким образом в США существует неформальная норма в обществе, которая призвана снижать вероятность нечестного поведения, что законодательно, конечно, не

[44] Helmke G., Levitsky S. Informal institutions and comparative politics: A research agenda. Edward Elgar Publishing, 2012. с. 12

регулируется – поскольку санкции за списывание относятся к внутренним правилам образовательной организации (неудовлетворительная оценка, аннулирование работы, отчисление), а не к нормам публичного права[45].

2. Согласующие: в данной конфигурации в обществе все еще преобладают эффективные формальные институты, но при этом, они могут вступать в некоторый конфликт с неформальными институтами, но путем механизма согласования, последствия данного конфликта могут быть минимизированы. Данный механизм заключается в некоторой модификации формальных норм в соответствии с неформальными нормами – ярким примером является политика Gedogen[46] в Нидерландах, где наказание за нарушение закона может быть смягчено или вовсе отсутствовать в определенных случаях. Например, несмотря на запрет в правилах дорожного движения поворота направо для велосипедистов на красный свет светофора, многие велосипедисты продолжали это правило нарушать и вместо увеличения количества и размера штрафов, государство разрешило велосипедистам это действие, если это безопасно для их жизни. Это лишь один из примеров проводимой политики Gedogen, которая является неким «мостиком», соединяющим неформальные и формальные правила воедино.
3. Конкурирующие: данная комбинация предполагает неэффективные формальные институты и конкурирующие с ними неформальные общественные нормы. Неэффективность формальных институтов часто и обусловлена их несоответствием с существующими культурными нормами, обычаями и др. Примером здесь могут служить страны с колониальным прошлым, которым формальные институты насаждались извне без учета их внутренних особенностей. Данная конфигурация предлагает членам общества выбор – либо следовать неформальным, либо формальным нормам, так как одновременное следование и тем и другим невозможно ввиду их

[45] Magnus J. R. et al. Tolerance of cheating: An analysis across countries //The Journal of Economic Education. 2002. Т. 33. №. 2. С. 125-135.
[46] Barendregt W. Gedogen-the psychological aspects of Dutch tolerance: дис. – University of Twente, 2011.

явной разнонаправленности. Примером данного несоответствия неформальных и формальных институтов является феномен клиентарно-патронажных отношений, которые Ж.Ф. Медар определил как «не связанные с родством отношения личной зависимости, опирающиеся на обмен благами между двумя людьми: патроном и клиентом, обладающими неравными ресурсами»[47]. Противоречие между формальными и неформальными нормами наступает в тот момент, когда необходимо сделать выбор – или следовать законодательно закрепленным нормам поведения либо следовать клиентарным нормам, которые повышают статус в обществе, в котором эта норма неформально одобряется.

4. Замещающие – в данном случае неэффективные формальные нормы не просто конкурируют с неформальными, предоставляя каждый раз право выбора между ними как в случае с конкурирующими нормами, а неформальные замещают формальные институты. Примером может послужить способ избрания президента в Мексике, где в течение десятилетий президент выбирался не согласно правилам, описанным в Конституции, в избирательном праве и иных нормативных актах, а по принципу «dedazo»[48] («большой палец») – действующий президент мог по этому правилу выбрать круг своих преемников и ограничить участие в выборах других кандидатов.

Рассогласованность действующих в обществе формальных и неформальных норм проявляется в ситуации необходимости выбора экономическим агентом между двумя взаимоисключающими нормами. Наличие выбора между двумя существующими нормами (а не выбора между нормой и проектируемым идеалом) может приводить к возникновению институциональной ловушки[49].

Замещающий тип взаимодействия формальных и неформальных норм – не просто красивая метафора – выделяемые В.М. Полтеровичем в качестве примеров

---

[47] Médard J. F. Le rapport de clientèle: du phénomène social à l'analyse politique //Revue française de science politique. 1976. С. 103.

[48] Ворожейкина. Т. Е. Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия //Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. №. 4. С. 58.

[49] Малкина, М. Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований).2011. Т. 3, № 1. С.51

институциональных ловушек: бартерная ловушка, ловушка неплатежей, уклонение от налогов, коррупционная ловушка[50] - реальные примеры, когда экономические агенты выбирают практики обмена, не соответствующие формальным нормам. Одной из основных причин появления институциональных ловушек в нашей стране являлась переориентация с долгосрочных интересов на краткосрочные во время переходного этапа российской экономики в 90-е гг. Данная переориентация обозначает смещение акцента с долгосрочного планирования к краткосрочному ввиду нестабильной экономической ситуации и в России, что привело к участию экономических агентов в сомнительных финансовых операциях (финансовые пирамиды, сомнительные аферы и подозрительные банки и иные финансовые институты для спасения своих обесценивающихся сбережений). В результате происходила утрата доверия к государству, системе права и иным институтам. Данное падение уровня доверия было настолько сильным, что его последствия проявляются и в настоящее время.

В дополнении к перечисленным выше институциональным ловушкам, экономическими исследователями добавляются новые, выявленные в ходе изучения процесса реформирования российской экономики и присутствующие как на макроуровне – на уровне экономики, в целом, так и на уровне отдельных отраслей и организаций, среди которых можно отдельно выделить:

1. *Ловушка бюрократизации*, суть которой заключается в чрезмерном административном давлении на экономику и отсутствии мотивации у чиновников к позитивным изменениям[51].

С точки зрения поведенческой экономики установление жестких правовых норм оправданно в том случае, если целью является устранение возможности применения альтернативных решений и, соответственно, ограничение возможности принятия решений на основании экспертных суждений, основным недостатком которых является субъективность и высокая вариативность (для

[50] Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы //Журнал Экономика и математические методы (ЭММ). 1999. Т. 35. №. 2. С.13-19

[51] Баскин, А. С. Стратегия модернизации и институциональные ловушки // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2009. № 1. С. 13

описания широкого разброса принимаемых решений ввиду влияния посторонних факторов в тех случаях, когда вариативность не предусмотрена, Д. Канеман[52] использует термин «шум при принятии решений»). Установление жестких правовых норм требует постоянной «подстройки» этих правил под изменяющиеся условия, иными словами, требует частого изменения формальных норм, что в свою очередь, может усиливать рассогласованность с существующими неформальными нормами и снижать мотивацию экономических агентов подстраивать свое поведение под данные нормы.

Несмотря на «универсальность» относительно областей своего действия (данная ловушка присуща практически всем крупным организациям) – в условиях частной собственности, где аппарат управления более персонифицирован и где эффективность его работы напрямую влияет на ключевые показатели эффективности управленческих лиц, данная ловушка проявлена в меньшей степени, нежели в государственном секторе[53] Согласно М.Ю. Малкиной[54] структура государственного управленческого аппарата влияет на эффективность функционирования общественного сектора экономики. И в условиях ослабления контроля и наличия противоречия между общественными интересами и интересами представителей той или иной части работников управленческого персонала возникают предпосылки для возникновения данной ловушки. Данное противоречие проявляется на этапах распределения финансовых ресурсов, которые находятся в руках представителей власти и связано с тем, что у законодателей помимо цели максимизации общественного благосостояния есть другие цели, такие как репутация, личный коммерческий интерес[55]. И чем более централизованной является власть, тем на большую часть хозяйственного комплекса страны эта ловушка влияет.

---

[52] Канеман Д., Сибони О., Санстейн К. Шум. Несовершенство человеческих суждений. Litres, 2021. С. 419.

[53] Выголко, Т. А. Бюрократия как институциональная ловушка в экономических системах стран с развивающимися рынками // Сборник научных работ серии «Экономика». 2019. № 14. С. 51–60.

[54] Малкина, М. Ю. Институциональные ловушки системы государственных финансов Российской Федерации // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3, № 4. С. 49.

[55] Бьюкенен, Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Бьюкенен, Дж. Сочинения / пер. с англ.; гл. ред. Р. М. Нуреев. М.: Таурус Альфа, 1997. С. 407–411. (Нобелевские лауреаты по экономике; Т. 1).

2. Ловушка низкой инвестиционной активности заключается в устойчиво слабой инвестиционной и инновационной активности бизнеса - иными словами предпочтение краткосрочных инвестиций долгосрочным, что обусловлено различными факторами, в т.ч. - незащищенностью прав собственности, социально-политической нестабильностью, частой сменой формальных правил, и, как следствие, невысоким уровнем доверия.

Дополнительно тенденция предпочтения следования краткосрочным целям закрепляется в экономике (все еще характеризующейся достаточно высокой степенью зависимости от природных ресурсов[56]) ввиду того, что бизнесу выгоднее в рамках данной парадигмы получать ренту с природных ископаемых, нежели вкладываться в долгосрочные инновационные проекты, в т. ч. в проекты, связанные с долгосрочными научными исследованиями. Данная тенденция отражается в различных индикаторах – согласно докладу Правительства от 2023 г. в 2021 г. удельный вес инновационных товаров (услуг) в общем объеме отгруженных товаров (услуг) в России составил 5%, в то время как в ведущих европейских странах этот показатель достигает 15%. Показатель уровня инновационной активности бизнеса в России в 2021 году составил 11,9%, в то время как, например, в Канаде – 79,3%, Германии – 68,8%, США – 64,7%[57]. Если же финансирование данных долгосрочных проектов происходит, то оно тесно связано с необходимостью использовать метрики для оценки эффективности, подробнее об использовании метрик в общественном секторе и, в частности, в сфере генерации знаний описано в параграфе 2.2.

Другой стороной вопроса слабой инновационной активности бизнеса, рассмотренной выше, является рассогласованность внедряемых технологий со сложившейся институциональной средой. Новые технологии, которые сами по себе не являются институтами, влияют на согласованность формальных и неформальных норм следующим образом – скорость технических изменений выше

[56] Согласно данным Министерства финансов РФ доля нефтегазовых доходов от суммы доходов федерального бюджета на декабрь 2024 г. составляла 30%. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics (дата обращения: 06.07.2025)
[57] Распоряжение Правительства от 20.05.2023 №1315-р. [Электронный ресурс]//Правительство России. URL: http://government.ru/docs/all/147621/?page=2 (дата обращения: 14.11.2024). С. 13.

скорости изменения неформальных норм (в общем случае) и применение новых технологий не всегда соответствует сложившимся профессиональным практикам. Степень рассогласованности зависит от сферы внедрения новой технологии – там, где эффективность определяется количественными показателями и цели деятельности однозначны (например, коммерческий сектор), автоматизация расчетов, ускоряющая достижение данных метрик, отвечает потребностям акторов данной среды. В среде, где метрики не могут достоверно оценить результат деятельности, цели акторов разнонаправлены и ценность деятельности связана с неявным знанием (например, система образования) внедрение новых технологий без их адаптации к данным особенностям может привести к повышению степени рассогласованности формальных норм, которые ввиду снижения издержек сбора и обработки количественных показателей будут закреплять больше метрик для оценки и регулирования данной деятельности и неформальных норм, существующих в академической среде. В случае, если переход к более эффективной конфигурации технологий и формальных норм будет связан с высокими трансформационными издержками и отсутствием показателей, закрепляющих данный переход, данная рассогласованность может приобрести устойчивый характер и перейти в состояние ловушки. Если неформальные нормы со временем смогут подстроиться под внедряемые технологии и акторы будут нести только издержки, связанные с обучением, адаптацией, то рассогласованность обретет временный характер и, соответственно, необходимости выбора между конкурирующими нормами не возникнет. В момент перехода в данном случае может наблюдаться не ловушка, а дисфункция – нарушение выполнения институтом своих функций, которое не предполагает конфликта норм и может носить как временный, так и устойчивый характер.

Согласно теории дисфункции институтов (неэффективности институтов с функциональной точки зрения) разработанной О. Сухарёвым в 1998-2001 гг., экономические институты характеризуются определенной величиной дисфункции, которая определяется как «нарушение или расстройство функций какого-либо

органа, системы, экономического института»[58]. Данное определение тесно связано с описанием института, как совокупности функций, которые он призван выполнять в рамках своего функционирования и если часть функций перестала реализовываться или выполняется не на изначально планируемом уровне, то система испытывает дисфункциональность. В зависимости от «степени поражения» системы существует понятие «макродисфункции» и микродисфункции». Макродисфункция - динамическое состояние системы, при котором все основные параметры испытывают потерю качества. Применительно к системе высшего образования и науки под потерей качества в настоящей работе понимается устойчивое снижение степени достижения целей, который перед собой ставит данный институт через действие описанных в 3-й главе институциональных ловушек и дисфункций.

При этом каждая из перечисленных ловушек и дисфункций задает отдельный параметр системы, а их устойчивое совместное действие позволяет квалифицировать состояние системы именно как макродисфункцию, а не как локальное снижение качества по отдельным параметрам.

Макродисфункция более сложно поддается коррекции, так как в случае, когда все (или большая часть) параметры функционируют неправильно, возникает эффект самоусиления функциональной неэффективности и поэтому коррекция одного или нескольких параметров не улучшит положение всей системы. Такое описание института как динамической системы показывает, что неэффективность того или иного института возникает во времени, в процессе его функционирования и, к сожалению, «естественный отбор» институтов в терминах эволюционной экономики не обеспечивает функционирование только полезных для общества институтов. Именно поэтому становятся возможными такие феномены, как бартер, коррупция, уход от налогов и др. Данные процессы могут возникать как независимо друг от друга, так и одновременно и даже опосредовать друг друга. Например, низкий уровень заработной платы, задержки в ее выплате могут

[58] Сухарев О. С. Теория дисфункции экономических систем и институтов и региональное управление. 2012. С.2

приводить к бартеру, а высокий уровень налогов к уходу части доходов в тень. Существующие в экономических системах микродисфункции (когда лишь часть параметров испытывает снижение качества) могут влиять на уровень адаптивной эффективности института («способность экономической системы к приобретению знаний, внедрению инноваций, принятию риска и, соответственно, возможность проведения различных экспериментов»)[59]. Если же в функционировании экономической системы проявляются признаки макродисфункции, то необходимы кардинальные изменения в правовом поле, в котором данная система функционирует и подбора такой комбинации хозяйственного и правового порядка, в которой уровень адаптивной эффективности будет максимально возможным. Выбор экономической политики должен основываться на повышении данной адаптивной эффективности путем элиминирования факторов, которые данную дисфункцию могут усиливать:

1. Высокая скорость изменений в виде быстрых реформ, обоснованность внедрения которых не доказана. Данный фактор вполне применим к политике нашего государства, подверженной такого рода изменениям, которые в некоторых случаях даже приводят к разрушению прежних ценностей, прежних политических целей[60].
2. Соперничество между различными институтами и агентами.
3. Экономическая политика, снижающая качество институциональной системы (например, высокий уровень бюрократии повышает трансакционные издержки).

Однако стоит отметить, что изменение правового поля без учета типа взаимодействия формальных и неформальных норм может стать лишь очередным фактором, увеличивающим и без того высокую скорость изменений. В случае конкурирующего типа взаимодействия экономический агент выбирает ту норму,

---

[59] Сухарев О. С. Теория дисфункции экономических систем и институтов и региональное управление. 2012. С.5

[60] Волков А. С., Иващенко Я. С. Маятник России: к проблеме изучения национальной идеи //Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». – Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы», 2019. №. 11-2. С. 163.

следование которой дешевле с точки зрения более низких трансакционных издержек, а также большего доверия к ней ввиду ее большего постоянства. Однако на примере рассмотренных отдельных неформальных практик (бартер и взаимозачеты в 1990-е гг.) отметим, что не все неформальные нормы обладают меньшей скоростью изменений.

В рамках первой главы можно сделать следующие выводы:

1. Институты являются базовыми характеристиками институциональной среды, сложившейся в той или иной стране, в соответствии с которыми происходят взаимодействия экономических агентов в процессе их ежедневного выбора в условиях использования ограниченных ресурсов.
2. Институциональная среда характеризуется определенной конфигурацией формальных и неформальных институтов, способом их взаимодействия, а также параметрами среды (уровень доверия, ценностные установки и т. д.), определяющими издержки закрепления нормы. Представители традиционного институционализма отмечали важность баланса между формальными и неформальными институтами, их согласованности друг с другом для более эффективного достижения целей данных институтов, ради которых они создавались либо внедрялись из институциональной среды другой страны.
3. Для достижения институциональной устойчивости важно снижение степени рассогласованности действующих в обществе формальных и неформальных норм - наличие институтов, способствующих и одновременно препятствующих достижению поставленных инициаторами изменений целей может приводить к «деструктивным обстоятельствам» или институциональным ловушкам. Институциональная ловушка – устойчивая, но неэффективная норма, поддерживаемая механизмами закрепления (эффекты координации, обучения, сопряжения, культурной инерции). В отличие от иных субоптимальных состояний у институциональной ловушки существует более эффективная (в данной конкретной среде) альтернатива,

переход к которой зависит от соотношения издержек и выгод отдельного экономического агента от перехода к другой норме.

4. Описанная выше рассогласованность зависит, в том числе от уровня доверия к формальным нормам, которое может быть снижено, например в результате их частого изменения и возможного противоречия друг другу. В результате выбор альтернативной неформальной нормы может стать распространенной практикой и оказать влияние на все основные параметры системы, что может быть квалифицировано уже как макродисфункция и требовать системного подхода к изменению институциональной среды, так как точечное изменение неэффективной нормы уже не приведет к ожидаемому результату.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

2.1 Концептуальные основы исследования эффекта зависимости от предшествующего пути развития

Описанная в первой главе рассогласованность формальных и неформальных институтов демонстрирует некий статичный дисбаланс институциональной среды, но при этом не отвечает на вопросы о причинах возникновения данного состояния и сохранения его устойчивости. Важным инструментом, с помощью которого можно изучать причины трансформации институтов, является теория «эффекта колеи» или «зависимости от предшествующего пути развития». В начале формирования данной концепции существовало два определения «эффекта колеи» - в более расширенной версии это означает «причинную значимость предшествующих этапов во временной последовательности» или, иными словами, "то, что произошло в более ранний момент времени, будет влиять на возможные результаты последовательности событий, происходящих в более поздний момент времени"[61]. Альтернативное определение «эффекта колеи» было предложено М. Леви, которая рассматривала данный феномен в более узком страновом смысле: «зависимость от пути развития должна означать следующее: если страна или регион начали двигаться по какому-то пути, то затраты на разворот очень высоки. Будут и другие точки выбора, но укорененность определенных институциональных механизмов препятствует легкому отказу от первоначального выбора»[62]. Данная зависимость от предыдущего выбора тесно связана с положительным эффектом от масштаба, который «закрепляет уже выбранное направление» и таким образом, предопределяет все дальнейшие выборы. С течением времени затраты на кардинальное изменение выбранного пути лишь возрастают. Но, несмотря на важную роль положительного эффекта от масштаба, он не является единственной

[61] Sewell W. H. Historical events as transformations of structures: Inventing revolution at the Bastille //Theory and society. 1996. Т. 25.С. 844.
[62] Levi M. The State of the Study of the State //Political science: The state of the discipline. 2002. С. 33-55.

причиной возникновения эффекта колеи, и в экономической литературе рассматриваются и другие:

1. Техническая взаимосвязанность[63] или институциональная комплементарность, когда технологии или институты (техническая или институциональная взаимосвязь) используются благодаря своей тесной связи с другими устойчивыми технологиями или институтами.
2. Положительный эффект масштаба[64], определяющий невозможность одновременного существования большого множества альтернативных технологий или институтов, связанный с возрастанием эффективности при включении в сферу влияния института всё большего количества индивидов.
3. Необратимость сделанного выбора и невозвратные затраты в приобретение капитала (физического, человеческого или социального)[65], который обесценится при использовании другой технологии или при следовании другим правилам.
4. Возрастающая отдача от совершенствования технологии, позволяющая увеличивать выгоду путем совершенствования существующей технологии, а не благодаря ее замене на совершенно новую. Аналогичная ситуация возможна и в случае институтов, когда небольшое изменение существующего института больше повышает благосостояние субъектов деятельности, чем полная замена института (например, путем его заимствования от другой страны, или путем его «рационального» конструирования).
5. Несовершенство информации, не позволяющее участникам взаимодействия узнать о существовании и степени эффективности существующих технологий или институтов и скоординировать свою деятельность.

---

[63] Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY //Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 2007. Т. 6. С. 145.
[64] Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY //Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 2007. Т. 6. С. 146.
[65] Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY //Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 2007. Т. 6. С. 196-198.

6. Отсутствие у субъектов, определяющих использование той или иной технологии или внедряющих некоторое институциональное новшество, заинтересованности (мотивации) в повышении эффективности технологий или институтов.

Исследования эффекта колеи в рамках институционально-технологических изменений начались с работ П.Дэвида, который использовал данный термин для объяснения причин, по которым менее эффективные технологические решения становятся преобладающими в своей отрасли (известный QWERTY-эффект, стандарты телевещания и др.). Этот вопрос крайне важен, так как в рамках свободного выбора, конкуренции идей сталкиваться с такими закономерностями – это лишний раз убеждаться в том, что индивиды весьма далеки от homo economicus и что есть силы, которые в какой-то мере данный выбор предопределяют: «Несмотря на то, что у них есть, как мы теперь говорим свобода выбора, их поведение, тем не менее зажато в твердые тиски давно забытых событий и сформировано обстоятельствами, в которых не фигурировали ни они сами, ни их интересы»[66]. Помимо изначального выбора в пользу того или иного технологического решения есть еще важный этап – его закрепление в структуре этого выбора или эффект блокировки (*lock-in*), что означает наличие издержек для изменения однажды принятого решения. П.Дэвид выявил 3 основных компонента, которые данному закреплению способствуют: техническая взаимосвязанность, положительный эффект масштаба и квазинеобратимость инвестиций. Данные компоненты, как и другие особенности Qwerty-эффектов впоследствии стали использоваться при анализе институтов, а не только технологических решений. Ярким примером такого анализа является работа Д.Норта «Институты и экономический рост: историческое введение», где он на примере Латинской и Северной Америки показывает, как первоначальная конфигурация институтов, сложившаяся в силу исторических обстоятельств, а не в результате сознательного коллективного выбора пути развития (изначальные различия институтов ввиду

[66] Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY //Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 2007. Т. 6. С. 141.

трансплантации этих институтов в Северной Америке из Великобритании и в Латинской из Испании) продолжает оказывать влияние и в настоящее время. Дальнейшие межстрановые исследования проводились многими авторами, в том числе Д. Аджемоглу и А. Робинсоном, которые ввели в экономический анализ понятия инклюзивных и экстрактивных институтов. Инклюзивные институты обеспечивают равенство возможностей, четкие правила и гарантии их соблюдения всеми без исключения. Экстрактивные же институты позволяют перераспределять ресурсы в пользу кого-то из элиты путем эксплуатации остальной части населения. Также Д. Аджемоглу и А. Робинсон используют понятие «точка перелома», как исторический переломный момент, в ходе которого происходит выбор тех институтов, которые в дальнейшем определят путь развития общества[67]. И не обязательно выбор, произведенный в данной точке бифуркации будет оптимальным и эффективным для всех по тем же причинам, по которым происходят «QWERTY- эффекты» - из-за эффекта возрастающей отдачи, благодаря которому изменение сложившихся институтов сопряжено с крайне высокими издержками. Сложность точечных изменений институциональной среды также связана с наличием институциональной комплементарности – взаимодополняемости институтов и кумулятивной причинности[68] - термин Г.Мюрдаля с помощью которого он описывал комплексные социальные и экономические факторы, которые в рамках одной системы взаимоусиливают влияние друг друга. В связи с чем точечная настройка системы требует одновременной донастройки смежных с ней норм, что увеличивает издержки изменений и усиливает описанный ранее эффект блокировки.

В России «эффект колеи» проявляется достаточно ярко и для анализа данной преемственности, сложившейся в прошлые периоды российской истории институтов, были предложены различные инструменты, одним из которых являются институциональные матрицы. Данные матрицы были введены С.Г.

---

[67] Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты //М.: АСТ.2015. Т. 720.С. 130.

[68] Myrdal G., Sitohang P. Economic theory and under-developed regions.1957. p.12-13

Кирдиной и описывают общество с позиции трех основных общественных сфер: экономическая, политическая и идеологическая. В каждой из этих сфер в разных обществах преобладают различные институты, например, для западной институциональной матрицы в экономической сфере характерно преобладание институтов рынка, а для восточной матрицы – институты редистрибутивной (по К. Поланьи) или раздаточной экономики[69].

Д.Норт в понятие институциональной матрицы включает также неформальные ограничения, которые в совокупности с формальными правилами и организуют экономическую деятельность[70]. А.А. Аузан, описывая различные системы институтов в разных странах вместо понятия «институциональная матрица» использует понятие пути А и Б – траектория А – это страны с быстро развивающейся экономикой, более стабильными институтами в отличие от траектории Б.[71]. В силу эффекта колеи страны чаще всего остаются на своей исторической траектории, но есть исключения в виде феномена азиатских тигров и японского экономического чуда, когда этим странам удалось сменить свой путь.

Таким образом, способ преодоления эффекта колеи существует – вопрос заключается в том, какая конфигурация институциональных изменений позволит этот выход найти и сменить свою траекторию на более эффективную и какие институциональные условия позволят этой траектории закрепиться. С точки зрения институциональных условий важно понимать, что является первопричиной, которая запустит маховик положительных изменений – некоторые исследователи, например, С.Липсет считал, что именно экономический рост в стране является первопричиной дальнейших изменений в виде распространения образования, появления среднего класса и демократии. Другие исследователи, считают, что наоборот, экономический рост является результатом, а не причиной

[69] Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в XY-теорию. 2014. С.114
[70] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера //М.: Фонд экономической книги «Начала. 1997.Т. 2. С. 173.
[71] Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития-эволюция гипотез //Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015.№. 1.С. 5.

демократизации общества[72]. В.М.Полтерович и В.Попов[73] предположили и вовсе третий вариант – демократизация и экономический рост не предполагают, в принципе, однозначной линейной связи (при наличии слабых государственных институтов). Е. Ясин считал, что инновационное развитие зависит не только от институтов, но и от культурных особенностей. В.М. Полтерович также особенно выделял культурные особенности (в частности, гражданскую культуру), как «ограничения, часто не учитываемые реформаторами в процессе внедрения передовых институтов»[74].

Следует отметить, что важность культурных факторов в изучении экономических проблем постоянно переосмысливалась – в 1940-1950-е гг. акцент на культуре был типичен для мейнстрима социальных наук и связывался с такими исследователями, как М. Мид, Р. Бенедикт, Э. Бэнфилд, С. М. Липсет и другие. Усилиями этих исследователей была создана обширная литература, которая в будущем вдохновляла задуматься о некоторых действительно фундаментальных вопросах человеческого развития и взаимодействия. В 1960-х и 1970-х гг. интерес к подобным исследованиям снизился. Некоторые ученые под влиянием политкорректности ушли в культурный релятивизм, который накладывает серьезные ограничения на размышления о культуре как объяснительной переменной. В 1980-х гг. по целому ряду различных причин культура начала возвращаться в академическое сообщество. Такие ученые, как Ф. Фукуяма, Л. Харрисон, Р. Патнэм и С. Хантингтон, возглавили движение, что вызвало бурную ответную реакцию. Вскоре стало слишком очевидным, что поиск культурных объяснений различий в экономическом развитии был, есть и, скорее всего, будет оставаться весьма деликатным вопросом. Летом 1998 г. Академия международных и региональных исследований Гарвардского университета приступила к планированию крупной конференции, посвященной культурному объяснению

[72] Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития-эволюция гипотез //Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015.№. 1.С. 10.
[73] Полтерович В. М., Попов В. В., Тонис А. С. Концентрация доходов, нестабильность демократии и экономический рост //Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. №. 1. С. 15-29.
[74] Полтерович В. М. Институты догоняющего развития и гражданская культура //Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 205. №. 3. С. 314-328.

различий в экономическом развитии. Симпозиум прошел весной 1999 г. под названием «Культура имеет значение: Ценности и человеческий прогресс». Такая эволюция взглядов на культуру в итоге привела к тому, что ее важность уже не оспаривается и остается вопрос возможности измерения данного фактора с помощью количественных и качественных методов для возможного сравнения культур между собой и включения данных результатов в экономический анализ.

Важность социокультурных факторов была проанализирована в исследованиях А. Аузана, П.Лунгина, В. Найшуля. А Р. Инглхарт и Г. Хофстеде создали методику для измерения динамики социокультурных характеристик и их межстранового сравнения.

Методика Г. Хофстеде, как наиболее широко используемая в социоэкономических исследованиях включает в себя шесть культурных характеристик, по которым можно оценить институциональные особенности отдельной страны и провести межстрановое сравнение:

- индекс дистанции власти (измеряет отношения между начальством и подчиненными на различных уровнях – если в той или иной стране дистанция власти высокая, значит, есть «некий культ» власти, отрицающий равенство между подчиненным и руководством);
- индивидуализм (в странах с высоким индексом индивидуализма люди сосредоточены на достижении личных целей, с низким индексом – на достижении общих, коллективных целей);
- маскулинность (в маскулинных обществах больше ценятся такие типично мужские личные качества, как напористость, стремление к успеху, конкуренция, амбициозность, в феминнных обществах больше ценятся забота о качестве жизни, забота, скромность и др.);
- избегание неопределенности (чем выше индекс, тем менее общество склонно к переменам, более консервативно);
- ориентация на будущее (чем ниже индекс, тем представители общества более склонны жить сегодняшним днем, чем строить долгосрочные планы);

- потворство желаниям (чем ниже индекс, тем для общества более характерно наличие сдерживающих правил и ограничений).

Концепция зависимости от предшествующего пути развития является междисциплинарной, так как предполагает необходимость многостороннего анализа характеристик существующей в обществе модели социально-экономического развития для ее дальнейшей корректировки. Помимо социологии, культурологии, политологии, концепция «зависимости от предшествующего пути развития» используется также в естественных науках – Б. Артур приводит примеры процессов, зависящих от предшествующего пути развития не только в рамках экономической теории, но и в области химической кинетики и математической теории оптимизации[75]. В связи с этим «эффект колеи» не только является важнейшей частью эволюционной экономики, но и в более широком смысле является инструментом изучения динамических явлений, которые характеризуются двумя основными свойствами: неэргодичность и стохастичность. Неэргодичность предполагает, что состояния системы, достигаемые в ходе процесса, зависящего от предшествующего пути развития, не могут быть любыми, а определяются тем, какие состояния данная система уже принимала в прошлом. Стохастичность означает наличие случайности – в отличие от детерминированных процессов, в стохастических нет четких причин того или иного состояния системы[76].

Возвращаясь к описанию общества с помощью институциональных матриц и, принимая во внимание неформальные ограничения, значимость которых отстаивал Д.Норт, рассмотрим концепцию предшествующего пути развития на примере России и существующих в нашем обществе паттернов поведения, которые, несмотря на многочисленные реформы перехода к рынку могут

[75] Brian Arthur W., Ermoliev Y. M., Kaniovski Y. M. Strong laws for a class of path-dependent stochastic processes with applications //Stochastic Optimization: Proceedings of the International Conference, Kiev, 1984. Springer Berlin Heidelberg, 1986. С. 287-300.

[76] Ширяев, И. М. Зависимость от предшествующего пути развития и создание пути развития как важнейшие концепции в эволюционной экономике // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2013. Т. 4, № 3. С. 106.

способствовать закреплению неэффективных состояний в экономической и социальной сферах.

Поведенческие паттерны, существующие в обществе, влияют на функционирование институтов, так как в случае их противоречия друг другу, возникают предпосылки для возникновения оппортунистического поведения. Внутренние убеждения формируются как за счет внутренних факторов конкретного индивида, его прошлого и накопленного опыта (изучение которого путем сбора эмпирического материала на базе существующего уровня технологий весьма затруднено), так и за счет внешних факторов, внешней среды, в рамках которой воспроизводство правил закрепляется в сознании людей, как представителей единой общности. Более того, данная «закрепленность» происходит именно на коллективном уровне, который включает в себя накопленные на протяжении всей истории того или иного социума паттерны поведения, которые и можно частично определить, как «культура». Именно поэтому ряд российских экономистов, которые ставят себе вопросы о причинах возникновения и стабильности неэффективных институтов, уделяют особое внимание культуре, которую определяют как «ценности и поведенческие установки, которые разделяют большинство людей и которые медленно меняются во времени»[77].

Следует отметить, что изучение ценностей на уровне социальной культуры заметно отличается от изучения индивидуальных ценностей и совокупность индивидуальных ценностей какой-то социальной группы вполне может не совпадать с существующими коллективными ценностями (целое всегда есть нечто большее, чем простая сумма его частей). «Ценность», согласно подходу М. Рокича, – это вид убеждений, имеющий центральное положение в индивидуальной системе убеждений[78]. Для того, чтобы ценности были устойчивыми, необходимо, чтобы они формировали определенные конечные цели индивида, которые с личной и

[77] Аузан А. А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. Litres, 2022.
[78] Rokeach M. The nature of human values. Free press, 1973.

общественной точки зрения заслуживали стремления к их достижению – терминальные ценности. Также необходимо, чтобы ценности формировали тот образ действия, который опять же, с личной и общественной точки зрения, предпочтителен в любой ситуации (трудолюбие, доброта, честность и др.). Важным является следующий постулат М.Рокича: «все люди обладают одними и теми же ценностями, но одни и те же ценности имеют для разных людей разный «вес»[79] и на этот вес так раз влияют внутренние (личные качества индивида) и внешние факторы (состояние окружающей микро и макросреды).

Таким образом, можно говорить о взаимном влиянии среды (институтов) на формирование ценностей и влияние доминирующих в обществе ценностей на возникновение и функционирование институтов. Но при этом, изучение ценностей сопряжено с определенными трудностями ввиду их абстрактности и сложности формулирования для самих же носителей этих ценностей. Именно поэтому лучше использовать различные методики таких социокультурных исследований (Р.Инглхарт, Г.Хофстеде, Ш.Шварц) для выявления общих тенденций в изучении определенных ценностей.

Рассмотрим результаты данных и других исследований относительно выявленных социокультурных особенностей (параметров институциональной среды), косвенно влияющих на сформированную неформальную институциональную среду в России:

1. Согласно исследованию, проведенному по методике Г.Хофстеде для России характерны высокий индекс дистанции власти и низкий уровень индивидуализма[80]. В странах с высоким индексом дистанции власти социальное неравенство носит демонстративный характер, важное место в отношениях между людьми занимают такие качества, как послушание, уважение, неукоснительное выполнение распоряжений старших[81]. В свою

[79] Rokeach M. The nature of human values. Free press, 1973.
[80] Country comparison tool [Электронный ресурс]//The culture factor group. - URL: https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool?countries=russia (дата обращения 15.02.2023)
[81] Роготнева Е. Н. Влияние дистанции власти на взаимоотношения людей в обществе //Теория и практика общественного развития. 2013. №. 5. С. 58.

очередь, в странах с низким индексом дистанции значимость «статусных показателей» заметно ниже и на первое место выходят личностные качества, уровень образования, профессионализма, также отмечается низкая эмоциональная дистанция между руководством и подчиненными, что предоставляет возможность высказать свое несогласие, обратиться напрямую с вопросом, уточнением и т.д. А низкий уровень индивидуализма показывает коллективность нашего общества, склонность к сотрудничеству, а не конкуренции. Эти два индикатора наиболее сильно различаются между представителями России и Западных стран.

2. Еще одним важным исследованием культурных особенностей является карта Р. Инглхарта, на которой каждая страна имеет свои координаты и в соответствии с ними оцениваются два культурных аспекта межкультурных различий и выбор между этими двумя парами определяет направление, в котором развивается та или иная цивилизация – традиционные ценности/секулярно-рациональные ценности и ценности выживания/ценности самовыражения. Первая пара ценностей показывает важность роли таких институтов, как религия, семья, власть и в традиционных обществах их роль обычно достаточно высока. Вторая пара ценностей показывает степень индивидуализма в самовыражении, уровень доверия в обществе – чем сильнее распространены ценности выживания, тем выше спрос в данном обществе на экономическую и физическую безопасность и ниже уровень доверия и толерантности. Исследование постоянно обновляется, что позволяет увидеть динамику изменения данных ценностей в разных странах. Последние данные за 2023 год приведены на рисунке 2 – с целью сравнения положения России по отношению к Западным странам в динамике, была выделена точка с координатами, которая соответствовала положению России в 1996 году. За 27 лет положение России на карте заметно сместилось по горизонтальной оси вправо, что говорит о смещении ценностей выживания в сторону ценностей самовыражения и приближении России по этому показателю к представителям развитых стран.

Но, с другой стороны, за этот период стали играть большее значение традиционные ценности, что даже немного контрастирует с тенденцией, показывающей движение в сторону ценностей самовыражения, и показывает, что Россия возвращается к тем ценностям, которые характеризовали ее на протяжении всей ее истории. Таким образом, по данной шкале мы хотя и видим существенное отличие нашего общества от всех западных обществ, расположенных значительно правее на данной карте, но тем не менее в динамике это отличие стремится к сокращению.

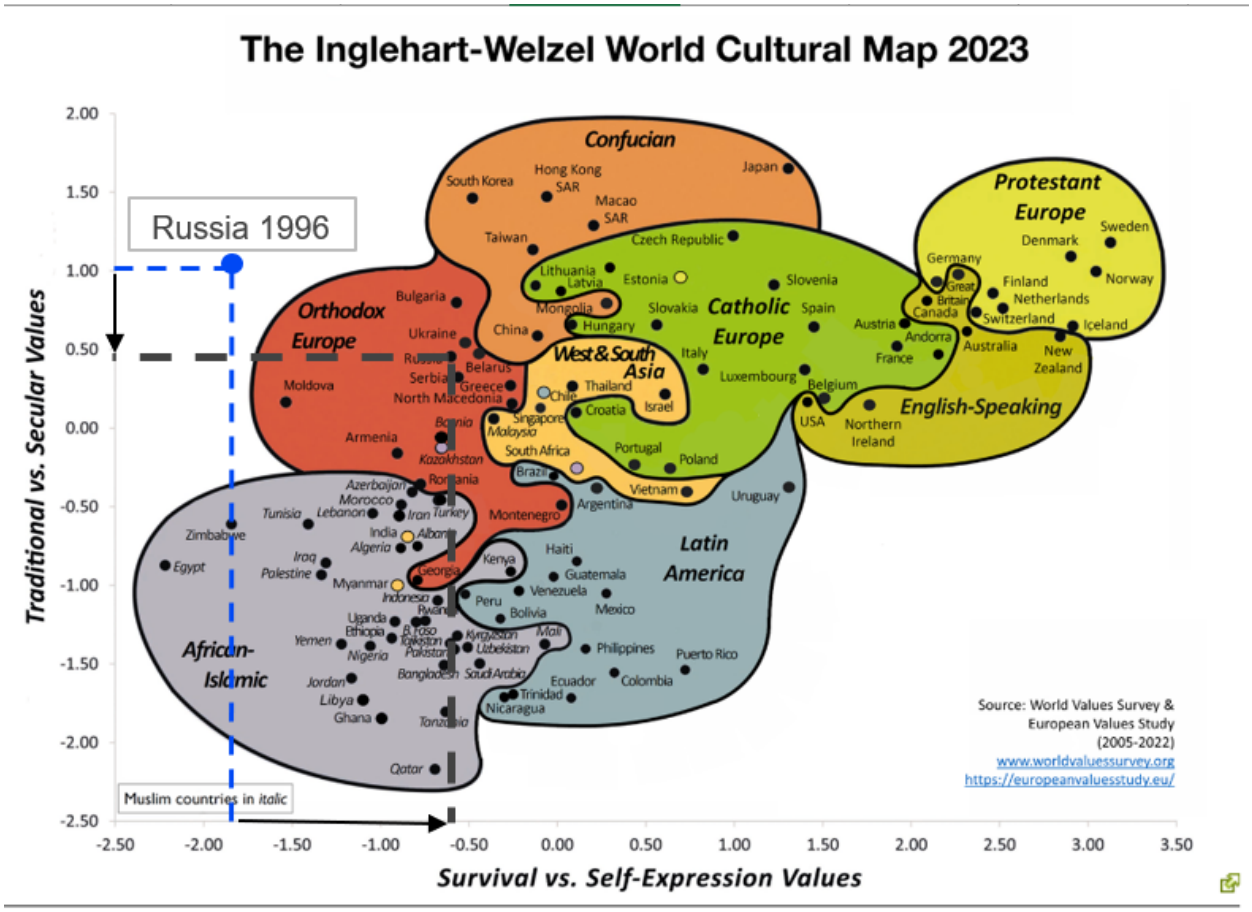


Рисунок 2 – Карта Инглхарта-Вейцеля 2023[82]

3. Важную роль в социологических исследованиях ценностей играет методика Ш. Шварца: согласно выделенным им ценностным характеристикам, общество можно представить на трех биполярных осях – ось автономия-принадлежность, ось равноправие-иерархия, ось гармония-мастерство. По

[82] Карта Инглхарта-Вейцеля 2023 [Электронный ресурс]// Всемирное исследование ценностей. – URL: http://www.worldvaluessurvey.org/ (дата обращения: 03.07.2024)

оси автономия-принадлежность можно определить уровень принадлежности к коллективу, иными словами, как и в методике Хофстеде, используется анализ уровня индивидуализма/ коллективизма в обществе. Ось равноправие-иерархия показывает какие ценности преобладают в большей степени: равенство, социальная справедливость, помощь, честность или авторитетность, подчинение, богатство, социальная власть. И, наконец, по оси гармония-мастерство рассматриваются на одном полюсе ценности мира на земле, единения с природой, защиты окружающей среды и на другом – амбиции, успех, дерзость, компетентность. Результаты проводимых исследований показали, что заметным отличием Российской ценностной структуры от Западной является более высокая значимость иерархии, причем за период исследования с 1999 по 2005 годы данная тенденция только увеличивалась[83]. Также интересно, что в России мастерство преобладает над гармонией и, согласно Шварцу, при данной тенденции в совокупности с высокой степенью иерархии возникает благодатная почва для коррупции, так как амбициозные люди активно встраиваются в существующие социальные структуры, а не меняют их ради большего равенства. Более новые исследования, проводимые по методике Шварца, показывают важность таких ценностей, как семья, безопасность (связано с международной ситуацией), здоровье, преобладание индивидуалистических ценностей над общественными[84]. Методология Шварца активно применяется в Европейских социальных исследованиях ценностей, которые проводятся с 2002 г. и создают базу данных по более чем 30 странам. Каждое ежегодное исследование посвящено различным ценностям и в нем участвует различный набор стран – Россия участвовала в исследовании таких ценностей, как «благополучие» (well-being), по результатам которых можно сделать следующие интересные наблюдения: достаточно низкий уровень

[83] Булатова А. Русский путь методики Шалома Шварца [Электронный ресурс] //URL: http://www. hse. ru/ru/news/recent/1181485. html (дата обращения: 15.11. 2011). 2011

[84] Зубова О. Г. Структура ценностей населения России: теоретико-методологический анализ и эмпирические результаты //Образование и право. 2019. №. 8. С. 182-189.

общественного благополучия (community well-being) и функционирования (functioning). Согласно методике данного опроса[85] общественное благополучие как раз обозначает низкий уровень доверия в обществе (о чем пойдет речь ниже), низкий уровень ощущения поддержки со стороны общества. А низкий уровень функционирования обозначает низкий уровень вовлеченности, смысла и цели. При этом на достаточно высоком уровне находится «показатель жизнеспособности», который включает в себя внутреннее ощущение энергии и способность противостоять вызовам, которые ставит перед человеком жизнь. Помимо направлений благополучия общества, в данном социологическом исследовании определялся преобладающий тип ценностей – гедонистический (важность удовлетворенности жизнью и счастья, стремление к наслаждению, избегание страдания) или эвдемонистический (возможность выбора, движение к цели, возможность самореализации, максимальная реализация своего потенциала). На рисунке 3 показаны средние значения обоих типов благополучия по странам: можно отметить, что в одних странах уровень благополучия ниже среднего по выборке стран (об этом свидетельствуют отрицательные баллы), а в других – выше среднего (об этом свидетельствуют положительные баллы). Таким образом график показывает не абсолютные значения, а степень их отличия от среднего значения. В России оба показателя ниже среднего и гедонистическое благополучие отстает от среднего сильнее, чем эвдемонистическое, что говорит о том, что показатель удовлетворенности жизнью у респондентов из России уступает средним значениям сильнее, чем по показателям, связанным с возможностью выбора, реализации и т. д.

[85] Всемирное исследование ценностей [Электронный ресурс]//Европейское социальной исследование. URL: https://europeansocialsurvey.org/ (дата обращения 05.02.2024)

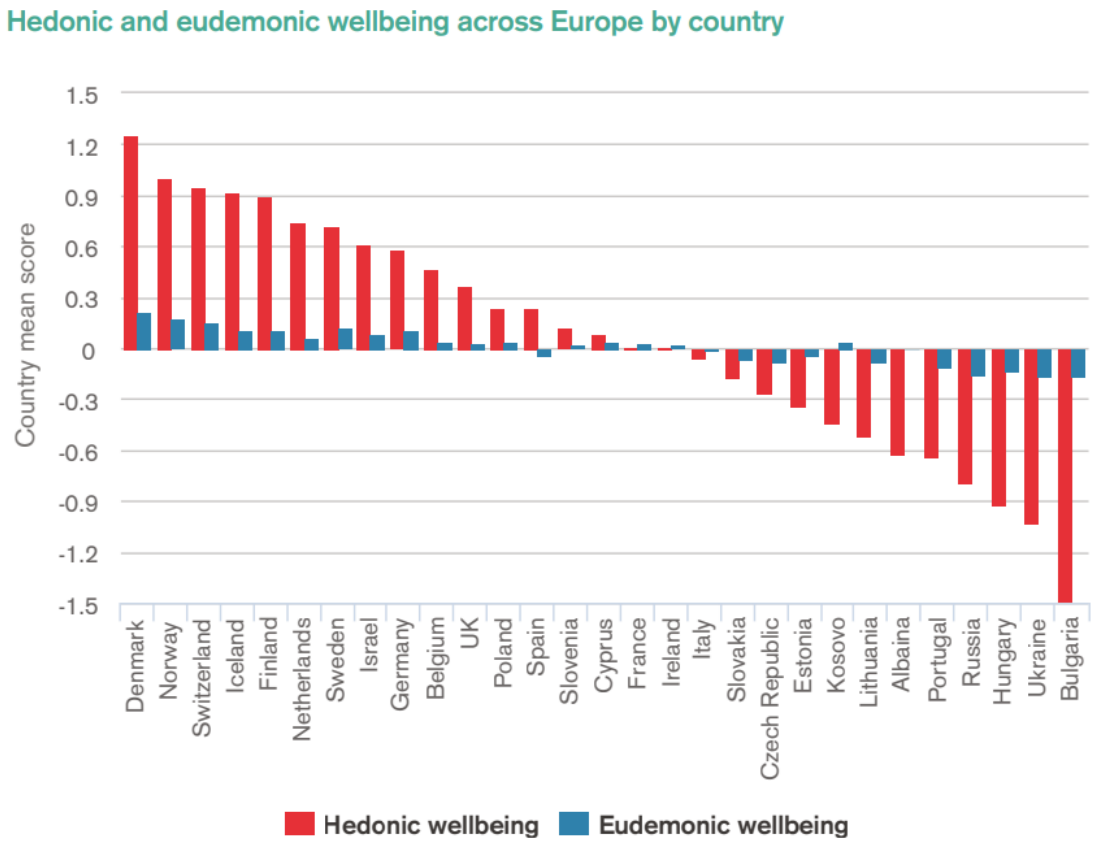


Рисунок 3 – Оценка преобладающего типа ценностей: Гедонистические/эвдемонистические[86]

4. Исторически низкий уровень доверия в России (см. рис. 4 ниже) влияет на уровень результативности экономических взаимоотношений и размер трансакционных издержек[87]. Чем ниже уровень доверия, тем большими издержками необходимо обеспечивать безопасность контрактации между индивидами или организациями[88]. Низкий уровень доверия в России тесно связан с высоким индексом неприятия неопределенности, а следовательно, и риска, а доверие – «это одна из форм риска»[89]. Ведь доверяя кому-то, мы ослабляем контроль над действиями этого человека, а уровень внешнего и внутреннего контроля в нашем обществе, как мы убедились ранее, весьма

[86] Всемирное исследование ценностей [Электронный ресурс]//Европейское социальной исследование. URL: https://europeansocialsurvey.org/ (дата обращения 05.02.2024)
[87] Шахова Д. И. Культурный код или особый путь России //Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2023. Т. 14. №. 2. С. 39.
[88] Ширяев И. М. и др. Доверие и институциональные ловушки в сфере образования и науки //Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2019.Т. 10. №. 4.С. 149.
[89] Шмаков А. В. Компенсация—механизм создания стимулов //Terra Economicus. 2013. Т. 11.№. 1. С. 91.

высок и, значит, нам достаточно сложно его ослабить, т.е. довериться другому человеку (контрагенту, партнеру по бизнесу и т.д.). Некоторые исследователи отмечают, что низкий уровень доверия существовал и в советской экономике: «Экономика постсоветского общества характеризуется многими экономистами и социологами как «экономика недоверия»[90] – интересно, что при этом существовал ярко выраженный коллективизм. Согласно А.А. Аузану комбинация коллективизма и индивидуализма является особенностью нашей страны, негативная черта которой – различное понимание обязательств и различный способ их обеспечения представителями этих двух направлений – индивидуалисты связывают доверие с институтами репутации, справедливой судебной системой, коллективисты – с авторитетом; столкновение этих противоположных механизмов может приводить к кризису доверия[91].

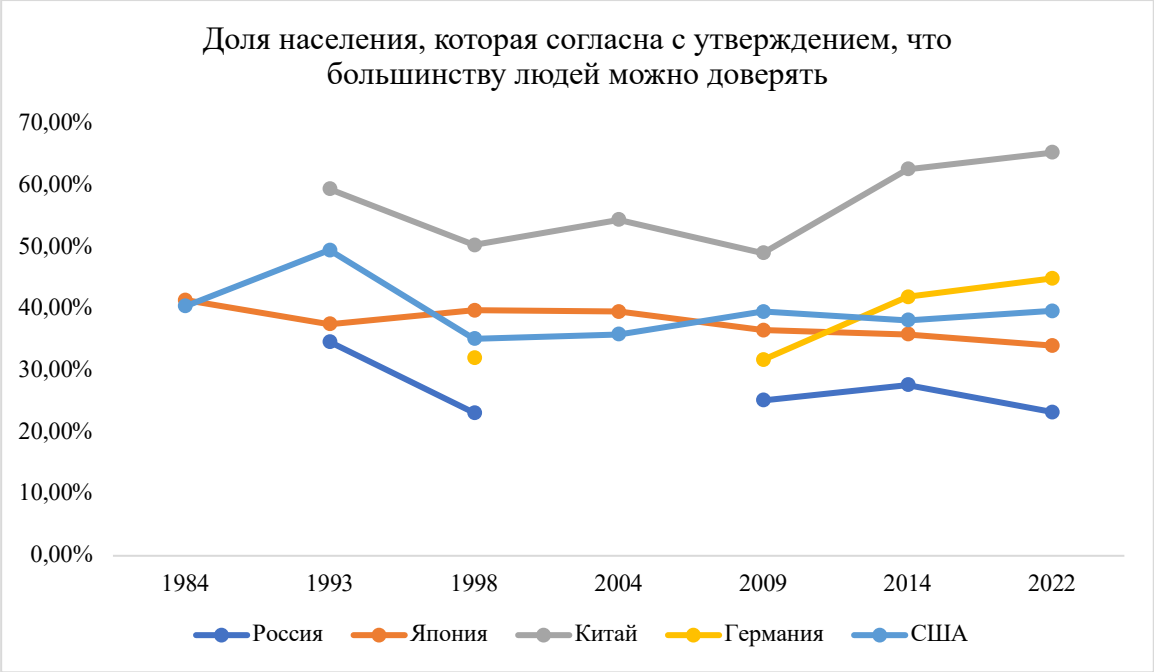


Рисунок 4 – Индекс доверия в разных странах[92]

[90] Вершинин С. Е. Феномен недоверия в контексте постсоветского общества: к постановке проблемы //Антиномии. 2001. №. 2. С. 68.
[91] Аузан А. А. Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России //Философские науки. 2024.Т. 67. №. 4. С. 18.
[92] Индекс доверия в разных странах [Электронный ресурс]//глобальные статистические данные. URL: https://ourworldindata.org/trust (дата обращения 05.12.2024)

5. Фундаментальные различия в понимании терминов «свобода» и «государство»:

Исследование Дилигенского и Чугрова[93] показывает, что существуют глубинные различия в ментальном понимании государства и его взаимоотношений с обществом в Западной культуре и России. Ярким примером является сравнение понимания термина «свобода» – у представителей западной культуры понятия «свобода» и «демократия» тесно связаны. С их точки зрения свобода базируется на стабильном социальном порядке, на прочной системе политических и правовых институтов под управлением закона. В интерпретации представителей русской культуры понятие «свобода» по своему значению ближе к понятию "воля" и имеет следующее значение – возможность жить в соответствии со своей волей, не нарушаемой никакими социальными ограничениями. В Западной традиции общество является совокупностью личных интересов каждого индивида и интересы конкретной личности являются первичными по отношению к интересам всего общества. В такой парадигме, где личность является первичной к коллективу, государство выступает чем-то внешним и гарантирующим соблюдение личных интересов. В российском восприятии – общество отождествляется и растворяется в государстве, народе, стране[94]. Сакральность любви к Родине – это особенность нашей культуры, в которой государство ассоциируется не с «партнером», как в Западном мире, а синонимично понятиям «Родина-мать», «Держава». И, соответственно, «свобода» отождествляется в нашем сознании в том числе и со свободой Родины от каких-либо внешних ограничений, а не со свободой отдельной личности.

Данные ментальные особенности закреплялись как исторически сильной государственностью в России, так и, согласно Л.В. Милову географическими факторами: «в силу различия природно-географических условий на протяжении тысячи лет одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда всегда

[93] Diligensky G., Chugrov S. The West” in Russian Mentality //Office for Information and Press, Brussels Institute of World Economy and International Relations, Moscow. 2000.
[94] Аникин В. А. Кризис и национальное самосознание россиян //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. №. 5 (135). С. 203-232.

удовлетворяло не одно и то же количество «естественных потребностей индивида»[95]. Таким образом, объем прибавочного продукта в Восточной Европе, был меньше, чем в Западной, а условия для его создания хуже, что и объясняет важную роль сильной государственности, как «гаранта всеобщих условий производства».

6. В рамках проведенного круглого стола в Государственной думе от 06.06.2019, посвященного теме: «Неформальная экономика и общественное доверие в России было представлено исследование в виде результатов опроса 2 520 респондентов относительно их ценностной ориентации с целью понимания насколько фрагментированным является общество в России относительно разделяемых ими ценностей. Были отмечены следующие результаты[96]:

- В России первостепенную роль в ценностной картине респондентов играют базовые ценности (здоровье, личная безопасность, материальный достаток). Это может свидетельствовать о том, что в обществе остаются неудовлетворенными самые базовые потребности по А.Маслоу, что также может быть причиной низкого уровня доверия, описанного выше;
- При этом, в ходе опроса наблюдалось смешение противоречивых ценностных предпочтений, большая вариативность выборов, многообразие идентичностей, что является характеристикой фрагментированного общества. Данный вывод, согласно авторам исследования, является особенно важным в рамках политического дискурса – политикам для осуществления масштабных политических проектов необходимо складывать смысловые коалиции, которые смогут преодолеть данную ценностную фрагментарность, а также строить политическое управление не на базе конкуренции и конфликта, а на базе компромиссов и коалиций.

[95] Милов Л.В. К характеристике российской государственности // Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. С. 572.
[96] Никитин, А. К. Неформальная экономика и общественное доверие в России: материалы круглого стола (Москва, Государственная Дума, 6 июня 2019 г.). 2020. С.76-77

7. Н.Л. Захаров на основе своих исследований предлагает следующий перечень поведенческих особенностей, который следует рассматривать как авторскую типологию, а не как эмпирически верифицированную характеристику населения:
   - неточность во времени,
   - не следование технологической дисциплине, технологическому регламенту,
   - выполнение порученной задачи, несмотря на отсутствие необходимых средств, – эмоциональность, увлеченность, энтузиазм в период стремления к цели,
   - беспечная пытливость (увлеченность какой-либо бесполезной игрой тогда, когда нужно делать дело), – игнорирование стандартных способов действий и поиск нетривиальных решений»[97].

Данные выводы Н.Л. Захарова коррелируют с исследованиями А.А. Аузана различий между обществом в России и Западным обществом, в которых задается важный вопрос о причинах «высокой способности делать уникальные вещи в России при плохом исполнении стандартных операций».

Следует отметить, что исследования, проводимые в области выявления культурных особенностей того или иного общества на основании предложенных индикаторов не могут быть совершенно валидными прежде всего ввиду: степени репрезентативности группы людей, участвующей в опросе социокультурных особенностей всему населению страны. Например, опрос, проводимый Г. Хофстеде охватывал, в основном сотрудников компании IBM в разных странах мира и, соответственно, не мог отражать особенности всех групп населения. Но при этом, опрос людей из одинаковой корпоративной среды устраняет некоторые социальные различия, которые могли бы возникнуть при опросе людей, работающих в разных компаниях и различных социальных статусов. Другой причиной критики методики Хофстеде является метод создания шкалы – путем

[97] Захаров Н. Л. Бизнес в России. Специфика управления. Вершина, 2006.с.31

эмпирического поиска, а не теоретического (в отличие от Шварца), т.е. результаты получены через группировку ответов на вопросы анкеты, а не выведены из заранее заданной теории. С одной стороны, данный метод не позволяет «подгонять» ответы респондентов под заранее созданные категории, делая анализ более объективным, но, с другой стороны, возникают трудности с применимостью данных шкал ко всем культурам.

Более того, вопрос о том, что является первичным – социокультурные факторы обуславливают экономический рост или экономический рост с присущими ему стимулами влияет на поведение людей, остается открытым и спорным. С одной стороны, объяснение экономического роста как «неизбежного результата» социокультурных особенностей весьма узко и может быть оспорено путем приведения примеров развития «Азиатских тигров», стран, которые достаточно сильно отличаются (если не кардинально) в культурном смысле от западных государств. Но при этом, экономический рост в данных странах не произошел по причине простого заимствования эффективных институтов и стимулов у более успешных (в экономическом смысле) на тот момент стран – скорее, произошла «институциональная настройка» текущей среды с учетом существующих ярко выраженных социокультурных характеристик.

Еще одно важное ограничение введения культурных параметров институциональной среды в экономический анализ (которое существует независимо от метода измерения) связано с «методологическим аспектом разделения сферы экономики и сферы культуры – культура, как считается, относится к коллективным структурам, а экономическая теория подходит к социальным явлениям, как к продуктам деятельности индивидов». Проблема, связанная с переходом с микроуровня на макроуровень и наоборот всегда сопряжена с ограничениями проводимого анализа и «пока культура и экономическая сфера концептуализируются как понятия, действующие на двух разных уровнях, нам придется жить и как-то справляться с этой

напряженностью»[98]. Решение данной проблемы выходит за рамки настоящего исследования – в работе не ставится задача оценить влияние культуры на экономическое развитие, в целом, а рассматривается частный случай влияния неформальных институтов на возникновение институциональных ловушек и дисфункций с позиции рассогласованности с формальными нормами.

Таким образом, устойчивость сложившейся в институциональной среде конфигурации институтов обеспечивается описанными выше механизмами (институциональная комплементарность, положительный эффект масштаба, несовершенство информации и др.) и не меняется одним точечным вмешательством в виде принятия новой формальной нормы. Более того, длительность пребывания системы в текущем состоянии увеличивает издержки перехода в другое состояние и, соответственно, еще больше закрепляет данную конфигурацию.

В связи с чем любое целенаправленное изменение институциональной среды требует системного подхода, включающего в себя анализ существующих параметров формальной и неформальной институциональной среды (примеры параметров которых рассмотрены в данном параграфе), их взаимосвязи друг с другом. Одним из вариантов данного системного подхода является проектирование промежуточных институтов, о чем пойдет речь дальше.

2.2 Целенаправленное изменение институциональной среды: проектирование промежуточных институтов

Повышение уровня сложности социально-экономических взаимодействий приводит к необходимости повышения институциональной надежности[99], «которая помогает быть уверенными в результатах, которые неизбежно становятся все более и более удаленными от наших индивидуальных знаний». Институциональная

[98] Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. LitRes, 2025. С. 154
[99] Норт, Д. Институты и экономический рост: историческое введение: дис. / Д. Норт. М.: Thesis, 1993. С.54

надежность в деперсонализированных обменах по сути является заменой институционального доверия, присущего обществам, в которых преобладали персонализированные обмены. Поддержание данной надежности может происходить двумя путями: обеспечение соблюдения договоров, спецификация прав собственности (акцент на формальные нормы) и возникновение определенных норм поведения, которые накладывают этические ограничения на поведение экономических агентов (акцент на неформальные нормы). Как было показано выше, изменение неформальных норм в обществе обычно происходит значительно медленнее, чем изменение формальных и, соответственно, целенаправленное изменение формальной среды как более динамичный процесс, более предпочтительно для законодателя. Но при этом, для поддержания долгосрочности функционирования внедряемой формальной нормы необходима ее согласованность с существующими неформальными нормами поведения. Это еще одна причина, по которой акцент на неформальные нормы становится все более важным. Яркой практической демонстрацией данного тезиса является активный дискурс среди бизнес-сообществ относительно важности развития корпоративной культуры в компаниях для предотвращения совершения неправомерных действий (например, коррупционных действий). Противодействие таким действиям должно рассматриваться не только с точки зрения соблюдения антикоррупционных законов, но, прежде всего как понимание влияния неправомерных действий бизнеса на уровень доверия к нему. Наличие гипотетической возможности получить какие-то конкурентные преимущества неконкурентными методами приводит к снижению доверия к данным преимуществам и к бизнесу, в целом. Исключению данной возможности может способствовать выстроенная внутрикорпоративная культура соответствия (закону, внутренним нормативным правилам организации) или культура «комплаенс», основной целью которой является не только построение в компании системы внутренних регламентов и инструкций, а создание культуры этики, в рамках которой, отклонение от нормы становится не просто объектом мер дестимуляции, но и приводит к осуждению, потере доверия, репутации. Именно доверие внешних и внутренних акторов

компании является ключевой целью внедрения комплаенса в организации. Данное доверие проявляется прежде всего в доверии тем сигналам, через которые компания транслирует свою эффективность внешним акторам – главным образом в виде количественных показателей таких как прибыль, доля на рынке, цены и др., Внешние акторы в виде государства, акционеров, кредиторов заинтересованы в повышении доверия к компании, с которой планируют свое взаимодействие, так как их издержки на контроль, анализ в таком случае снижаются. Сама компания в виде ее руководства и сотрудников заинтересована в положительной репутации своего места работы, так как они являются его частью, ассоциируются с ним. Более того, в некоторых странах существующее законодательство закрепляет, стимулирует развитие данной культуры честности бизнеса путем смягчения наказания за правонарушения для тех компаний, у которых корпоративная культура выстроена в соответствии с законом: Федеральные директивы в США, разрабатывающие рекомендации для федеральных судов по назначению наказаний рассматривают эффективную комплаенс-программу в качестве смягчающего обстоятельства в случае обвинения компании в мошенничестве и других нарушениях[100]. Данный пример демонстрирует эффект маховика в положительном значении, когда происходит закрепление эффективной нормы в институциональной структуре и стимулируется ее дальнейшее воспроизведение. Безусловно, само наличие программы не освобождает от негативных последствий нарушений формальных норм, но она показывает наличие намерений вести себя честно и попыток интегрировать существующую формальную среду в области регулирования бизнеса в свои внутренние нормы и правила. Результатом данной интеграции должно стать не простое соответствие внутренних и внешних нормативных актов друг другу, а создание среды, в которой этика, мораль, честное поведение являются нормой. Стоит отметить, что процесс внедрения комплаенс культуры в компании не связан с внедрением большого количества новых правил,

[100]Corporate compliance programs, Usam 9-28/800 [Электронный ресурс]// Principles of Federal Prosecution Of Business Organizations. URL:https://www.justice.gov/jm/jm-9-28000-principles-federal-prosecution-business-organizations#9-28.800 (дата обращения 05.12.2023)

а лишь вырабатывает механизмы закрепления и «принятия уже существующих», повышают институциональную надежность. И чем избыточнее является внешнее регулирование, тем сложнее, запутаннее и дольше данное закрепление будет происходить, так как принятие правила, встраивание его в систему своих внутренних ценностей занимает намного больше времени, чем создание нового.

Наличие проблемы избыточного регулирования демонстрирует наметившуюся в последние 20 лет тенденцию к дерегулированию в виде создания специальных ведомств, например, в Великобритании (Better regulation Executive) в 2006 г. и подписания в США указа о снижении регулирования и контроля административных издержек (Reducing Regulation and Controlling regulatory costs)[101]. В России также поднимались вопросы о необходимости снижения нормооборота: согласно докладу Центра стратегических разработок в феврале 2017 г. отмечалось, что «постоянные поправки вызывают нестабильность ключевых законодательных актов (большинство действующих кодексов РФ меняются чаще одного раза в год)[102]». В связи с этим, принятию решения о целенаправленном изменении институциональной среды путем внедрения новой нормы должно предшествовать понимание, что любое внедряемое извне изменение должно не только быть направленным на достижение определенной цели, но и органично вписываться в существующую систему норм, не противоречить им и не дестабилизировать уже устоявшиеся, эффективно функционирующие институты. Постоянные изменения могут препятствовать реализации принципа стабильности жесткости институтов в краткосрочной перспективе, что является важным условием эффективного функционирования институтов (наряду с реализацией принципа адаптивности в долгосрочной перспективе).[103]

В противном случае, даже самая эффективно спланированная (с точки зрения достижения определенной законодателем цели) линейка институтов может не

---

[101] Примаков Д. Я. Специальные виды комплаенса: антикоррупционный, банковский, санкционный и розыск активов (форензик). – Infotropik Media, 2019.с.12

[102] Доклад «Статистический анализ федерального законодательства [Электронный ресурс]//Центр стратегических разработок. URL: https://www.csr.ru/ru/research/rastushhaya-nestabilnost-zakonodatelstva-meshaet-planirovat-budushhee-strany/ (дата обращения 16.11.2024)

[103] Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Оценка институционального развития России. – М.: Перо, 2016, с.156.

только не улучшить, но и ухудшить существующее положение. Таким образом, перед внедрением нового института стоит проанализировать его действие на предмет:

1. непротиворечивости существующим нормам, так как выстраивание доверия к данным нормам, их внутреннее принятие значительно усложняется в случае противоречивых стимулов;
2. системности (органичное встраивание нового института в существующую институциональную среду);
3. степени соответствия последствий от его функционирования изначально преследуемой цели.

Внедрение института комплаенс в сфере бизнеса соответствует вышеперечисленным ограничениям и более того, в рамках регулирования бизнес-среды является даже показательным примером функционирования института (который несмотря на то, что был заимствован из государственных практик других стран, тем не менее, показывает эффективность внедрения в российской институциональной среде), являющегося «неким мостиком» между целями деятельности компании как субъекта предпринимательства и целями государства, которые проявляются в снижении уровня неправомерных действий, совершаемых всеми экономическими агентами. Институт комплаенс совместно с независимым аудитом выступает своеобразной прослойкой между государством и бизнесом, повышая уровень доверия, снижая при этом асимметрию информации. При этом институт комплаенс не является прямым институтом борьбы с коррупцией и иными злоупотреблениями в частном секторе, но он постепенно, последовательно, путем наличия самоусиливающихся механизмов создает эффективные стимулы для экономики и государства без прямого вмешательства последнего в свое функционирование. Именно такие институты по своим характеристикам можно назвать «промежуточными».

Впервые термин «промежуточный институт» был предложен в работе В.М.Полтеровича (1999[104]) и более подробно описан в его монографии (2007). Важность последовательности принятия государственных решений отмечали такие исследователи, как И. Цянь (2003), А. Диксит (2004), С. Джанков (2003). С. Джанков концептуализировал институты, как спектр всех возможных вариантов, выбор которого зависит от изначальных характеристик общества. А. Диксит утверждает, что самоусиливающиеся механизмы управления на ранних этапах экономического развития могут быть более эффективными, чем формальные институты. И.Цянь приписывал успех Китайской экономики именно принятию целого ряда переходных институтов, которые смогли обеспечить эффективные стимулы для экономики и при этом сохранить политическую ренту государственных элит[105].

Значение промежуточного института, согласно В.М.Полтеровичу, заключается в том, что он должен обладать чертами финального института или способствовать ослаблению действия ограничений, описанных выше. Успешными примерами внедрения промежуточных институтов являются Китай и Словения (Полтерович, 2012), где переход к рынку происходил плавно и поэтому не привел к тем негативным последствиям, которые наблюдались в России. Помимо обнаружения ограничения и поиска подходящего института, учитывающего данное ограничение необходим также механизм закрепления этого института в существующей структуре. Одним из ярких примеров создания промежуточных институтов являются реформы, проводимые в Словении в процессе перехода к рынку, где в ходе приватизации все акции компаний были разделены на три части – одна часть передавалась текущим и бывшим сотрудникам, другая – государственным фондам и третья продавалась либо внешним инвесторам, либо коллективу данного предприятия. В результате около двух третей всех предприятий в Словении оказались в собственности у работников, что позволило

[104] Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–20.
[105] Rodrik D. One economics, many recipes: globalization, institutions, and economic growth //One Economics, Many Recipes. Princeton university press, 2008.

избежать той конфронтации со стороны рабочих коллективов, которая имела место в России в период приватизации и с другой стороны позволило сохранить часть имущества в собственности у государства. Что касается конфронтации, она происходила в том числе по той причине, что модели акционирования российских предприятий предоставляли значительные преференции при приобретении акций руководству этих компаний – согласно исследованию, ВЦИОМ, более ¾ директоров стали собственниками своих же предприятий. Таким образом, приватизированные компании остались в собственности у далеко не самых эффективных частных собственников и полностью потеряли контроль государства, в то время как, например, в Словении, государство постепенно ослабляло контроль, продавая свои активы частным инвесторам. Неэффективность собственников в России обусловлена правовыми нарушениями проводимой приватизации, в том числе через искусственное занижение стоимости активов[106]. Данная непрозрачность проведенной приватизации и быстрая скорость ее проведения без общественного контроля просто не могла способствовать дальнейшей эффективности данных предприятий с новым собственником. Последствия отсутствия градуализма проведения данных реформ показывают значимость наличия промежуточных институтов, наличие которых способствовало бы плавному переходу к рыночной экономике и повышению уровня доверия в обществе, а не противоположных тенденций.

Построение подходящей для конкретной институциональной среды последовательности промежуточных институтов – задача, тесно связанная с институциональным экспериментированием**,** что означает отсутствие единых шаблонов, ввиду большого количества факторов, комбинация которых для каждого государства является уникальной. Но тем не менее, еще до обсуждения необходимости создания промежуточных институтов, исследователи выделяли

[106] Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие), с.58 [электронный ресурс]//Счетная палата Российской Федерации. – URL: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/analiz-processov-privatizatsii.pdf (дата обращения: 08.04.2023)

этапы, которые необходимо пройти для создания оптимальной институциональной структуры:

1. Обнаружение ограничений, препятствующих проведению реформы;
2. Поиск ответа на данное ограничение (найти политику, которая устранила бы данное ограничение и внедрить институт, который бы постепенно «продвигал» реформу в нужном направлении, устраняя при этом другие, сопутствующие ограничения);
3. Построение механизма, который позволил бы воспроизводить эту цепочку действий.[107]

Данный алгоритм достаточно универсален и его можно применять при проектировании промежуточных институтов – на втором этапе вместо внедрения конкретного института, который устранит всевозможные ограничения (что выглядит маловероятным) внедряются промежуточные институты, влияющие на конкретные ограничения. И далее самые эффективные институты будут отбираться реформатором путем институционального экспериментирования. Важным термином, используемым в контексте промежуточных институтов, является линейка институтов, которая означает «множество институтов» и включает в себя начальный, финальный и промежуточные институты. Но линейка институтов без четко прописанной последовательности действий и условий применения того или иного промежуточного института не является реформой. Но так раз именно последовательность принятия решений определяется в ходе институционального экспериментирования, и «правильно собранная» на начальных этапах линейка значительно облегчает процесс данного экспериментирования, отбрасывая заранее потенциально неэффективные институты и сокращая время проб и ошибок, которое неизбежно предстоит.

Создание данной линейки может идти по одному из 2-х путей – создание собственного уникального промежуточного института или заимствование уже существующих институтов, проявивших себя в более развитых странах. В первом

[107] Полтерович В. Проектирование реформ: как искать промежуточные институты (reform design: How to search for interim institutions) //Montenegrin journal of economics. 2012. Т. 8. №. 2. С. 28.

случае создание нового промежуточного института может опираться на существующие «старые» институты и добавление к ним характеристик «новых» – разные варианты пропорций между ними создает большой массив таких институтов. Помимо данного синтеза может использоваться обратный метод, который позволит, выражаясь терминами «эволюционной экономики» провести естественный отбор наиболее эффективного института путем организации конкуренции между «старыми» и «новыми» институтами – ярким примером является постепенное вытеснение наличных расчетов безналичными.

Процесс выбора наиболее подходящих для существующей институциональной среды промежуточных институтов тесно связан с «экспериментированием», так как в отличие от естественных наук, в экономической науке невозможно проверить гипотезу «вне общества», без ее непосредственного внедрения. В связи с этим на всем протяжении внедрения института, будет существовать необходимость его корректировки в зависимости от результатов, полученных на предыдущем этапе. И важнейшей задачей данного экспериментирования является именно постепенное встраивание данного института в общую систему, так как в случае резких реформ может произойти «отторжение» инородного элемента и, соответственно, возникнет потребность устранять негативные последствия, которые будут выражаться в социальном недовольстве, падении уровня доверия в обществе и других последствий. Ярким примером негативных последствий достаточно резкого проведения реформ является реформирование налоговой системы в 1981 г. в США, когда за основу данной политики была взята идея А.Лаффера, согласно которой масштабное снижение федеральных налогов через какой-то период времени должно было привести к увеличению выпуска продукции ввиду снижения налоговой нагрузки. Резкость заключается в том, что не были проанализированы все необходимые факторы для принятия данного решения, самый главный из которых – наличие острого дефицита бюджета страны, который лишь усилился после снижения налоговой нагрузки.

Второй важнейшей задачей при проведении институционального экспериментирования является правильный выбор линейки промежуточных институтов, которая будет апробирована в ходе эксперимента, и которая обязательно должна содержать в себе финальный институт. Если линейка выбрана неудачно, то дальнейшее даже постепенное ее внедрение может не привести к внедрению финального института. Согласно В.М. Полтеровичу для снижения вероятности ошибки при выборе линейки промежуточных институтов необходимо исследовать динамику развития подобных институтов в других странах с учетом особенностей их институциональной структуры.

Эффективность процесса заимствования институтов из других стран, как уже отмечалось выше, зависит от схожести формальной и неформальной среды страны реципиента со страной-донором. Например, внедрение некоторых институтов (например, комплаенс) в России имеет положительные эффекты на бизнес-среду ввиду того, что среда-донор в виде бизнес сообщества в Западных странах несмотря на существующие отличия, все же близка среде бизнес-сообщества в России, имеет те же цели и основывает свою деятельность на конкурентных отношениях, успешность которых основана на достижении по большей части количественных показателей (цена для покупателя, прибыль для инвесторов, стоимость всех активов для кредиторов и т.д.). Институт комплаенс, как и другие институты повышения эффективности бизнес-среды помогает снизить уровень недобросовестной конкуренции, т.е. снизить ограничения (в виде трансакционных издержек от взаимодействия с данными контрагентами) для большего числа экономических агентов данной среды для достижения равной возможности для всех в достижении и максимизации тех самых количественных показателей. Высокая степень корреляции между количественными показателями бизнеса (если они не искажены и демонстрируют реальное положение дел) и эффективностью работы бизнеса, его конкурентных преимуществ очевидна и не зависит от того, в какой стране функционирует та или иная компания. Но если говорить о системах, не базирующихся на конкурентных отношениях, то здесь различия между различными государственными системами могут стать причиной неэффективности

внедрения институтов другой системы. Данные ограничения можно проиллюстрировать на примере проводимых реформ в области системы управления, модернизация которой была необходима для повышения уровня стимулирования конкурентных отношений. Данные изменения происходили путем заимствования элементов административных реформ, которые начали применяться странами Организации экономического сотрудничества еще в 1980-е гг. Совокупность данных реформ принято обозначать термином «новый менеджеризм» - перенос в государственный сектор принципов и инструментов управления частным бизнесом.

Проводимые реформы были созданы с целью сопровождения процессов демократизации, глобализации и либерализации торговли, для повышения степени открытости национальных экономик. В России данные реформы условно разграничиваются по 3-м направлениям: реформа государственной службы, бюджетная реформа и административная реформа[108]. Важную роль в данных направлениях играла система оценки эффективности, которая в рамках российской институциональной среды в некоторых случаях приводила к возникновению институциональных ловушек. Рассмотрим сначала направление реформирования, внедрение систем измерения эффективности которой, привело к достаточно позитивным результатам – реформирование деятельности госслужащих. Реализация данного направления реформирования проходила несколькими этапами и предусматривала осуществление принципов, ради которых эти законы и создавались (приоритет профессиональных качеств, противодействие коррупции и др.). На данный момент одной из приоритетных задач является внедрение системы оценки деятельности государственных служащих на основе показателей результативности служебной деятельности. Важную роль в данной оценке должны играть получатели государственных услуг, которые оценивают эффективность работы по заданным параметрам: время предоставления услуги, период ожидания

[108] Корытцев М. А. Реформирование общественного сектора и становление квазирыночных институтов //Terra Economicus.2008. Т. 6.№. 4-3. С. 6.

в очереди, вежливость и компетентность сотрудников, комфортность условий в помещениях, доступность информации о порядке предоставления сервисов и др.[109].

Минэкономразвития на регулярной основе проводит мониторинг таких ответов с целью повышения качества предоставляемых услуг: по результатам мониторинга за 1 квартал 2025 г. среди негативных показателей отмечено отсутствие у заявителя информации о ходе предоставляемых ему услуг (см. рис. 5 ниже) и нарушение срока оказания услуги (около 7% всех запросов о предоставлении федеральных услуг регистрируется с нарушением срока). Но несмотря на существующие проблемы, система мониторинга функционирует достаточно эффективно, так как выявляет некоторые негативные моменты с целью их устранения в будущем (что показывает позитивная динамика показателей – например, доля запросов о предоставлении федеральных услуг, зарегистрированных с нарушением срока в 1 квартале 2024 г. на 3% превышала уровень 1 квартала 2025 года). В рамках данной системы оценивания, мы понимаем, что так как оценка проводится потребителями услуги, данную услугу можно оценить по измеряемым (количественным) параметрам ввиду ее разового характера, то риск возникновения ловушки метрик невелик, в отличие от оценивания более комплексных, общественно-значимых услуг.

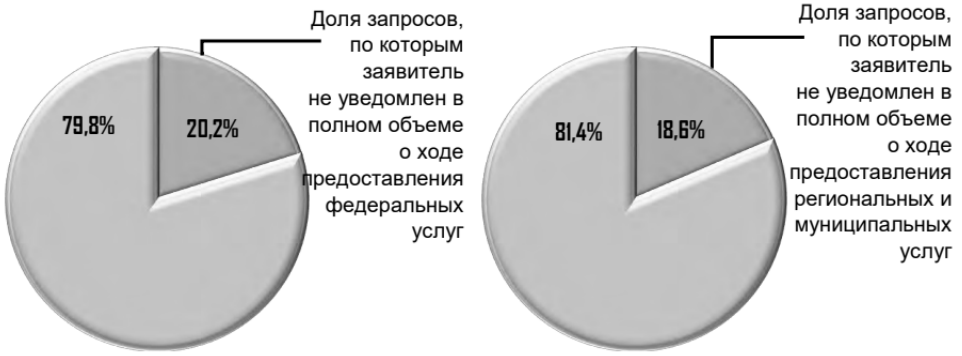


Рисунок 5 – Доля запросов, по которым заявитель не уведомлен о ходе предоставления услуги[110]

[109] Байматов П. Н. Проблемы реформирования государственной гражданской службы: управление по результатам //Формирование современной модели государственного управления: перспективы и вызовы. 2019. С. 97-101.
[110] Отчет Минэкономразвития за 2025 год [Электронный ресурс]//Министерство экономического развития РФ:

Реформирование систем, основой деятельности которых является достижение количественных показателей заключается в обеспечении равных возможностей всех участников для достижения этих показателей и обеспечения прозрачности и правомерности их достижения, что демонстрируют примеры с институтом комплаенса и регулирования некоторых аспектов административной деятельности. Реформирование систем, обладающих количественно-качественными признаками на порядок сложнее, и требует более глубокого понимания существующих в данной среде стимулов. К данным системам относится система образования, предоставляющая более комплексные услуги, качество предоставления которых имеет долгосрочный эффект на все сферы социально-экономической системы.

Внедрение системы измерения эффективности в виде количественных оценок для таких услуг не всегда приводит к прозрачности, которая существует в бизнес-среде (если показатели не искажены), так как внедренные дискреционные показатели оценки могут быть достигнуты при помощи адаптивного поведения для достижения количественных показателей за счет потери качественной составляющей[111]. И если в бизнес-среде сигналы о снижении качества могут напрямую влиять на снижение количественных показателей в виде количества покупателей, снижения выручки и т.д., то количественный показатель в данном случае может являться прямым индикатором качества, так как потребитель способен оценить качество продукта за относительно небольшой промежуток времени. В сфере образования такой прямой взаимосвязи нет, так как между количественным и качественным показателем существует временной лаг (качество полученных знаний не может быть оценено мгновенно) и отсутствие единых критериев оценки полученного знания. И если при приобретении любой материальной вещи, мы, обладая пониманием, какие функции она должна выполнять, можем это оценить, то при оценке получаемых знаний в виде

URL:https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/vnedrenie_novyh_principov_predostavleniya_uslug/ocenka_kachestva_gosuslug/ (дата обращения: 17.04.2025)

[111] Вольчик, В. и др. Институциональные ловушки оптимизации сферы образования и науки. М.: Litres, 2022. С. 28.

начального, среднего, высшего образования эту оценку можно дать лишь косвенно через успеваемость школьника/студента. Но эта оценка достаточно однобока, так как класс, состоящий из одних отличников, не всегда демонстрирует высокое качество образования. Важны не только знания, которые можно проверить на экзамене, а то неявное, неформализованное знание, которое получает школьник/студент в виде повышения общей культуры, развития умения логически, структурированно мыслить, умения и желания учиться и т.д. Именно поэтому регулирование системы образования только на основании оценки количественных сигналов может привести к потере того неявного знания, которое не может быть оценено. Важность негативных последствий реформирования высшего образования объясняется большим кумулятивным эффектом данной системы на социоэкономическое развитие всего общества.

В рамках гранта РФФИ № 18–010-00581 «Институциональные ловушки оптимизации сферы образования и науки» мы идентифицировали данное адаптивное поведение как институциональную ловушку метрик[112] по причине, того, что использование количественных показателей в сложных неэргодических экономических системах имеет существенные ограничения. Данный вывод отражен в законе Кэмпбелла: «чем больше количественный показатель используется для принятия решений в социальной политике, тем больше он подвержен различным искажениям и тем больше он будет искажать социальные процессы, которые связаны с проводимой политикой»[113]. Еще одним негативным следствием данной ловушки является концентрация на краткосрочных целях (достижение целевых показателей) в ущерб долгосрочным – «шорт-термизм».

Безусловно, без количественных показателей сложно оценить качество предоставляемых государственных услуг, но при этом нужно понимать, что внедрение количественных оценок индивидуальных достижений (внедрение индивидуальных рейтингов и т.д.) будет способствовать конкуренции за счет

[112] Метрики – это количественные оценки, используемые для целеполагания, контроля, сопоставления и выбора в отношении индивида, организации, события и процесса. (Вольчик В. В. Восхождение метрик //Terra Economicus. – 2018. Т. 16. №. 4. С. 6-16.)

[113] Campbell, D. T. Assessing the impact of planned social change. Evaluation and Program Planning, 2(1).1979. C.85

сотрудничества. Также ввиду того, что вышеописанная политика нового менеджеризма является продуктом другой экономической системы, то прямое использование ее принципов без соответствующей адаптации к существующей институциональной среде в России может привести к оппортунистическому поведению, а не предполагаемым изначально результатам. В системе высшего образования наглядным примером такого заимствования является институт эффективного контракта, связавший стимулирующие выплаты с достижением показателей результативности. Подробнее роль данного института в возникновении и функционировании институциональных ловушек рассмотрена в 3 главе.

Таким образом, стоит отдельно отметить, что успех (выражающийся в степени достижения поставленной цели) институционального проектирования помимо зависимости от степени согласованности с существующей институциональной средой зависит также от возможности достоверно измерить результат внедрения той или иной линейки институтов. В случае возможности использования количественных показателей без существенного искажения интерпретации результата данное измерение может показать степень достижения цели. В случае более комплексного блага издержки измерения повышаются и используемые метрики могут искажать фактический результат экспериментирования. В данном контексте система образования, обладающая большим кумулятивным эффектом для всей социально-экономической системы и предоставляющая сложно поддающееся измерению комплексное благо является достаточно сложным объектом институционального экспериментирования. Более того, как важнейший институт социализации, система образования является не просто частью институциональной системы, но и воспроизводит неформальные нормы, определяющие поведение экономических агентов в будущем.

2.3 Система образования как важнейший институт социализации молодежи в России

Развитие инновационной экономики напрямую зависит от создания эффективной институциональной системы генерации знаний. Система образования, как элемент общественного сектора экономики определяет качество человеческого капитала, которое является необходимым условием «устойчивого экономического, социального и культурного развития стран, регионов и отдельных организаций в рамках экономики знаний»[114].

Согласно подписанным в феврале 2024 г. указам президента о стратегии научно-технологического развития России и национальных целях развития страны период с 2022 г. является «этапом мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления». Ускорение научно-технического прогресса – одна из задач, реализуемых через построение в России инновационной экономики[115].

Но, как и любая другая система, система генерации и управления знаниями подвержена влиянию институциональных ловушек и ситуациям дисфункции институтов, которые препятствуют оптимизации инновационной деятельности в данной области[116]. Система образования и науки в институциональной среде «экономики знаний» играет роль как института генерации знаний, так и института их распространения, что показывает ее ключевую роль в развитии инновационной экономики. Именно поэтому одним из важнейших пунктов политики стран «азиатских тигров», которая способствовала возникновению такого феномена

---

[114] Трапицын, С. Ю. Особенности управления человеческим капиталом в условиях интернационализации бизнеса: опыт успешных компаний / С. Ю. Трапицын, Н. Н. Покровская, П. М. Федоров // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № 4. [Электронный ресурс] URL: https://esj.today/PDF/45ECVN424.pdf (дата обращения: 02.11.2024)

[115] Сербиновский, Б. Ю., Захарова, О. С. О содержании терминов «инновационная экономика», «новая экономика» и «экономика знаний» // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2010. № 61.С. 247.

[116] Паникарова, С. В., Власов, М. В. Оценка эффективности институтов генерации знаний в инновационной системе. 2020. С.19

экономического роста, как «экономическое чудо» была модификация системы образования[117].

Успех реформирования системы образования глобально все так же зависит от того, насколько последовательны и согласованны друг с другом различные этапы реформирования, насколько данные изменения согласованны с ожиданиями основных акторов и от возможности измерения результативности проводимых реформ. В связи с тем, что система высшего образования и науки продолжает реформироваться, сосредоточим наш анализ именно на ней. Для понимания специфики высшей школы в России необходимо учитывать как исторические условия, которые сформировали ее формальную и неформальную институциональную среду, так и текущие условия, в рамках которых функционирует институт системы высшего образования в России.

Система образования в России исторически претерпевала и претерпевает существенные изменения как своей структуры, так и содержания, методологии – часть ее характеристик являются результатом предшествующего пути развития общества, другие сложились в условиях становления рыночных отношений. Несмотря на происходившие на протяжении всей истории формирования системы высшего образования радикальные политические и социальные изменения, отмечается сохранение отличительных особенностей российских университетов[118]. Для демонстрации актуальности нижеперечисленных особенностей российских университетов некоторые тезисы будут подкрепляться цитатами из проведенных с преподавателями высшей школы интервью[119].

Исторически, одной из важных характеристик системы образования в России (особенно проявленная в советскую эпоху) является доминирующая роль

---

[117] Исаева, т. е., Исаева, Е. С. Прыжок «азиатских тигров»: роль высшего образования в национальном сознании группы стран Восточной Азии. 2019. С.13

[118] Юдкевич, М., Кузьминов, Я. Университеты в России: как это работает. М.: Litres, 2022. С.13

[119] С целью получения понимания относительно осведомленности непосредственных участников образовательного процесса относительно текущего состояния системы высшего образования в рамках исследования было проведено 16 глубинных интервью с действующими преподавателями вузов. Отбор респондентов осуществлялся до точки насыщения методом построения экспертной сетевой выборки, являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки. Соблюдалась дифференциация по регионам (участвовали респонденты из Ростова-на-Дону, Москвы, Новосибирска, Керчи, Новочеркасска, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга). Соблюдалась дифференциация по направлениям преподавания (гуманитарные, естественные науки).

государства в ее функционировании – что обусловлено в т.ч. в доминировании государственных инвестиций в данном секторе. В 2022 году доля негосударственных расходов в общей сумме расходов на систему образования была наибольшей в таких странах, как Великобритания, США и Япония – от 27% до 33%. В России доля негосударственных расходов сравнима с показателями Франции и Италии и составляет 13%[120]. Однако если проводить сравнение по доле финансирования образования в структуре ВВП, то среди сравниваемых стран доля расходов в России является наиболее низкой.

При этом распределение расходов между бюджетными и внебюджетными фондами в структуре государственного финансирования становится несколько иным – в 2022 году около 58% расходов на высшее образование составляли государственные расходы и, соответственно 42% – расходы, покрываемые за счет внебюджетных источников[121].

Ниже рассмотрены важные для дальнейшего рассмотрения институциональных ловушек и дисфункций характеристики системы высшего образования в РФ:

1. Получение высшего образования исторически приобрело массовый характер. Согласно исследованию особенностей высшего образования в России, проведенному в Высшей школе экономики, к концу советского периода накапливается ряд системных проблем, в число которых входит перепроизводство квалифицированных кадров в экономике и падение престижа преподавательской профессии[122]. Данные особенности находят отражение в показателях заработной платы преподавателей и показателе соотношения числа студентов и преподавательского состава. Проблема недостаточного уровня оплаты труда сотрудников вузов нашла свое отражение в Указе Президента №597, согласно которому в системе высшего образования средняя заработная плата должна составлять не менее 200% от

[120] [Электронный ресурс]//сборник Education at a glance 2024 OECD, с.370. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2024_c00cad36-en.html (дата обращения: 05.02.2025)
[121] Варламова, Т. А. и др. Образование в цифрах. 2024. С.27
[122] Юдкевич, М., Кузьминов, Я. Университеты в России: как это работает. М.: Litres, 2022. С.100

средней по региону - в докладе о реализации государственной политике в сфере высшего и дополнительного профессионального образования отмечено выполнение этой цели по всем регионам (за исключением семи регионов)[123]. Стоит отметить, что наибольшие значения показатель средней заработной платы достиг в центральном и северо-западном регионах РФ (соответствующий средний показатель по всей стране ниже на 27%). Несмотря на достигнутые результаты отметим, что в советский период относительный уровень оплаты труда преподавателей вузов со степенью кандидата или доктора наук в первые два десятилетия после окончания войны превышал заработную плату квалифицированного рабочего в 4-7 раз).

2. Рост сегмента заочного образования. В настоящее время доля данного сегмента по-прежнему достаточно высока: 27% студентов по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры обучались заочно в 2023/2024 учебном году[124];
3. Первые годы обучения в вузе предполагают жесткий учебный план и определенную последовательность курсов – выбор курсов по выбору достаточно ограничен, что, с одной стороны предполагает более комплексную, фундаментальную подготовку, но, с другой стороны не способствует применению индивидуального подхода к обучению[125]. Более того, сами образовательные стандарты не предполагают механизмов гибкой подстройки под все ускоряющийся процесс изменений на рынке труда, что приводит к тому, что фактически, содержание данных стандартов устаревает практически сразу после внедрения. Но тем не менее, ряд университетов может создавать собственные образовательные стандарты и выстраивать в соответствии с ними свои образовательные программы, что повышает гибкость данной системы[126]. Относительная жесткость учебных планов в

[123] [Электронный ресурс]//Ежегодный доклад Правительства о реализации государственной политики в сфере образования в 2024, с. 114. – URL: http://government.ru/dep_news/55083/ (дата обращения 05.09.2025)
[124] Варламова, Т. А. и др. Образование в цифрах. 2024. С.68
[125] Юдкевич, М., Кузьминов, Я. Университеты в России: как это работает. М.: Litres, 2022. С.355
[126] Данное решение вступило в силу с 1 сентября 2021 г. в виде Указа об утверждении перечня федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, которые вправе самостоятельно разрабатывать и утверждать образовательные стандарты по образовательным программам высшего образования.

России связана с наследованием данной особенности у советской системы образования – подавляющее число курсов носило обязательный характер в совокупности с высокой аудиторной нагрузкой студентов (в 70-е годы аудиторная нагрузка в США была ниже в 1,5 раза по сравнению с советскими университетами[127]).

В настоящее время согласно проведенным в рамках качественного исследования интервью степень гибкости образовательного процесса варьируется от вуза к вузу:

> Новый учебный план, который, если в бакалавриате примут, так раз направлен на повышение гибкости. То есть студент сам выбирает интересные для него курсы. Есть, разумеется, базовые вещи, которые вы должны пройти, но с каждым курсом, начиная с первого по четвертый, количество этих обязательных вещей снимается, и вы все больше сами можете распоряжаться своим учебным процессом. Но, разумеется, под дружеским, но бдительным контролем учебного блока. Это не тривиальная задача для отдела расписания выстроить все это. Потоки огромные. Но, в целом, мне кажется, это абсолютно верная траектория. Потому что мы понимаем, что человеку в 17-18 лет, когда он выбирает этот путь, очень непросто сказать точно, что он хочет. (*Профессор, 38 лет, стаж преподавательской деятельности 16 лет*)

При этом отношение к гибкости учебного плана также варьируется от положительного отношения к частично самостоятельному выбору своей учебной траектории до негативного, ввиду нарушения системности получаемых знаний:

> Нужна системность. И это было в советской системе заложено. Что касается американской гибкой системы, то она больше ориентирована на такое быстрое потребление. Конечно, не значит, что гибкости вовсе не должно быть - должно, но на старших курсах, а база должна быть зафиксирована. (*Доцент, 38 лет, стаж преподавательской деятельности 10 лет*)

> Я слышал, что, допустим, в Казахстане в одном из вузов есть такая практика, похожая на систему в США, но они даже дальше ушли. Там можно полностью выбирать свою программу обучения, подбирать какие угодно модули. При этом модули эти не зависят от факультета, и, допустим, на математический модуль может прийти студент с естественного научного направления и так далее. Понятно, что преподавание такого предмета будет подаваться так, чтобы его могли понять все люди, что говорит об уровне. (*32 года, ассистент преподавателя, стаж преподавательской деятельности 7 лет*)

[127] Дайновский, А. Б. Экономика высшего образования: планирование, кадры, эффективность. – М.: Экономика, 1976. С.61

4. Наличие конкурсной системы занятия профессорско-преподавательских должностей;
5. Ограничение в академической среде инструментов реального самоуправления;
6. Регулирование высшего образования в России осуществляется на федеральном уровне, в то время как во многих странах это является полномочием региональных субъектов власти.

Функция регулирования высшей системы образования закреплена за Министерством образования и науки РФ. В мае 2018 г. Министерство было разделено на два самостоятельных ведомства – Министерство Просвещения РФ и Министерство науки и высшего образования РФ. При этом надзорным органом, согласно Постановлению Правительства РФ от 28.07.2018 Федеральная служба по надзору и контролю была выведена из состава министерства образования и является самостоятельным государственным органом исполнительной власти.

Важнейшими вехами в современной истории национальной системы образования являются:

1. Начало перехода к рыночной экономике и рыночным отношениям (1992-1999 гг.). В этот период разрабатывались учебники и программы нового поколения, внедрялись новые формы организации учебного процесса. Основные изменения на тот момент происходили на уровне общеобразовательных школ, в высшей же системе образования изменения были недостаточны в связи с чем происходил отток высококвалифицированных кадров, что повлекло падение качества образования[128].
2. Период с 2000 по 2012 гг. ознаменован внедрением государственных образовательных стандартов (ГОС и ФГОС). Также происходило развитие компетентностного подхода, как обоснования для обновления образовательных стандартов:

[128] Бадмаева С. В. и др. Традиции и инновации высшего образования в Российской Федерации: стратегическая роль преподавателя. Общество с ограниченной ответственностью" Издательство" КноРус", 2022. С. 166-166.

Применение данного подхода было предложено в рамках осуществления стратегии Правительства РФ, одной из целей которой была «кадровое обеспечение динамично развивающейся рыночной экономики»[129]. Предполагалось устранить традиционную перегруженность учебных планов предметами, которые не будут востребованы в социальной или профессиональной жизни. В настоящее время компетентностный подход применяется практически на всех этапах образования и по мере ускорения устаревания компетенций ввиду ускоряющихся изменений в происходящих бизнес-процессах, данный подход все чаще становится предметом дискуссий. Применение данного подхода способствовало возрастанию роли работодателей в образовательном процессе уже в более позднем периоде – с 2013 по 2020 гг. Стоит отметить, что запросы рынка труда меняются быстрее, чем образовательный процесс может перестроиться, что приводит к тому, что вузы вместо восприятия себя как института будущего, являются институтом догоняющего развития. Более того, данное стремление к постоянному изменению ведет к возникновению бюрократической перегруженности преподавателей, время которых тратится на изменение образовательных программ вместо выполнения своих важных социально-обусловленных функций просвещения и развития науки:

> То есть раньше преподаватели, я помню, готовились, книги читали, студентам что-то новое рассказывали, а сейчас когда они будут читать? Они не успевают методические рекомендации одни переделать в другие. Почему? Потому что наши образовательные программы должны регулярно меняться, потому что госстандарт меняется чуть ли не каждые пять лет. Знаете, мы в качестве эксперимента попытались посчитать сколько займет рабочего времени переделать все методички в определенном формат, сколько это займет в человек о часах. Для того, чтобы просто линейку программы одного года воспроизвести. Это получилось примерно две человеческие жизни. (*Профессор, 45 лет, стаж преподавательской деятельности 20 лет*)

Также в 2003 году завершается процесс присоединения к Болонской системе, которая предполагала 2-х ступенчатость образования (бакалавриат и магистратура) и была призвана способствовать интернационализации системы образования, в частности признания отечественных дипломов в странах-участницах Болонского

[129] Стратегия модернизации содержания общего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.1060.ru/upload/fm/pinskiy/strateg.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

процесса. На момент принятия решения об использовании данной системы в России в 2003 году, данное присоединение считалось перспективным ввиду необходимости повышения уровня образования, который заметно снизился в конце 1990-х гг. и необходимости встраивания отечественной системы образования в ходе процесса глобализации в международную систему образования. Спустя 20 лет после принятия данного решения были накоплены определенные претензии к последствиям этого перехода – они были перечислены в ходе проведения расширенного заседания комитета Совета Федерации 6 июня 2022 г.:

- Недостаточность 4-летнего периода обучения для получения фундаментальных знаний по специальности;
- Отсутствие привязки профиля магистратуры к профилю бакалавриата – возможность получение образования в магистратуре по другой специальности ведет к редукции качества подготовки по новой специальности;
- Возможность академической мобильности в рамках Болонской системы стала одной из причин миграции талантливых студентов из России.

С 2020 г. ввиду влияния пандемии происходит усиление роли дистанционного образования и, в связи с этим возникают вопросы о снижении качества высшего образования. Пандемия стала неким внешним стимулом ускорения активной цифровизации образования, которая помимо использования дистанционных форм обучения проявляется в следующих трендах (см. рис.6 ниже):

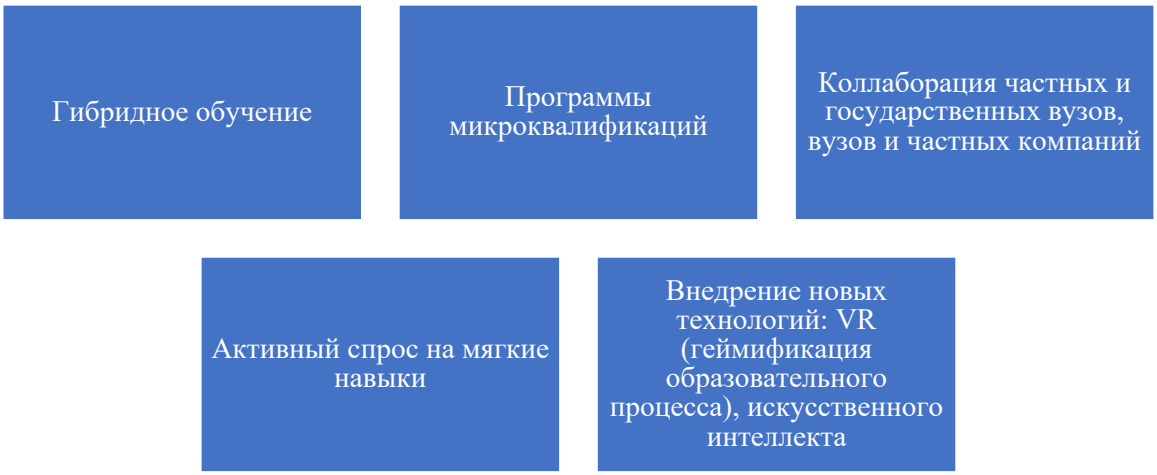


Рисунок 6 – Современные тренды образования[130]

Данные тренды затрагивают, как сам процесс обучения – его формат, так и содержательное наполнение образовательных программ, одной из основных целей которых является повышение мотивации студентов к получению знаний. Некоторые тенденции направлены на сближение системы образования и рынка труда по части коллаборации с частными компаниями, в частности благодаря внедрению «сетевых программ обучения» и созданию программ микроквалификаций, которые позволяют получить точечные профессиональные знания. «Сетевые программы обучения» подразумевают организацию обучения с использованием ресурсов (прежде всего информационных и коммуникативных) нескольких вузов и компаний – это позволяет оптимизировать соотношение теоретической и практической подготовки студентов. Распространение микроквалификаций – это обусловленная ускорением устаревания полученных знаний тенденция, которая воплощает в себе ту самую необходимость «постоянного переобучения».

Данные изменения обусловлены прежде всего 2-мя основными трендами: высокая скорость изменений и большая (чем раньше) ориентация не только на

[130] Составлено автором на основании полученных данных в ходе проведения глубинных интервью

профессиональное, но и личностное развитие – это те тренды, которые становятся локомотивом изменений во многих отраслях, в том числе и системы образования.

Рассмотренные кратко исторические вехи системы высшего образования в России наглядно демонстрируют устойчивость отдельных ее характеристик, несмотря на многократный пересмотр формальных норм – доминирующая роль государства в финансировании и управлении, высокая степень регламентации учебного процесса, массовый характер получения высшего образования и др. Отмечаемая ранее сложность измерения результата проводимых реформ в системе образования, достаточно частое изменение формальных правил и инерционность неформальных норм, описанная в главах 1 и 2 – это те условия, при которых в системе могут появляться и существовать институциональные ловушки, которые будут рассмотрены в следующей главе.

ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ И ДИСФУНКЦИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ

3.1 Характеристика неформальной среды системы высшего образования и науки в России

Система образования как институт государственный и одновременно (по направлению реформирования) становящийся все более ориентированным на рынок, испытывает на себе влияние как с одной, так и с другой стороны. В связи с этим, можно отметить, что особенности неформальной среды системы высшего образования исторически формировались в условиях достаточно частых изменений формальных норм, которые затрагивали разные аспекты системы образования – от уровня автономности университетов, особенностей образовательного процесса до особенностей взаимодействия студентов и преподавателей, роли преподавателей и иные характеристики данной среды. Стоит отметить, что вышеописанные формальные нормы меняются неравномерно – например, возможность самостоятельной разработки и утверждения образовательных стандартов по программам обучения определяется принадлежностью вуза к какой-то категории (преимущественно федеральные и национальные исследовательские университеты). Вместе с тем, сложившиеся неформальные нормы – ожидания и практики поведения студентов, преподавателей менялись значительно медленнее и не всегда успевали за изменением формальных норм.

Такие изменения, как исторические, так и текущие требуют институционального осмысления с точки зрения оценки соответствия планируемых изменений накопившимся к моменту реформирования в системе высшего образования вопросам, а не только соответствия геополитической повестке. Это связано с тем, что период реформирования любой системы может повлиять на уровень доверия акторов данной системы к проводимым преобразованиям и к системе, в целом.

Данную «дилемму» законодательного органа наглядно демонстрирует концепция «динамической непоследовательности экономической политики», согласно которой непоследовательность экономической политики может привести к повышению репутационных издержек, что в будущем может снизить доверие общества к проводимым изменениям. Таким образом, законодатель в условиях асимметрии и неполноты информации выступает «канатоходцем», который в условиях необходимости проведения изменений сталкивается с выбором между повышением репутационных рисков, а также повышением недоверия со стороны общества и проведением последовательной политики, заимствующей содержание старых, уже продемонстрировавших не только свою неэффективность, но при этом «привычных» институтов. Ввиду существующих неформальных норм в обществе, степень недоверия и принятия проводимых реформ может варьироваться, также как и степень «абсорбционной» способности той или иной страны в случае внедрения/заимствования эффективных, зарекомендовавших себя институтов.

В России, как уже отмечалось выше, наблюдается достаточно исторически низкий уровень доверия в обществе (его падение с 35% до 23% произошло в период с 1993 по 1998 гг. (см. рис. 4) – время экономических «шоковых» реформ), что в совокупности с высоким индексом избегания неопределенности, высоким индексом дистанции власти, измеренным по методике Хофстеде приводит к тому что население не отождествляет себя с институтами государственной власти и, соответственно, не отождествляет себя с созданными этими институтами правилами (в виде нормативных актов и иных форм законодательства). В связи с этим могут возникать практики оппортунистического поведения, так как если индивид (в отношении которого направлены изменения) на внутреннем уровне принимает тот или иной институт, то он будет следовать ему по привычке без принуждения, если, наоборот, данного принятия нет, то данный институт будет действовать как механизм ограничения поведения и будут возникать стимулы к оппортунистическому поведению, которые проявляются в возникновении и функционировании институциональных ловушек, подробнее описанных в следующем параграфе.

Падение уровня доверия в период проведения «шоковой терапии» демонстрирует негативную реакцию части населения на резкие изменения без предварительной «институциональной настройки», без проведения промежуточных, более мягких реформ. Ввиду исторической памяти среди населения могло закрепиться «осторожное» отношение к будущим реформам и в данном случае проблема повышения социального доверия становится крайне важной, особенно накануне проводимых реформ, в т.ч. в системе высшего образования:

> К реформам системы образования я лично отношусь скептически и в жизни одного человека их должно быть не слишком много. А у нас реформы возведены в ранг: чем больше, тем лучше. (*Профессор, 45 лет, стаж преподавательской деятельности 20 лет*)

В сфере высшего образования доверие выступает «скрепляющим базисом для всех акторов, обеспечивает устойчивость, стабильность высшего образования, как института и его дальнейшее развитие»[131]. Снижение уровня недоверия возможно при условиях повышения уровня прозрачности и закономерности проводимых реформ, снижения уровня асимметрии и неполноты информации. Согласно проведенным опросным исследованиям среди 1 200 человек в возрасте от 18 до 55 лет было выявлено, что лишь каждый пятый респондент знаком с планируемыми изменениями в системе высшего образования, что показывает существующую асимметрию информации в области предстоящих достаточно серьезных изменений (см. рис.7 ниже).

[131] Ширяев И. М. и др. Доверие и институциональные ловушки в сфере образования и науки //Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2019. Т. 10. №. 4. С. 151.

Рисунок 7 - Уровень осведомленности о происходящей в настоящий момент реформе высшего образования[132]

Степень серьезности проводимых реформ можно оценить с точки зрения степени влияния на основные элементы образовательного процесса (структуру, методологию и содержания образовательного процесса). На основании анализа интервью с министром науки и высшего образования отметим, что планируемые изменения коснутся всех 3-х основных элементов образовательного процесса. Все 3 элемента относятся к формальным нормам, которые закрепляются в нормативных документах и формируют новые «формальные рутины» образовательного процесса:

1) *Структура*: в рамках пилотного проекта[133] предложена следующая структура образовательного процесса: базовое высшее образование со сроком обучения от четырех до шести лет в зависимости от направления и профиля подготовки, а также пожеланий работодателей (вместо бакалавриата). Магистратура остается в качестве специализированного высшего образования и может быть реализована либо в виде этапа образования для углубления практической подготовки, либо в виде этапа углубления исследовательской, научной подготовки. Сроки обучения

[132] Цифры: о реформе системы высшего образования, похоже, знает лишь каждый пятый россиянин [Электронный ресурс]// Skillbox Media / «Образование». URL: https://skillbox.ru/media/education/tsifry-o-reforme-sistemy-vysshego-obrazovaniya-pokhozhe-znaet-lish-kazhdyy-pyatyy-rossiyanin/ (дата обращения 05.04.2024)

[133] В данном пилотном проекте участвуют: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Национальный исследовательский университет «Московский авиационный институт», Национальный исследовательский технологический университет «Московский институт стали и сплавов», Московский педагогический государственный университет, Санкт-Петербургский горный университет и Томский государственный университет

обозначены гибкими от 1 до 3-х лет. Важным отличием от Болонской системы образования может стать предполагаемый запрет на обучение в магистратуре лиц, не имеющих базового высшего образования соответствующего профиля[134]. Аспирантура же утрачивает статус ступени образования и становится специализированным обучением, направленным на подготовку научных кадров. Таким образом, можно заметить, что, увеличение срока обучения и отсутствие возможности учиться в магистратуре не по полученной специальности, компенсируются новыми возможностями в выборе траектории своего развития, гибкими сроками обучения в зависимости от конкретной образовательной программы и при этом, данные шаги обеспечат улучшение качества подготовки студентов.

2) *Содержание*: изменения коснутся не только структуры образовательного процесса, но и его содержания – образовательные программы будут трансформироваться ввиду изменения самого содержания существующих и привычных нам профессий (иллюстрация влияния тренда на высокую скорость изменений). Более того, образовательные программы будут ориентированы равно как на получение фундаментальных (в том числе через возможность мобильности студентов между разными вузами для прохождения курса в том университете, который зарекомендовал себя лучшим в конкретной сфере), так и на получение профессиональных знаний благодаря активному взаимодействию с работодателями через учебные практики уже начиная со 2-го года обучения;
3) *Методология* – важную роль начинают играть гибкие расписания, которые позволяют учитывать разнонаправленные предпочтения как студентов, так и преподавателей в области выбора метода обучения – предпочтительное соотношение аудиторных и дистанционных часов, методы оценивания, оперативное предоставление аудиторий и др.

[134] Гребенкин А. Н., Фомина М. Г. Система российского высшего образования в контексте ухода из Болонского Процесса //Russia and the World: The development of Civiliations. World, country, university—25 years of development. С. 516.

Таким образом, планируемая реформа является не просто корректировкой существующей системы высшего образования, а предполагает масштабные изменения и существующий уровень осведомленности населения согласно опросу, описанному выше (часть которого будет или уже является полноценными участниками образовательного процесса) демонстрирует необходимость повышения уровня информированности в будущем с целью нивелирования потенциального снижения уровня доверия к реформам. Безусловно, результаты одного опроса могут быть нерепрезентативными по отношению ко всему населению, но на данный момент, описанное исследование опроса мнений по поводу предстоящих реформ является единственным масштабным «барометром» общественного мнения по поводу реформы высшего образования.

С целью получения понимания степени осведомленности непосредственных участников образовательного процесса относительно предстоящих реформ в рамках исследования обратимся к результатам проведенных интервью[135] с действующими преподавателями вузов. На вопрос, касающийся происходящего перехода от Болонской системы высшего образования, большинство респондентов отмечают недостаточную осведомленность о планируемых изменениях. (проявление асимметрии информации):

> Обсуждаемые в рамках перехода от Болонской системы изменения пока что не происходят в нашем вузе. Я знаю только из обсуждений, которые посвящены данному переходу, что это, в значительной степени, возвращение к советской системе образования, что является достаточно спорным. Реальные изменения начнутся только с 2026-го года. А сейчас только несколько вузов в порядке эксперимента тестируют новую систему образования (*Профессор, 70 лет, стаж преподавательской деятельности 35 лет*)

Асимметрия информации напрямую влияет на важный фактор неформальной среды – уровень доверия, от которого зависит степень принятия описанных выше формальных изменений. Соответственно, для повышения эффективности

[135] В ходе исследования было проведено 16 глубинных интервью. Отбор респондентов осуществлялся до точки насыщения методом построения экспертной сетевой выборки (peer-referrals constituting network sampling), являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки (targeted samples).

внедрения новых формальных норм (если их внедрение целесообразно), необходимо учитывать сложившуюся внутри объекта реформирования как сложной системы не только формальную, но и неформальную среду и способствовать повышению уровня доверия путем снижения уровня асимметрии и неполноты информации через повышение уровня информированности общества о предстоящих изменениях.

Вторым важным фактором, описывающим неформальную среду системы образования, является сформированная идентичность (самоопределение) университета, которая включает в себя представления о достаточной степени автономии, академических свобод, степени взаимосвязи образовательной и исследовательской функций университета[136]. В отличие от «формальной автономии» данные неформальные представления показывают, как акторы системы образования воспринимают и применяют формальные аналоги. Вызовом формирования устойчивого самоопределения являются различные (порой противоречивые) запросы со стороны государства и рынка к университету, в результате которых его изначальная цель, которая заключается в повышении интеллектуального, культурного и социального капитала общества превращается в выполнение задач, поставленных свыше. Для контроля выполнения поставленных задач применяется система показателей (метрик), недостаточная эффективность применения которых связана с тем, что использование количественных показателей в условиях неопределенности в сложных неэргодических экономических системах имеет существенные ограничения[137]. Иными словами, необходимость достижения показателя из способа оценки деятельности превратится в стимул этой деятельности для достижения того самого показателя путем отбрасывания той качественной составляющей, которую измерить количественно невозможно. Более того, успех вуза определяется высоким уровнем творчества, академической свободы, развитием фундаментальной базы различных

[136] Сычев А. А. Университетская идентичность в современном мире: ценностные ориентиры и вызовы //Ведомости прикладной этики. 2022. №. 59. С. 47.
[137] Вольчик В. В. Восхождение метрик //Terra Economicus. 2018. Т. 16. №. 4. С.9.

направлений знаний, что измерить достаточно сложно. Помимо перечисленных характеристик, описывающих идентичность вуза крайне важно понимание глобальной миссии университета, его основных целей в текущих условиях быстрых изменений. Ответ на вопрос, чем является университет является достаточно дискуссионным и его актуальность можно продемонстрировать наличием сомнений в том, что его роль правильно трактуется: «Больше уже непонятно, ни каково место Университета в обществе, ни какова истинная природа данного общества, интеллектуалы не могут позволить себе игнорировать это изменение институциональной формы Университета»[138]. Более того, отмечается плюрализм самой идеи «университета», в связи с чем поиск «универсальной метрики для оценки успешности университета становится заведомо беспочвенным».[139]

Третьим фактором неформальной среды является восприятие акторами социальной миссии университета в обществе – сформированное понимание роли университета влияет на отношение акторов к формальным нормам, которые формируют цели и критерии по оценке результативности достижения данных целей. Традиционные представления о двух миссиях университета, как об образовательной и научной дополняются еще одной, третьей миссией университета, направленной на решение социальных проблем. При этом определение третьей миссии университета варьируется в различных публикациях. Одни авторы включают в данную миссию помимо социального также предпринимательского фактора, что является достаточно дискуссионным ввиду того, что, с одной стороны «университеты предлагают наибольшую концентрацию ресурсов знаний для поддержки местного и регионального развития и не использовать этот потенциал было бы слишком большой роскошью в условиях глобализации»[140]. С другой стороны, существует объективное противоречие в

[138] Ридингс Б. Университет в руинах. – Litres, 2022.с.11
[139] Балацкий Е.В., Екимова Н.А., Юревич М.А. «Университеты мирового класса вчера и сегодня»//М.: Издательство «Перо», 2022. С. 44
[140] Montesinos, P., Carot, J. M., Martinez, J. M., & Mora, F. (2008). Third mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research. Higher Education in Europe, 33(2-3), 262.

сочетании научно-образовательной и предпринимательских сторон университета[141]. Именно поэтому 3-ю миссию университета часто рассматривают более масштабно в виде формирования научно-ориентированного мировоззрения и повышения открытости научного сообщества. Данные нарративы по поводу открытости науки присутствовали и у респондентов, участвующих в интервью:

> Одной из задач университета должна быть тотальная борьба с безграмотностью, с какими-то ложными убеждениями, которые далеки от науки. Ведь в науке же многие вещи, которые сейчас у людей вызывают какой-то эвристический восторг, уже давно описаны. И вопросы, в которых не могут разобраться, тоже давно описаны. Конечно, университету нужно, в том числе, в виде реализации третьей миссии как-то участвовать в этом. С этой целью, я, например, с удовольствием читаю публичные лекции, бесплатные. (*Доцент, 39 лет, стаж преподавательской деятельности 11 лет*).

В некоторых российских вузах даже ведется мониторинг осуществления третьей миссии, например в Высшей школе экономики в рамках данного мониторинга за 2021 год был приведен отчет по деятельности вуза по достижению 17 целей[142], среди которых выделены как сугубо социальные сферы в виде ликвидации нищеты (получение права на бесплатное обучение абитуриентами, нуждающихся в поддержке, но не имеющих государственных льгот, функционирование программ поддержки студентов в виде предоставления скидки (от 25% до 70% от годовой стоимости) на обучение за академические успехи), ликвидации голода. Также к преследуемым целям относятся обеспечение качественного образования как для студентов в виде более раннего вовлечения студентов в исследовательскую деятельность, повышение открытости университета в рамках сотрудничества с региональными вузами (стажировки, проведение образовательных интенсивов командам вузов партнеров, проведение регулярных социологических и статистических исследований системы образования), так и для взрослых граждан в виде бесплатных курсов и программ.

---

[141] Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э. " Третья миссия" университетов как предмет научного анализа //Вестник Вятского государственного университета. 2020. №. 2. С. 20.

[142]Отчет о реализации 3-й миссии НИУ ВШЭ, 2021// Центр реализации третьей миссии ВШЭ. - URL: https://3mission.hse.ru/(дата обращения: 03.03.2023)

Данные отчеты публикуются также на сайтах зарубежных университетов (Канады, США, Великобритании и др.) и связаны с осуществлением миссии университета по устойчивому развитию, по экономическому, экологическому вкладу в развитие региона и др.[143]

В Южном федеральном университете следование университетом целям в рамках 3-й миссии также выделено отдельно в отчете деятельности вуза за 2023 год[144] и представляет собой деятельность в области создания и развития площадки взаимодействия вуза с обществом, регионом и индустрией (точка кипения ЮФУ).

Таким образом, можно отметить, что концепция 3-й миссии является одним из проявлений более общего неформального фактора – сформированного у акторов системы образования понимания роли университетов в обществе. Соответствие данного представления задачам, которые ставятся формальными нормами влияет на степень их принятия и, соответственно, исполнения. Реализация данной миссии способствует повышению уровня доверия общества к вузам, как ключевого фактора неформальной среды системы образования.

Помимо взаимодействия с внешними акторами (государство, рынок) важную роль играет взаимодействие внутренних акторов, в частности преподавателей и студентов. Уровень взаимопонимания, доверия между которыми влияет на степень усваиваемости получаемых знаний и, как следствие, на уровень интеллектуального, культурного и социального капитала общества. Этому способствует не только наличие возможностей, обусловленных формальными институтами в виде применения тех или иных образовательных стандартов, но и область личной мотивации студента, его внутреннего понимания цели получения знаний и стремления применить полученные знания, уровень его довузовской подготовки, владение навыками самоорганизации, плата за обучение и ее величина, престижность вуза и индивидуальные психологические особенности студентов[145].

---

[143] Третья миссия в зарубежный университетах [Электронный ресурс]// Центр реализации третьей миссии ВШЭ. - URL: https://3mission.hse.ru/catalog3m (дата обращения: 03.03.2023)

[144] Отчет ректора о деятельности университета за 2023 год [Электронный ресурс]//Сайт Южного федерального университета. - URL: https://sfedu.ru/docs/ufudoc/otechet_rectora_2023.pdf (дата обращения: 15.08.2024)

[145] Иванова Е. В., Виноградова И. А., Никитаева М. В. Исследование инвариантов восприятия университетской среды участниками образовательного процесса. – 2017.с.13

Стоит отметить, что данные мотивы поведения и установки сами по себе не являются неформальными нормами, но они определяют отношение студентов и преподавателей к проводимым формальным нормам и влияют на описанные выше факторы неформальной среды. Рассмотрим некоторые из них:

1. Цель получения диплома:

Данная установка отражает понимание роли университета в обществе – согласно представленным в ноябре 2024 г. результатам опроса, проведенного ВЦИОМ, около 18% опрошенных респондентов воспринимают получение высшего образования как социальный лифт[146] (на 5 п.п. больше, чем в 2019 году) и 11% опрошенных в качестве мотива получения образования считают социальное давление в виде существующего в обществе паттерна «так принято». Данные установки могут приводить к отсутствию стимулов получения знаний и, соответственно к оппортунистическому поведению в виде плагиата и списываний. Но при этом, разнонаправленность стимулов студентов при получении образования не должна рассматриваться только с негативной точки зрения, так как университет является многопрофильным учебно-научным учреждением[147]:

> В целом, внутри каждого студенческого потока есть те люди, кто пришел сугубо за знаниями и в будущем готовы академическую карьеру развивать и так далее. Есть те, кто действительно ориентирован только на рынок труда, кто хочет получить профессию. Это, ни в коем случае не означает, что его стимулы лучше или хуже, чем у его академически настроенного однокурсника. Но такие тоже есть и были. И есть та составляющая коллег, которые воспринимают вот эти студенческие годы как место пребывания в хорошем, приятном окружении, с приятными людьми, умными собеседниками из числа однокурсников, преподавателей. Мне кажется, что это тоже неплохо: выполнение такой мировоззренческой функции. Поэтому я бы не стал противопоставлять эти функции, мне кажется, что университет не должен быть узкозаточенным, ведь сама среда имеет большое значение. (*Профессор, 38 лет, стаж преподавательской деятельности 16 лет*)

В рамках данной многопрофильности университетской среды реализуются в т. ч. формы взаимодействия преподавателей и студентов, которые в современных

[146] Высшее образование в России. Мониторинг 2024 [Электронный ресурс]// Аналитический обзор ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring (дата обращения 26.12.2024)

[147] Кирьякова А. В. и др. Университет как среда инновационных взаимодействий //Высшее образование в России. 2021. №. 8-9. С. 116.

условиях значительно шире и многообразнее, чем неизменные функции передачи и приобретения знаний[148].

> Важен непосредственный контакт, вербальное общение, попытка представить себе логику собеседника, то, что называется, по душам поговорить. Тогда ты можешь понять вообще, что у человека внутри, какие он имеет представления о разбираемом предмете. Потому что тесты, решение задач дают какое-то косвенное, примерное представление понимает что-то студент или нет. А чтобы реально представить, насколько человек разбирается в теме, насколько он понимает ее, конечно, это только беседа, собеседование. Желательно, в менее стрессовой ситуации, чем экзамен, потому что на экзамене многие студенты просто теряются, паникуют, боятся, многие не выспались. Поэтому для понимания реальной картины нужен длительный какой-то контакт, общение и разбор темы. У нас это реализуется в форме контроля входящих знаний уже после окончания дисциплины и сдачи экзамена. И за много лет такой практики я убедился, что ребятам это очень нравится, потому что во время такой беседы они освобождены от этого вечного дамоклова меча "а вдруг двойку поставят". (*Доцент, 70 лет, стаж преподавательской деятельности 41 год*)

Повышение уровня доверия между всеми участниками образовательного процесса – частичное проявление улучшения существующей неформальной среды вуза. Это особенно важно в текущее время, когда университет, по мнению студентов, уже не является залогом карьерного и жизненного успеха: в ходе проведенного осенью 2022 г. опроса более 5 тысяч студентов девяти ведущих вузов страны было выявлено, что с тезисом, что «значимость высшего образования часто преувеличивают, а успешной карьеры и, в целом устроенной жизни можно добиться и без него» согласны 75% опрошенных респондентов[149].

2. Низкая вовлеченность в студенческие активности

Степень вовлеченности студентов во внеучебную жизнь, которая в отличие от учебы не оценивается формально и не влияет на «качество» диплома, показывает что студенты понимают под миссией университета – для них это лишь билет на рынок труда, на который они стремятся выйти поскорее на 2-3 курсах обучения или это место раскрытия своего потенциала (научного, творческого и т.д.) –

---

[148] Кирьякова А. В. и др. Университет как среда инновационных взаимодействий //Высшее образование в России. 2021. №. 8-9. С.116.

[149] Модели образовательного поведения студентов российских вузов [Электронный ресурс]//Центр социологии высшего образования НИУ ВШЭ .– URL: https://www.hse.ru/news/priority/850278408.html (дата обращения: 10.08.2023)

формирование навыков коммуникации, работы в команде, критического мышления в процессе получения внеучебного опыта в виде мероприятий, организуемых на базе университета (спортивных, научных, творческих и др.), но при этом, не подлежащих оцениванию и не отражаемых в дипломе выпускника[150] (Щеглова, 2022, с.7). Участие в такой деятельности имеет ряд преимуществ:

- Расширение социального капитала;
- Повышает уровень удовлетворенности от обучения и формирует чувство принадлежности (лояльности)к университету;
- Развитие критического мышления, развитие навыка решений приближенных к реальности задач (например, в рамках проектной деятельности);
- Способствует формированию у студентов научных интересов в случае участие в исследовательских проектах.

Согласно проведенному мониторингу Высшей школой экономики в 2020/2021 учебном году около 68% студентов не участвовали в различных видах научной/проектной деятельности (см. график ниже)

Рисунок 8 – Причины, по которым студенты не участвуют в различных видах научной/проектной деятельности[151]

[150] Щеглова И. А., Дремова О. В. Внеучебная деятельность как фактор академической успешности студентов. 2022. С.7

[151] Причины, по которым студенты не участвуют в различных видах научной/проектной деятельности

Что касается вовлеченности в студенческие организации, то согласно результатам опроса 32% студентов были вовлечены в деятельность таких организаций. Среди основных причин низкого уровня участия во внеучебной деятельности студенты выделяют отсутствие интереса к данной деятельности (41% опрошенных) и недостаток времени на участие ввиду высокого уровня загрузки по учебе (36%)[152]. В качестве сравнения приведем исследование, регулярно проводимое Калифорнийским университетом для оценки поведенческих паттернов студентов данного вуза – в 2022 году среди опрошенных 60 000 студентов около 73% студентов участвовали хотя бы в одном виде внеучебной деятельности[153] и 53% опрошенных были вовлечены в деятельность студенческой организации.

Уровень вовлеченности студентов во внеучебную жизнь вуза является одной из важных характеристик сформированной неформальной среды вузов и повышение данного показателя может способствовать в том числе повышению уровня доверия к вузу, другим студентам, так как позволяет выйти за рамки сугубо регламентированных отношений.

3. Поколенческие особенности поведенческих паттернов студентов

Поколенческие особенности способствуют формированию ожиданий студентов относительно роли университета и методов обучения. В.Радаев в исследовании межпоколенческих конфликтов отмечал наличие особенностей поколения миллениалов и зумеров, которые напрямую влияют на уровень усваиваемости знаний в Высшей школе. Данные поколения с социологической точки зрения характеризуются такими чертами как: сниженная способность к длительной концентрации, параллельная вовлеченность в несколько коммуникативных сред и «раздерганность сознания»[154]. С точки зрения рынка

[Электронный ресурс]// НИУ ВШЭ, опрос студентов вузов очной формы обучения в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч.г. с.15. – URL: https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10(27)_2022.pdf (дата обращения: 12.03.2023)

[152] Причины, по которым студенты не участвуют в различных видах научной/проектной деятельности [Электронный ресурс]// НИУ ВШЭ, опрос студентов вузов очной формы обучения в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч.г. с.12. – URL: https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10(27)_2022.pdf (дата обращения: 12.03.2023

[153] Institutional research and academic planning, p.3 [Электронный ресурс]// University of California report. – URL: https://www.ucop.edu/institutional-research-academic-planning/_files/extra-curricular-participation-and-student-success.pdf (дата обращения: 16.02.2024)

[154] Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. – Litres, 2019.с.185

труда поколение, выросшее в эпоху интернета и цифровых технологий, называется «цифровые аборигены»[155]. Накопление знаний, умение запоминать большие объемы информации, которые ранее были важными элементами получения образования для нового поколения, уступают место умению быстрого поиска, обработки и сопоставления необходимой информации. Неспособность к длительной концентрации также является вызовом для системы образования, так как означает, что стандартные, классические методы преподавания не так эффективны, как раньше. В связи с этим есть запрос на изменении роли университетов в сторону того, чтобы способствовать скорее обретению интереса и смыслов в обучении (замотивировать на «обучение длиной в жизнь»), а не приобретению большого объема знаний. Также важную роль играет приобретение студентами навыков структурирования, критического осмысления изучаемой информации, умения выделять ключевую проблему, суть в условиях все усугубляющегося «информационного шума» и «преодолевать сопротивление материала» путем настойчивого поиска ответа на нужный вопрос.

Но тем не менее, несмотря на общепоколенческие тенденции в поведении, как и всегда, есть студенты с мотивацией обучаться, получать серьезные глубокие знания, но в качестве барьеров может выступать сама система подготовки, которая направлена в том числе на формирование прикладных, практико-ориентированных знаний:

> Мотивации, на мой взгляд, у нынешних студентов, достаточно, у них нормальная мотивация. То есть они заинтересованы учиться и приходят с определенным ожиданием, но сама система подготовки изменилась. Вы знаете, я думаю, что современный студент не получает того, что он внутренне бы ожидал, что-то такое, серьезное. Их загружают вот какими-то вещами, не то, чтобы поверхностными, а уже с самого начала прикладными, экономистов наших. И это понятно, потому что готовят людей, которые на выходе будут практиками. (*Профессор, 66 лет, стаж преподавательской деятельности 37 лет*)

4) Научно-исследовательская культура студентов

[155] Белокрылова О. С., Пэн Л. Цифровые особенности современного рынка труда //Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. №. 18-1. С.585.

Отражает восприятие роли науки и ученого в обществе, позволяет ответить на вопрос, как часто студенты выбирают научную карьеру, какова динамика данного выбора и какие возможные барьеры существуют в данной сфере. Согласно полученным комментариям от преподавателей вузов во время проведения интервью, динамика данного выбора не особенно сильно менялась во времени ввиду специфичности данного вида деятельности, требующей определенного склада ума. Но если говорить о студентах, предрасположенных к данному виду деятельности, но, тем не менее, все равно не выбирающих ее в качестве своей карьерной траектории, то здесь основными факторами является достаточно низкая оплата труда по сравнению с альтернативными и доступными данному выпускнику другими вариантами трудоустройства и связанная с этим неопределенность относительно своего будущего.

> Необходимо более стабильное финансирование научных лабораторий, чтобы студенты были более мотивированы и понимали, что у них есть нормальное стабильное будущее в этом направлении. В этом случае они могли бы более спокойно заниматься работой, учебой, а не думать о том, что будет через год. То есть это сильно отвлекает от работы и если бы у студента (в научной лаборатории) был более стабильный и понятный дальнейший трек, то ему проще было бы учиться и результаты были бы значительно лучше. (*Доцент, 36 лет, стаж преподавательской деятельности 6 лет*).

При этом, следует отметить, что помимо внутренней предрасположенности к профессии ученого и внешней мотивации к этому в виде заработной платы важную роль играет также коллективное представление людей о данной профессии, ее престиже. Невысокий статус ученого-исследователя является одним из факторов, вызывающего противоречие между существующим инновационным потенциалом и фактическими результатами его функционирования[156]. Согласно проведенному в июне 2023 г. опросу 1600 человек от 18 до 55 лет среди молодежи около 56% (для сравнения в 2013 году данный показатель составлял 55%) опрошенных отметили престижность данной профессии[157]. При этом за период с 2021 по 2023 гг.

[156] Белокрылова О. С. Факторы, показатели и механизмы инновационного развития региона. 2008.с.2
[157] Ученый и инженер: престижность профессий [Электронный ресурс]//Аналитический обзор ВЦИОМ. – URL:

произошел рост интереса к науке на 10% и составил 70% (Исследование ВЦИОМ). Что касается общемировых тенденций, то согласно проведенному опросу 22 000 человек в 16 странах[158] было выявлено, что профессия ученого (Scientist) занимает первое место среди наиболее уважаемых профессий наряду с профессией врача (см. график ниже):

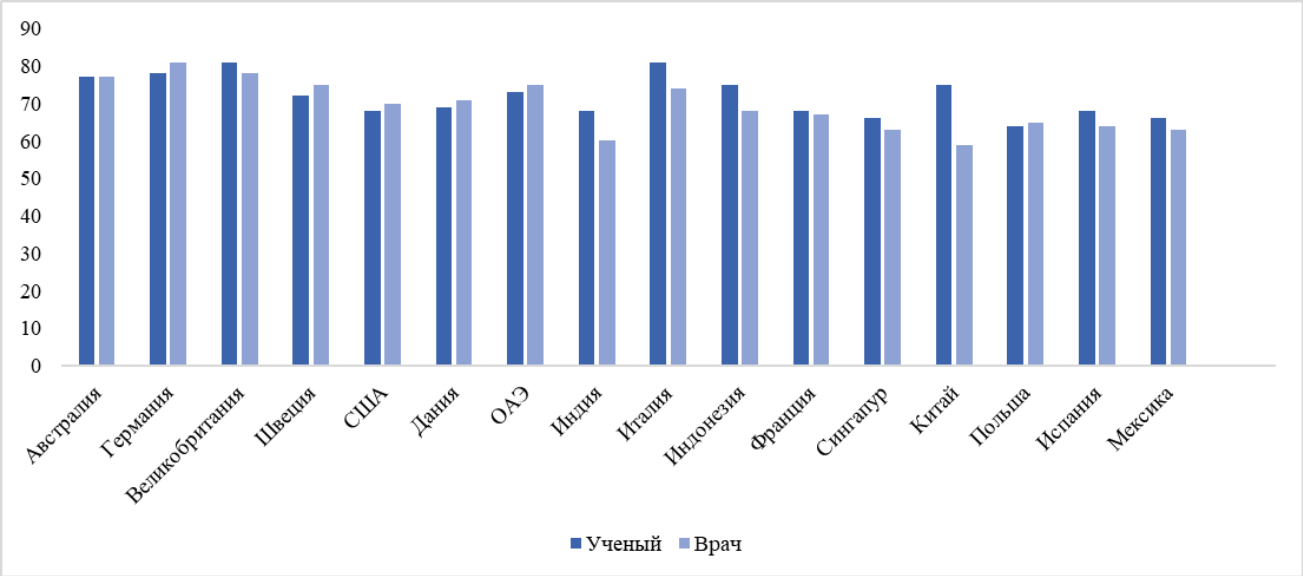


Рисунок 9 – Сравнение уровня престижности профессии «врач» и «ученый» по странам[159]

Понимание необходимости повышения престижа данной профессии крайне важно и уже можно наблюдать, что, например, в стратегии научно-технологического развития РФ от 28.02.2024 в числе способов создания возможностей для выявления и воспитания талантливой молодежи, построения успешной карьеры в области науки выделена необходимость повышения авторитета ученых в обществе[160].

---

https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-glazami-rossijan (дата обращения: 17.04.2024)

[158] Опрос проведен международной группой, специализирующейся на онлайн исследованиях – Yougov.

[159] Составлено автором на основе исследования: сравнение уровня престижности профессии «врач» и «ученый» по странам,с.15 [Электронный ресурс]//Исследование международной группы Yougov: URL: https://today.yougov.com/economy/articles/33995-international-profession-perception-poll-data (дата обращения: 18.04.2023)

[160] Стратегия научно-технологического развития РФ [Электронный ресурс]// Официальное опубликование правовых актов:URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003 (дата обращения: 18.02.2025)

С другой стороны, понимание данной культуры позволит разработать научный трек университетских программ академического развития[161], которые, по мнению некоторых респондентов проведенных интервью, должны быть дифференцированы в зависимости от будущей траектории студента-выпускника:

> Я вижу, что проблема состоит в том, что фундаментальная подготовка студента должна будет учитывать его дальнейшую траекторию. То есть должна быть какая-то дифференциация в рамках подготовки студентов, которые выберут в дальнейшем карьеру научного исследователя (теоретика) или которые ее не выберут (практики). (*Профессор, 66 лет, стаж преподавательской деятельности 37 лет*)

Таким образом, описанные изменения характеристики неформальной среды в виде особенностей формирования идентичности вузов, поведенческих паттернов студентов позволяют по-новому взглянуть на существующую неформальную среду в вузах, которая обусловлена как формальными изменениями, происходящими в данной среде, так и социальными, культурными факторами, которые в совокупности позволяют оценить данную среду как сложную систему взаимодействия внутренних и внешних акторов, колебание уровня доверия которых может влиять на возникновение стимулов к оппортунистическому поведению и, как следствие, к появлению институциональных ловушек. Институт эффективного контракта как инструмент упорядочения существующей системы стимулов связывает оплату труда работников системы образования со степенью достижения количественных показателей результативности и был введен в рамках идеи совершенствования заработков работников бюджетной сферы[162]. Использование данного инструмента предполагает наблюдаемость и возможность измеримости результативности работы вышеуказанных работников, что ввиду рассогласованности мотивов основных акторов и комплексности предоставляемого блага может приводить к устойчивой (во времени)

[161] Амбарова, П. А. и др. Научно-исследовательская культура студентов российских университетов // Высшее образование в России.2023. Т. 32, № 7.С. 98.

[162] Балацкий Е. В. Институт эффективного контракта в науке: проблемы и решения //Управление наукой и наукометрия. 2017. №. 3 (25). С. 35-60.

рассогласованности норм академической среды и формальных норм, влияющей на возникновение институциональных ловушек.

3.2 Институциональные ловушки и дисфункции в системе высшего образования и науки

Существование института эффективного контракта напрямую связано с описанными выше механизмами нового менеджеризма в государственном секторе,[163] в рамках которых происходит реформирование системы образования и науки. На практике их применение сопровождается ростом бюрократизации и управленческих издержек, которые большей частью перекладываются на основных акторов системы (преподавателей). Важно отметить, что рост бюрократизации в данном контексте является механизмом, препятствующим переходу к эффективному контракту ввиду роста издержек (в т. ч. временных) соблюдения правил, связанных подготовкой отчетности самими преподавателями – в связи с чем стимулирующая функция эффективного контракта фактически замещается фактом повышением нагрузки на преподавателей.

Иными словами «время преподавателя тратится не на продуктивный процесс повышения качества образования, а на создание документов, подтверждающих факт протекания процесса» (*интервью, 2025 г., профессор, доктор экономических наук*). В рамках гранта РФФИ № 18-010-00581 «Институциональные ловушки оптимизации сферы образования и науки» были выявлены следующие институциональные ловушки в системе высшего образования:

Ловушка метрик: количественное измерение качественных характеристик приводит не только к ограничениям в измерении этих характеристик, но и потенциально, может привести к искажению оценки результатов образовательной и научной деятельности. Критерии, по которым происходит, оценка преподавателей в рамках эффективного контракта не всегда соответствуют

[163] Вольчик В. В. и др. Политика нового менеджмента в государственном секторе как продолжение идеологи неолиберализма //Управленец. 2024. Т. 15. №. 6. С. 4.

нарративам акторов академической среды, по-своему определяющих роль преподавателя.

Назначение метрик тесно связано с возможностью оценить степень достижения поставленной цели путем сравнения показателя с таким же показателем в динамике в рамках одной организации (для понимания степени прогресса) или путем сравнения с такими же показателями других организаций. В случае с рыночными организациями никаких противоречий не возникает, так как изначально данная организация создавалась для функционирования в конкурентной среде, в которой существуют общепринятые показатели успеха в виде суммы прибыли, рентабельности, денежных потоков и др. и достижение запланированных предпринимателем целей обычно связано с достижением данных показателей. Данная связь объясняется тем, что другие экономические агенты в процессе принятия решения о взаимодействии с данной организацией в форме предоставления выгодных условий кредитования, внешнего инвестирования и т.д. заинтересованы не только в высоких уровнях данных показателей, но и в соответствии данных показателей, достигнутых по итогам периода организацией, реальному положению дел. Для соблюдения данного соответствия организации потенциально способные к привлечению больших объемов финансирования из-за собственных больших объемов активов, согласно законодательству, подлежат обязательному ежегодному аудиту (проверке) внешними аудиторскими организациями, чье заключение является способом снижения асимметрии информации и повышения доверия к данной организации для будущих взаимоотношений с ней. Таким образом, для частной организации метрики являются залогом повышения данных метрик в будущем, что закрепляет (эффект lock-in со знаком плюс) их важную роль в деятельности организации.

Более того, данная связь закрепляется также в согласованности целей организации и сотрудников данной организации, финансовые преимущества которых зависят от достижения поставленных метрик самой организацией.

Для организаций, функционирующих в нерыночной среде, ситуация с метриками несколько иная. В данной среде метрики, согласно логике нового

менеджеризма, должны стать критериями оценки той квазирыночной среды, которая создается в области распределения государственных ресурсов и привлечения частных, а также настраивают систему стимулов деятельности, ориентированных на повышение качества производимых образовательных услуг при эффективном использовании государственных средств. Но на практике, внедрение таких механизмов не привело к ожидаемым результатам – повышению качества образования[164], что может быть связано в т.ч. со следующими причинами:

Во-первых, это связано с наличием возможности разнонаправленности интересов членов данной организации: члены бюрократической организации должны «соблюдать правила и предписания, независимо от того, разумны ли они или могут привести к результатам, противоположным тому, что было задумано»[165].

Во-вторых, важным отличием коммерческих организаций от некоммерческих является отсутствие нацеленности на получение прибыли – показателя, являющегося естественным и универсальным критерием эффективности. В связи с этим возникает вопрос, как эту эффективность можно оценить. Некоммерческая организация также функционирует в условиях большого количества стейкхолдеров (заинтересованных лиц), но в данном случае, их заинтересованность не заключается в достижении только количественных показателей, а значит, здесь значительно больше пространства для вариативности целей, приписываемых данной организации. Сложность заключается еще и в том, что эти цели задаются не только самой организацией, но ставятся еще и государством, обществом (что не всегда согласовано) и более того, они еще могут меняться во времени в зависимости от большого количества внешних факторов, с которыми сталкивается государство во внутренней и внешней политике, от тенденций, существующих в обществе (их запросов, стимулов, мотиваций). Система образования, как яркий пример некоммерческой организации все больше становится объектом проявления интереса со стороны всех вышеперечисленных

[164] Курбатова М. В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия //Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. №. 4. С. 59-86.
[165] Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность: М //Дело. 1993. С. 113.

стейкхолдеров ввиду мировой тенденции борьбы за интеллектуальные ресурсы. Система образования является комплексным институтом, удовлетворяющим самые различные потребности, так как является площадкой развития человеческого капитала, от качества которого зависят успех государства в глобальной конкуренции с другими государствами, успех тех же частных организаций в достижении поставленных ими целей, для общества – формирования более безопасной социальной среды и др. Различие целей приводит, соответственно, к сложности оценивания степени их достижения – это демонстрирует то большое количество факторов, которые необходимо учесть регулятору системы образования (Министерству образования и науки РФ) в процессе реформирования:

1. соответствие деятельности образовательной организации законодательству РФ в области образования;
2. кадровое обеспечение образовательного процесса;
3. обеспечение качества обучения и воспитания;
4. обеспечение доступности качественного образования;
5. создание условий для внеурочной деятельности и дополнительного образования;
6. эффективное использование современных образовательных технологий в образовательном процессе;
7. реализация программы развития образовательной организации;
8. создание условий для сохранения здоровья обучающихся;
9. обеспечение комплексной безопасности и охраны труда в образовательной организации;
10. создание системы государственно-общественного управления образовательной организации»[166].

Дополнительно следует отметить цель в виде обеспечения практикоориентированности высшей системы образования и науки, которая была отмечена в ходе интервью с В.Н. Фальковым, как одно из наиболее важных

[166] Еремина О. Ю. Эффективность деятельности образовательной организации: критерии, показатели, прогнозы //Журнал российского права. 2015. №. 10 (226). С. 77.

направлений в текущем процессе реформирования. Ввиду большого количества целей своей деятельности, у акторов данной системы не всегда согласованы поставленные сверху глобальные и достаточно формальные цели с их интересами, что может привести к последующему разрушению системы стимулов.

Несмотря на вышеперечисленные особенности функционирования системы образования, ставящие под сомнение повсеместное использование метрик, в целях контроля степени соблюдения образовательной организацией поставленных целей данные количественные показатели активно применяются. Но существующее сомнение в их эффективности и наличие факторов закрепления данных подходов контроля в виде лавинообразного роста объемов данных, для анализа которых необходимы метрики, послужило основой предположения о существовании ловушки метрик.

Одним из первых проявлений ловушки метрик в системе образования можно считать предложенный в 1862 году членом Британского парламента Роберта Лоу новый способ выявления объектов финансирования среди школ, основанный на поощрении за результат[167]. В качестве измеряемого результата был предложен уровень знания учеников по двум предметам – английскому языку и арифметике. Такая постановка вопроса уже заранее предопределяет поведенческие установки акторов и сдвигает их в сторону достижения показателей за счет потери в качестве тех параметров, которые не попали в периметр оценки. «Фиксация на количественных показателях создает иллюзию контроля и управления без достаточного внимания к неформализуемым характеристикам деятельности организации»[168].

Существующий уровень доверия в среде (который влияет, в том числе на выбор используемых норм (жестких правил или стандартов, интенции к оппортунистическому поведению)) приводит к тому, что разработчики научно-обоснованной научной политики неизбежно сталкиваются с разрушительным

[167] Muller J. The tyranny of metrics. – Princeton University Press, 2018.c.29
[168] Вольчик В. В., Маслюкова Е. В. Ловушка метрик или почему недооценивается неявное знание в процессе регулирования сферы образования и науки //Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10. №. 3. С. 174.

адаптивным поведением акторов, если не учитывают институциональных ограничений, присущих специфической сфере образования и науки[169] . Создание жестких правил в виде необходимости достижения метрик в противовес повышению уровня доверия экспертному сообществу (в терминах Канемана) в системе образования может привести к тому, что, например, научные статьи будут публиковаться не для целей развития науки (оценка нового исследования наиболее объективно может оцениваться только коллегами данного автора по направлению научной деятельности, а не путем достижения определенного индекса цитируемости – второе должно являться следствием успеха в экспертном сообществе, но не служить индикатором этого успеха), а для выполнения показателя для конкурсного переизбрания. В условиях ловушки метрик преподавателя и ученого характеризует не содержание научных работ, а различные индексы цитирования[170].

Механизм ловушки метрик связан с наличием противоречий между формальными нормами, связанными с использованием количественных показателей оценки деятельности преподавателей, влияющих на размер оплаты труда и неформальными установками акторов в академической среде, в рамках которых качество работы преподавателя, ученого оценивает профессиональное сообщество коллег. В результате, акторы, вынужденные следовать формальной норме, добиваются выполнения показателя без содержательного результата, что приводит к искажению этих самых оценок результатов образовательной и научной деятельности и, соответственно, к искажению понимания функционирования оцениваемых процессов. В рамках гранта РФФИ № 18-010-00581 «Институциональные ловушки оптимизации сферы образования и науки» проведенное нами исследование позволило эмпирически подтвердить описанный механизм действия данной ловушки – он прослеживается в глубинных интервью и фокус-группах, проведенных с преподавателями вузов, а также в нарративах

[169] Тамбовцев В. Л. О научной обоснованности научной политики в РФ //Вопросы экономики. 2018. №. 2. С. 5-32.
[170] Тульчинский Г. Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе //Философские науки. 2017. №. 6. С. 133.

акторов системы образования[171]. «Исследование нарративов является ценным, так как позволяет провести качественный анализ институтов, в частности, выявить следуют ли акторы институтам либо не следуют, а также определить причины такого поведения»[172]. Данные нарративы являются важным источником информации о действующих в академической среде неформальных нормах, влияющих на эффективность проводимых реформ (достижения данными реформами поставленных целей).

Проявление существования ловушки метрик идентифицировалось в каждом из 3-х видов проведенного качественного исследования и не теряло своей актуальности на протяжении периода с 2010 до 2025 гг., когда было проведено крайнее исследование в виде глубинных интервью.

Рассмотрим несколько высказываний, ярко иллюстрирующих позиции преподавателей и ученых относительно проблем, связанных с феноменом, который мы характеризуем как институциональную ловушку метрик:

«*Зачастую здравый смысл подменяется формальными, труднообъяснимыми требованиями инструкций. Так, к примеру, в соответствии с инструктивными документами «Учебно-методический комплекс» или близкая по содержанию, но уже отличающаяся по форме «Рабочая программа дисциплины» не будут утверждены, если в списке основной литературы присутствуют учебники, изданные более 5 лет назад. Бессмысленно доказывать, что за последние полвека не создано ничего более основательного, чем, к примеру, фейнмановские лекции по физике, «Основы общей химии» Б. В. Некрасова или «Физическая химия» П. Эткинса. Бессмысленно ссылаться на опыт ведущих зарубежных университетов. У нас, в реформируемой Высшей школе России, качество преподавания оценивается исключительно по степени «свежести» используемой учебной*

[171] В рамках гранта проведено 20 глубинных интервью (с целью исследования степени устойчивости данной и последующих 5 ловушек спустя 6 лет было проведено дополнительно 16 глубинных интервью), 3 фокус-группы с непосредственными участниками образовательного процесса – преподавателями вузов, а также анализ существующих нарративов (через анализ текстов статей информационного ресурса «Интегрум» за период с 2010 по 2018 гг.)

[172] Жук А. А. Институциональные ловушки в сфере высшего образования //Russian Journal of Economics and Law. 2018. №. 4 (48). С. 793.

литературы, а «эффективность» вуза – по количеству квадратных метров на студента» (Нечаев, 2013, статья из информационной базы Интегрум).

*«Безусловно, я думаю уже всем давно понятно, что полного описания количественными некоторыми индикаторами таких сложных и многомерных процессов как образовательная деятельность достичь не удастся. Безусловно, часть из них может выполнять некоторую вспомогательную роль для формирования оценки, но оценка должна всегда носить экспертный характер. Количественное усредненное некоторое число никогда не сможет верно отобразить весь характер деятельности в этих сложных областях. В этом плане мне кажется, что абсолютизация индикатора наносит огромный вред хотя бы тем, что она транслируется сверху и во многом снизу трактуется совершенно неправильно. И наносит еще больший вред всей системе образования и научной деятельности в России.» (*фокус-группа 2020 год, доцент, доктор химических наук, 56 лет)

Если преподаватель не захочет этого, здесь собственных стимулов у него не будет, то итогом будет профанация оцениваемой данными показателями деятельности, потому что при производстве продукции с количественно-качественными признаками всегда можно обеспечить любой количественный показатель за счет ненаблюдаемых видов деятельности. (интервью 2025 год, профессор, 45 лет, стаж преподавательской деятельности 20 лет).

Данные ограничения использования метрик не являются присущими только системе образования, а, в целом, наблюдаемые изменения в виде развития информационных технологий, увеличения количества и скорости деперсонализированных обменов способствуют усложнению существующих производственных процессов и выдвигают на первый план командные способы работы, в рамках которых действуют законы сотрудничества, а не конкуренции. И если в данной деятельности используются метрики, по своей сути не согласованные с происходящими изменениями, то как уже было отмечено выше, в рамках все большего усложнения производственных процессов они окажутся не в

состоянии обеспечить справедливую и объективную оценку успеха или неуспеха какого-либо действия в долгосрочной перспективе.

Ловушка бюрократизации: Рост бюрократизации помимо того, что является механизмом, препятствующим переходу к эффективному контракту также, ввиду самоподдерживающегося характера, сам приобретает статус институциональной ловушки. Данная ловушка тесно связана с ловушкой метрик, так как также обусловлена проявлением контроля в виде большого количества как показателей, так и отчетов, отражающих исполнение данных показателей. Механизм ловушки заключается в следующем – рост степени контроля (в котором есть заинтересованность у законодательных органов) приводит к возрастанию уровня документооборота, основанного на показателях результативности и эффективности, что в свою очередь требует увеличения количества сотрудников для обработки данных документов и что далее по спирали будет предъявлять спрос на новые формы отчетности.

И так же, как и с ловушкой метрик одной из причин появления ловушки бюрократизации является сделанный выбор в пользу регулирования вместо повышения уровня доверия. Механизм самоподдержания данной ловушки тесно связан с категорией «доверие», а точнее – «недоверие рождает недоверие»: высокий уровень требуемой подотчетности может восприниматься как демонстрация недоверия с одной стороны, а с другой стороны, постоянные изменения требований к данной отчетности формирует ответное недоверие к очередным новшествам, которые все равно в скором времени будут заменены другими.

«Административная нагрузка на преподавателей, различные системы контроля их деятельности за последние десятилетия были настолько разнообразны и широки по охвату, что любое административное вмешательство, внимание к процессу обучения воспринимается негативно»[173]. Если институциональная

[173] Рогозин, Д., Солодовникова, О. Зум и безумие в высшей школе. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, onto: Edward Elgar Publishing, 2023. С.14

инерция и бюрократия, в частности, преобладают в модели администрирования вузом, то, это может тормозить процесс внедрения инноваций, который требует гибкого реагирования на все ускоряющиеся темпы изменений.

В ходе проведения исследования уровня бюрократизации системы высшего образования в период с 2019–2025 гг. отмечены следующие наблюдения:

1. Высокий уровень бюрократизации приводит к отвлечению внимания от основного вида деятельности и неэффективному использованию рабочего времени: «*Много всякой бюрократии, на какие-то незначительные мероприятия бросают много сил. Так, например, приходит приказ - нужно на такое-то мероприятие. Незначительная, можно сказать, формальная выставка, она внезапно приходит, срочно надо готовиться. Все бросают и срочно готовятся к этой выставке. А она такого значения не имеет. То есть, нерациональное использование сил*» (2020 год, интервью, младший научный сотрудник, 29 лет).

   Более того постоянные изменения требований к форме и содержанию отчетных документов приводят к еще большему снижению уровня доверия в университетской среде:

   «*Постоянно происходят какие-то усовершенствования, усложнения. Мы уже запутались просто. Те же самые компетенции можно так написать, чтобы подошло под актуальные на данный момент требования. Ну, собственно, все так и делают. Огромную кучу времени тратят на формулировку так, чтобы туда все подошло. И нужно что-то с этим делать. Вот эта рутинная работа: расписывать компетентностную модель, потом какие-то единицы, потом какие-то показатели. Потом пришло письмо о том, что нужно переписать все тестовые задания по всем дисциплинам так, чтобы были и закрытые тесты, и открытые тесты. И вот мы сидели и кучу времени тратили на то, чтобы перерабатывать все тестовые задания. Вот скажите, зачем это нужно было? Это вот наша правовая ловушка. Правовая в чем? Правовая, в смысле формирования*

нормативно-правовых актов, в нашем Министерстве науки и высшего образования. Мы бы лучше действительно еще статью написали, если уж сравнивать. Поэтому, исходя из того, что иногда мы получаем в качестве нормативно-правовых документов и формируется недоверие к реформам в образовании. (2025 год, интервью, профессор, доктор экономических наук).

2. Привлечение на управляющие должности менеджеров, которые не понимают специфику той сферы, которой они должны управлять:
   «*Вы понимаете, бюрократы могут написать прекрасные инструкции, но поставить чиновника менеджером, который совершенно не понимает специфику, да, он прекрасный управленец, но содержания главного не будет. И у нас очень часто это происходит и это самая-самая большая ловушка*». (2020 год, фокус-группа, доцент, кандидат педагогических наук)
3. Проблема несвоевременной коммуникации из-за высокой скорости проводимых изменений:
   «*Момент, на который я бы хотела обратить внимание, — это сроки. У нас проблема в коммуникации, к нам приходит приказ, который был подписан месяц назад. На кафедру он только сейчас каким-то образом доходит. И это не проблема цифровизации, это проблема в том, что у нас многие приказы выходят задним числом. И еще вторая проблема с бюрократизацией — это проблема сроков в плане того, что все нужно было сделать вчера. И почему все происходит в последний момент, только по нашему менталитету российского человека, но по тому, что за то время, пока от нас что-то требуют, несколько раз изменились эти требования*». (2020 год, фокус-группа, доцент, кандидат экономических наук)
4. Растущий объем документооборота неизбежно будет способствовать повышению количества сотрудников в государственном аппарате, которые будут данные отчеты обрабатывать и проверять: (*мы хронически переносим практику, где письменная фиксация чего бы то ни было является главным критерием. А кто будет проверять письменную фиксацию, естественно, уполномоченный на то бюрократ, сотрудник и, естественно,*

количественный рост в таких условиях неизбежен, и он будет продолжаться (фокус-группа, 2020 год, доцент, кандидат исторических наук.).

В качестве мер снижения негативного влияния данной ловушки на преподавательскую деятельности респондентами предлагались такие решения, как:

1. Делегирование функционала, связанного с бюрократической нагрузкой преподавателя *(Необходимо в штате своих структурных подразделений находить определенных людей, которые будут этим просто заниматься, то есть освобождать их от другой нагрузки, чтобы они занимались качественно документооборотом, потому что он будет расти безусловно (фокус-группа 2020 год, профессор доктор экономических наук);*
2. Унификация существующего документооборота, что сделает его более предсказуемым;
3. Сокращение количества форм отчетности и упрощение порядка их заполнения;
4. Внедрение электронного документооборота для ускорения всех этапов создания, подготовки и отправки документации в необходимые инстанции.

Предположение о сокращении времени на создание и подготовку отчетных документов благодаря внедрению электронного документооборота звучало в каждой из трех проведенных в 2020 году фокус-групп. С целью проверки реального влияния процесса цифровизации на данный процесс респондентам спустя 6 лет в ходе проведения в 2025 году глубинным интервью был задан вопрос относительно их внутренней оценки уровня бюрократической нагрузки преподавателей в предложенной шкале от 1 (крайне низкий уровень бюрократической нагрузки) до 10 (крайне высокий уровень бюрократической нагрузки). Результаты ответов показали, что данная оценка достаточно вариативна и зависит от выстроенной системы электронного документооборота в вузе и колеблется от 3 до 7. В вузах с развитой системой электронного документооборота чаще отмечали более низкую оценку уровня бюрократической нагрузки, что частично подтверждает

прозвучавший тезис о положительном влиянии цифровизации 6 лет назад, когда ЭДО только начинало внедряться в вузах:

> В последнее время больше вводят именно электронного документооборота. Большое количество, скажем, тех же "записок" можно уже отправлять в электронном виде, не нужно их хотя бы подписывать. То есть, в целом, тенденция, мне кажется, положительная, становится проще. (*Доцент, 36 лет, стаж преподавательской деятельности 6 лет*)

При этом некоторые респонденты на вопрос о динамике данного документооборота за период преподавательского стажа, напротив отмечали повышение документооборота в вузе:

> Динамика документооборота с годами повысилась и повысилась значительно. Но при этом, появились технические возможности эту всю махину документов как-то системно обрабатывать, систематизировать и какие-то делать соответствующие выводы. (*Доцент, 70 лет, стаж преподавательской деятельности 41 год*)

Данное повышение может быть связано со следующей закономерностью – внедрение новых технологий по обработке документооборота приводит к снижению издержек сбора и обработки количественных показателей, что в свою очередь будет закреплять больше метрик (и соответственно, новых форм отчетности) для оценки и регулирования деятельности в академической среде. На основании отмеченных нарративов относительно ловушки бюрократизации можно выделить ту неформальную норму, которая конкурирует с увеличившейся административной нагрузкой на преподавателей – сложившееся в академической среде представление о содержании деятельности преподавателя/ученого, которое никак не связано с необходимостью поддерживать возрастающий объем документооборота.

Ловушка цифровизации: Данная ловушка состоит в том, что цифровые технологии парадоксальным образом не всегда упрощают документооборот, а создают дополнительные формы отчетности (наряду с сохранением старых) в электронном виде[174]. Помимо влияния на документооборот важным вопросом в

[174] Вольчик В. В., Маслюкова Е. В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования

рамках процесса цифровизации является увеличение доли дистанционных занятий, что особенно получило свое распространение ввиду пандемии ковида. Данное изменение формата проводимых занятий приводит к исключению из образовательного процесса непосредственного контакта преподавателя со студентом, не учитывая проблему создания и передачи неявных знаний в процессе обучения. Проводимые так раз во время пандемии онлайн фокус-группы позволили выявить следующие негативные эффекты процесса цифровизации:

1. Первый риск распространения дистанционного образования, который отмечали практически все респонденты – это снижение качества образования, которое связано, с одной стороны, с психологическими особенностями такими как: «*снижение мотивации, внимания у студентов ввиду отсутствия контекста, среды в виде университета*», с другой стороны с социальными особенностями дистанционной коммуникации в форме невозможности контроля посещаемости, честности при прохождении тестовых и иных проверочных мероприятий, получения обратной связи. Особенно явно данные проблемы проявляются при обучении иностранных студентов, которым ввиду языкового барьера сложно обучаться в очном формате, не говоря уже об онлайн формате. Более того, отмечалось, что не все дисциплины могут эффективно преподаваться в дистанционном формате ввиду необходимости проведения практических работ в виде экспериментов, например.
2. Эмоциональные и психологические аспекты, которые заключаются в *«размывании границ между личным и рабочим временем, непрерывном потоке сообщений и коммуникации, а также в недостатке личного, эмоционально насыщенного общения, что не дает человеку развиваться»* (профессор, доктор педагогических наук). Также отмечались потенциальные проблемы в области решения такой важной задачи вуза (помимо передачи

и науки //Terra Economicus. 2019. Т. 17. №. 2. С. 155.

знаний), как социализации студента, предоставления возможности общения со своими будущими коллегами, развитию своих социальных навыков.

3. Повышение загрузки: несмотря на парадоксальность данного утверждения респонденты в ходе проведения фокус-групп отмечали, что с внедрением дистанционного образования загрузка преподавателей и студентов возросла: *«Как только вуз перешел на дистанционную форму обучения, мы провели мини-исследование в виде опроса студентов первого-второго курса. И один из вопросов студентам был связан с экономией времени, ответ на который сначала был для меня загадкой (ведь не нужно ездить в университет, вот буквально с кровати встали и уже на занятиях), но потом они всё это объяснили. Они сказали, что это, наверно, просто психологическое восприятие всего происходящего, что стерлась грань между образовательным процессом и жизнью. И они, получается, в режиме цейтнот постоянно у компьютера: то читают, то слушают, то выполняют задания, и это до самого вечера. То есть получается, что никакой экономии времени у них не произошло, а, напротив, появилось еще больше загрузки».* (доцент, кандидат экономических наук)

Помимо негативного влияния цифровизации в виде внедрения дистанционного образования отмечались и положительные стороны данного процесса *(при условии соблюдения необходимого баланса очных и онлайн занятий*) такие как: возможность присутствовать на лекциях известных в своей области преподавателей, удобный формат получения микроквалификаций, дополнительных к основному образованию знаний, возможность оперативной связи со студентами, например в форме консультаций перед экзаменами. Результаты проведенного исследования в рамках гранта в период 2019-2021 гг. коррелируют с результатами других исследований в области отношения акторов системы высшего образования к цифровым реформам, в частности, с исследованием, проведенным Командой Центра полевых исследований ИНСАП РАНХиГС. Данное исследование заключалось в проведении за период с 2020 г. 5 волн опроса преподавателей. Последняя 5-я волна исследований проводилась в мае

2022 г. и именно в эту волну количество преподавателей, полностью отказавшихся от дистанционных методов обучения выросло с 3% (в 2021 году) до 28% в 2022 году. Данная тенденция говорит о том, что переход к цифровым методам обучения был скорее вынужденной мерой во время эпидемиологических ограничений. Отмечается, что для дальнейшего развития гибридных форматов обучения необходимо наличие регулирования, создания стандартов работы в дистанционном режиме, которые, по мнению, респондентов, на данный момент, отсутствуют. Более того, для поддержки программ смешанного обучения необходима хорошо развитая цифровая инфраструктура, которая требует появления специализированных центров гибридного обучения, IT отделов для поддержания оцифрованных библиотек, мультимедийных ресурсов[175]. Необходима поддержка преподавателей по части ввода программ переподготовки преподавателей в области создания, редизайна программ. Также важную роль начнут играть гибкие расписания, которые позволят учесть разнонаправленные предпочтения как студентов, так и преподавателей в области выбора метода обучения – предпочтительное соотношение аудиторных и дистанционных часов, методы оценивания, оперативное предоставление аудиторий и др. Таким образом, для поддержания модели, которая будет ориентирована на гибкость образовательного процесса вузу необходимо будет использовать различные подходы к обучению, постоянно поддерживая необходимый баланс и быстро реагируя на появляющиеся изменения в области планирования и реализации образовательного процесса.

Эффективность внедрения цифровых технологий, как и любых изменений сильно зависит от степени принятия основными акторами (преподавателями, студентами) данных изменений. В ином случае, возникает противоречие формальных и неформальных норм, которое будет приводить либо к полному отрицанию проводимых реформ, и, соответственно, к появлению оппортунистического поведения либо к созданию промежуточных институтов, которые лишь частично соответствуют первоначальным.

[175] Рогозин, Д., Солодовникова, О. Зум и безумие в высшей школе. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, onto: Edward Elgar Publishing, 2023. С.99

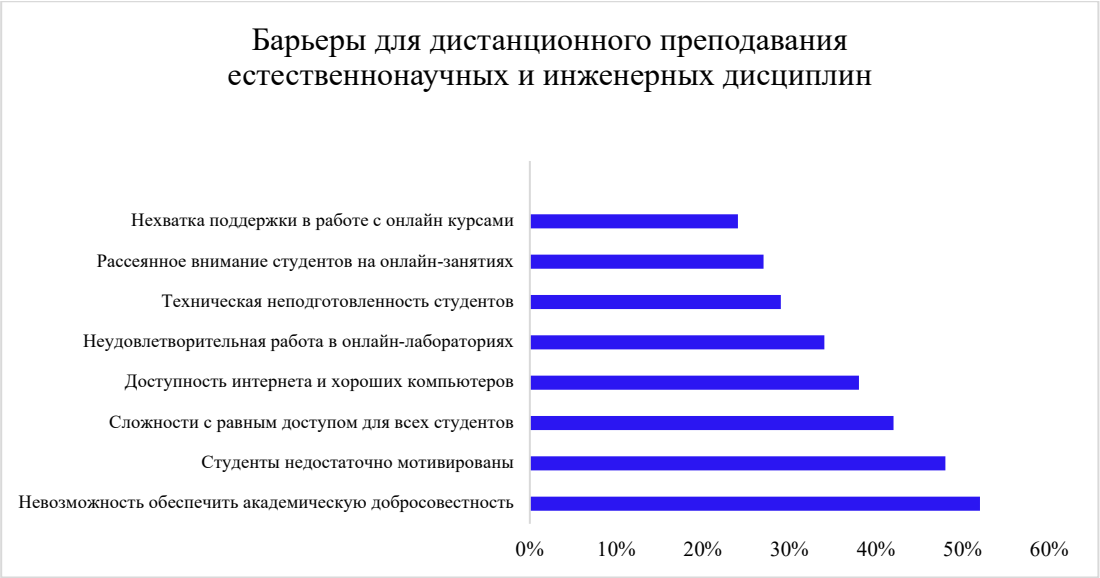


Рисунок 10: Барьеры для дистанционного преподавания естественнонаучных и инженерных дисциплин[176]

Важным аргументом, поддерживающим возможное снижение эффективности образовательного процесса в результате внедрения дистанционных методов обучения, является необходимость преподавателя быстро и гибко реагировать на запросы студентов, что приводит к стиранию границ между преподаванием и научной деятельностью, между рабочими часами и отдыхом. Данная проблема характерна не только для системы образования, но и для всех других областей деятельности, где дистанционные методы работы стали возможными. Поэтому в рамках гибридного формата обучения необходимо четкое распределение ролей и ответственности между участниками образовательного процесса, что является задачей администрации вуза. В качестве примера распределения обязанностей является появление новых участников образовательного процесса – тьюторов, в задачи которых входит активное взаимодействие со студентами и постоянное взаимодействие с преподавателем для улучшения обратной связи, предоставляемой студентам. Тьютор – это промежуточный этап между преподавателем, который разрабатывает и улучшает материалы курса и студентами. Это помогает снять часть нагрузки, возникающей в

[176] Рогозин, Д., Солодовникова, О. Зум и безумие в высшей школе. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, onto: Edward Elgar Publishing, 2023. С.109

процессе цифровизации процесса обучения, и позволит проявить положительные стороны цифровизации образовательного процесса, которая изначально была призвана облегчить образовательный процесс, а не усложнить его.

Результаты проведенных в 2025 году глубинных интервью схожи с результатами более ранних исследований в части отношения преподавателей к дистанционному обучению, но при этом, из-за снижения доли дистанционных занятий в постковидное время оценки респондентов стали менее критичными:

Все 16 респондентов отметили, что доля дистанционного образования за последние 5 лет сократилась, большая часть занятий ведется в очном формате, но при этом, дистанционный формат сохранился при проведении консультаций со студентами и иных формах взаимодействия, которые не теряют в качестве при переводе в дистант, а напротив, позволяют гибко отвечать на запросы студентов. При этом, все респонденты отметили, что дистанционные занятия в форме лекций и семинаров, которые были распространены во время ковида не способствуют качеству обучения, особенно ярко и критично это может быть для студентов, например, медицинского факультета: «*Многое изменилось, конечно. Вот эти вот последствия онлайн обучения, прихода ковида. И вот сейчас к нам пришло поколение, которое на первых курсах проходило обучение в онлайн режиме. Они вообще потерянные. Они не знают вообще, как зайти, как сказать, как стать. Они все это в интернете, в компьютере видели. А реального больного перед собой на четвертом курсе они увидели первый раз. Конечно, им трудно. Это понимать нужно, что им трудно, и чтобы это преодолеть мы стараемся вовлекать их не просто в формат «сдай экзамен, получи оценку и все», а в живое общение с преподавателем по теме предмета и студентам это очень нравится, они чувствуют себя нужными».* (доцент, кандидат медицинских наук). Сложившееся в академической среде понимание большей эффективности именно очного взаимодействия со студентами и используемые в данном контексте способы поддержания вовлеченности студентов, контроля за успеваемостью и помощи в социализации студентам формируют неформальные нормы, которые в данном

случае конкурируют с повышением доли дистанционного обучения и требуют обновления привычных практик в соответствии с новым форматом.

Дефицит финансирования: рассмотренные выше ловушки метрик, бюрократизации и цифровизации основаны на рассогласованности формальных и неформальных норм, при которой акторы вынуждены выбирать между ними в рамках своей деятельности. Описанные ниже проблемы системы высшего образования (дефицит финансирования, сокращение кадрового потенциала и снижение качества образования) такого выбора не предполагают и могут быть описаны с позиции дисфункции – нарушения выполнения институтом своих функций. Основными функциями системы высшего образования являются – формирование человеческого капитала через передачу знаний (в т.ч. неявного), производство нового знания и воспроизводство академического сообщества для обеспечения преемственности научных школ. Рассмотренная ниже проблема дефицита финансирования негативно влияет на выполнение всех 3-х вышеперечисленных функций в связи с чем показатели финансирования являются одними из ключевых характеристик состояния системы образования и в рамках международных исследований.

Так рамках проводимых ежегодных международных исследований функционирования системы образования в различных странах (например, по странам ОЭСР) в качестве важнейших индикаторов состояния данной системы используются такие показатели, как:

1. Расходы на одного студента и количество студентов, приходящееся на одного преподавателя. При этом, отмечается, что более высокие расходы на одного студента в сочетании с более низким соотношением числа студентов и преподавательского состава могут свидетельствовать о более значительных инвестициях в развитие индивидуального подхода в процессе обучения.
2. Расходы на заработную плату сотрудникам образовательных учреждений. Согласно методике ОЭСР данные расходы включают в себя заработную плату, пенсии и другие выплаты, получаемые преподавательским и не

преподавательским составом, и представляют собой самую крупную категорию расходов в бюджетах на образование во всех странах ОЭСР ввиду того, что привлечение и удержание высококвалифицированных специалистов в сфере образования требует конкурентоспособной заработной платы[177].

По первому показателю стоит отметить, что в России сохраняется исторически более высокий показатель соотношения числа студентов и преподавательского состава по сравнению с другими странами, входящих в периметр исследования ОЭСР: 19 студентов приходится на одного преподавателя высшей школы в России, в то время как средний показатель по странам ОЭСР составляет 16 студентов (см. рис. 11 ниже).

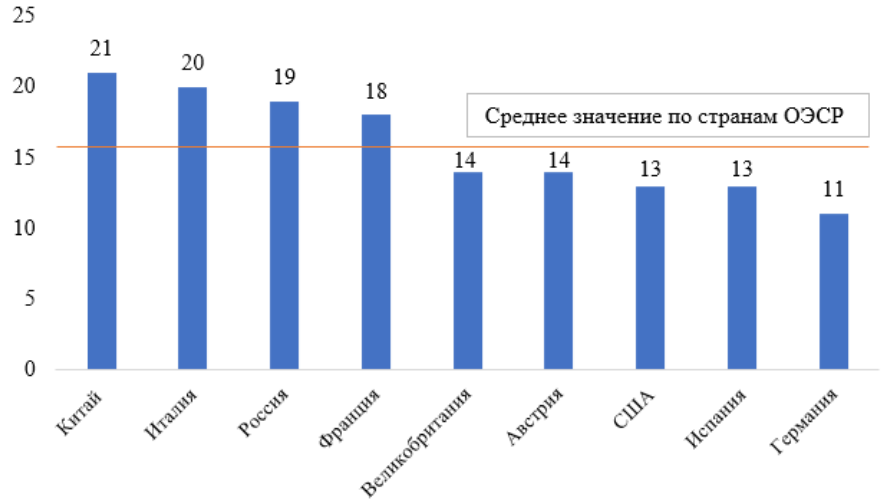


Рисунок 11 – Показатель соотношения числа студентов и преподавательского состава[178]

По второму показателю: согласно данным Росстата по средней заработной плате работников по профессиональным группам и категориям персонала, сформированных по материалам единовременных выборочных обследований – в

[177] OECD indicators [Электронный ресурс]//Education at a glance 2023. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2023_e13bef63-en/full-report/how-much-is-spent-per-student-on-educational-institutions_7bd34293.html (дата обращения: 05.05.2024)

[178] Рисунок составлен автором по данным: Показатель соотношения числа студентов и преподавательского состава [Электронный ресурс]//сборник Education at a glance 2024 OECD, с.370. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2024_c00cad36-en.html (дата обращения: 05.02.2025) и по данным: Образование в цифрах [Электронный ресурс]//статистический сборник ВШЭ, с.13-15. – URL: https://issek.hse.ru/news/969714262.html (дата обращения: 06.02.2025)

октябре 2023 г. средняя заработная плата работников сферы образования была наименьшей среди представленных профессиональных групп.

Рисунок 12 - Сведения о заработной плате работников в организациях по профессиональным группам за октябрь 2023 г.[179]

Согласно Московскому международному рейтингу вузов по показателю «объем финансирования» российские вузы из года в год (рейтинг проводится с 2017 г.) демонстрируют отставание от зарубежных ведущих университетов: на одного студента в России приходится в 4,5 раза меньше средств, чем в США и в полтора раза меньше, чем в Японии[180] (Рейтинг 3 миссии университета, с. 6).

Вышеперечисленные статистические данные подтвердились в процессе изучения существующих нарративов среди профессорско-преподавательского состава: в ходе проведенных на протяжении последних 6 лет исследований

[179] Рисунок составлен автором по данным: сведения о заработной плате работников в организациях по профессиональным группам за октябрь 2023 г. [Электронный ресурс]// статистический сборник Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671 (дата обращения: 13.10.2024)

[180] Рейтинг 3 миссии университета [Электронный ресурс]//глобальный рейтинг. – URL: https://mosiur.org/ranking-all/ (дата обращения: 29.01.2025).

(проведение фокус-групп, глубинных интервью) респонденты отмечали следующее:

1. Дефицит финансирования тесно связан с наличием конфликта между рыночными критериями оценки вузов и критериями оценивания, вытекающими из принадлежности вузов к общественному сектору[181].
2. Низкий и нестабильный уровень финансирования научных исследований, достаточно длительный процесс согласования закупок оборудования для лабораторий: «*в деятельности химического факультета в силу того, что у нас бюджетные проблемы достаточно велики, мы испытываем гигантский дефицит в обновлении лабораторной базы, которая нам насущно необходима для подготовки специалистов в области химии. То, что касается базовой закупки такого рода оборудования, которые были проведены за счет университета, я бы назвал где-то примерно 85-86-е гг., когда в последний раз это было сделано. То есть мы работаем, и студенты работают у нас с оборудованием, которое относится к 20-30-летней давности*». (фокус-группа, 2020 год, доцент, доктор химических наук)
3. Низкий уровень заработных плат, которые не являются конкурентоспособными по сравнению с другими профессиями: «*одной из рекомендаций для улучшения текущей системы образования является нормальная, адекватная заработная плата. Потому что человек с зарплатами в региональных вузах 30 тысяч, 40 тысяч думает о выживании, а не о том, как учить людей*». (Интервью, 2025 год, преподаватель, стаж преподавательской деятельности 4 года).

При этом стоит отметить положительную динамику в области критериев, по которым будет выделяться финансирование вузов – раньше в 2019-2020 гг., респонденты особенно выделяли негативный аспект финансирования вузов на основе количества студентов: «*Подушевое финансирование – я считаю, что это*

[181] Вольчик В. В., Жук А. А., Фурса Е. В. Механизмы преодоления институциональных ловушек в сфере образования и науки //Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2021. Т. 13. №. 1. С. 148.

одна из самых больших проблем. Я называю это палочной системой: если мы отчисляем за неуспеваемость 10 студентов, то обязаны уволить 1 преподавателя. На мой взгляд — это порочная практика поскольку в этом случае профессорско-преподавательский состав не заинтересован в отчислении студентов и тянет студентов до последнего.» (фокус группа 2020 г., доцент, кандидат географических наук). В 2024 году в ходе пленарного заседания Совета Федерации №569 министр науки и высшего образования отметил, что Минобрнауки планирует прийти к финансированию образовательной программы, исходя из приёма студентов на первый курс без дальнейшей корректировки, чтобы избежать негативного последствия данного критерия финансирования в виде сохранения контингента студентов даже при слабых результатах обучающихся[182].

Сокращение кадрового потенциала: последнее наблюдение, связанное с недостаточным уровнем заработных плат преподавателей в совокупности с наблюдаемым относительно невысоким уровнем престижа профессии «ученый» в нашей стране приводит к сокращению численности преподавателей и ученых, а также снижению мотивации молодых ученых. Сокращение кадрового потенциала возникает по причине несоответствия размера оплаты труда учебной нагрузке, в результате приток молодых кадров снижается, учебная нагрузка на оставшихся преподавателей растет (вместе с сокращением времени на проведение научных исследований) без соответствующей компенсации в виде роста оплаты труда, привлекательность данной профессии еще больше снижается. Уровень оплаты труда преподавателей Высшей школы является важнейшим фактором, определяющим уровень результативности педагога, от которого, в свою очередь зависит уровень квалификации и профессионализма выпускников, мотивация к увеличению своего вклада в рабочем процессе[183]. Более того, ввиду вышеописанной ловушки бюрократизации реальный объем работы преподавателя

[182]Пленарное заседание Совета Федерации №569 [Электронный ресурс]//Заседания Совета Федерации. - URL: http://council.gov.ru/activity/meetings/157134/transcript/ (дата обращения 08.08.2024)

[183] Зобов, П. В., Ерхова, М. В. Оплата труда преподавателям высшей школы: экономические и правовые вопросы стимулирующих и компенсационных выплат // Вестник университета. 2021. № 12. С. 109.

превышает объем при выполнении лишь стандартных функций в виде ведения занятий со студентами, ведения научной деятельности. Данные факторы не способствуют росту количества молодых преподавателей в вузах и, соответственно, может приводить к разрушению преемственности научных школ, затруднению передачи опыта и знаний будущим поколениям, снижение мотивации молодых ученых к ведению научной деятельности.

В связи со снижением уровня престижности профессии ученого в нашей стране (согласно проводимым опросам ВЦИОМ) разрыв в заработной плате с другими профессиями уже не компенсируется в полной мере соответствующим статусом в обществе.

Количественное проявление вышеперечисленных факторов подтверждается статистическими исследованиями, проводимыми регулярно Высшей школой экономики, см. рис. ниже.

Рисунок 13 – Количество человек профессорско-преподавательского состава, в тыс. человек[184]

Согласно данным исследования Высшей школы экономики количество педагогических работников (профессорско-преподавательский состав)

[184] Составлено автором на основании данных: Образование в цифрах, 2024, с. 95 [Электронный ресурс]// Исследование Высшей школы экономики. – URL: https://issek.hse.ru/news/969714262.html (дата обращения: 06.02.2025).

сократилось с 245 тыс. человек в 2017-2018 гг. до 216 тыс. человек в 2023-2024 гг. (на 11,8%).

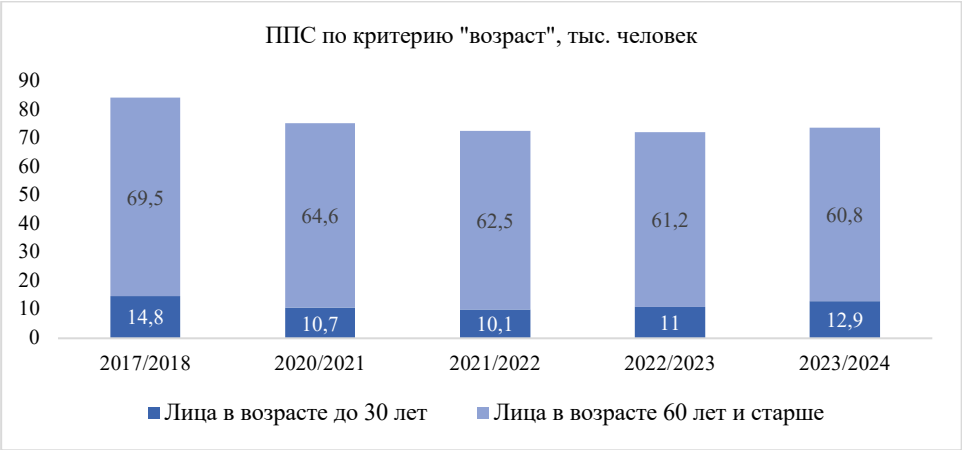


Рисунок 14 – Количество человек профессорско-преподавательского состава и средний возраст[185]

Похожая тенденция отмечена и в сфере научных исследований, в которой за период с 2010-2021 гг. в России наблюдалось снижение (-1,2%) количества исследователей, в отличие, например, от Китая, США, Японии, Германии и др. стран, где за весь период наблюдался положительный прирост количества исследователей[186].

При этом, согласно наблюдениям респондентов относительно количества студентов, выбирающих науку в качестве своего дальнейшего карьерного пути после окончания университета, все 16 респондентов отметили, что на протяжении их преподавательского стажа особенных изменений в количестве таких студентов не наблюдали, что может объясняться относительно невысокой долей таких студентов, в принципе, от общего числа студентов ввиду факторов, связанных с «специфичностью научной деятельности». Также некоторыми респондентами отмечаются положительные сдвиги в направлении улучшения условий для молодых преподавателей и ученых: «*в целом, мне кажется, что в последние годы не только у нас на факультете, но и в целом в стране есть положительные*

[185] Источник тот же.
[186] Составлено автором на основании данных: Российская наука в цифрах, 2023, с. 95 [Электронный ресурс]// Исследование Высшей школы экономики. – URL:https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/822633163.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

сигналы, которые говорят о том, что да, наверное, всегда можно и нужно требовать большего, чтобы было больше грантовых программ, чтобы и поддержка молодых ученых была получше. Но, в принципе делается немало. Мне кажется, у ведущих, по крайней мере, университетов многое, что делается и на местах для того, чтобы молодым коллегам создать мало-мальски комфортные условия. Еще раз подчеркну, нужно делать, наверное, больше, это наша совместная задача, но в целом положительные сдвиги, наверное, есть, хотя, конечно, работы предстоит много». (профессор, доктор экономических наук).

Еще одним фактором, влияющим на кадровый состав вузов, является тенденция неравномерной загрузки преподавателей в столичных вузах и региональных. «В Москве и Санкт-Петербурге больше возможностей привлечь к преподаванию внешних совместителей, в то время как региональные вузы опираются преимущественно на штатных преподавателей». При этом, в регионах более частым явлением, по сравнению с столичными вузами является работа на более, чем одной ставке, что продиктовано, как нехваткой специалистов соответствующей квалификации, так и желанием улучшения своего материального положения.

По загрузке, мне достаточно 400 часов, из них лекционных 150 часов- это минимальная нагрузка и это значит, что ваша зарплата будет очень невысокой. Поэтому все ищут нагрузку с выпученными глазами, потому что иначе ты не получишь хоть какие-то деньги, которые были бы более-менее. Ну, и когда у тебя загрузка уже 900 часов, то времени на написание статей остается очень немного. (*Профессор, 66 лет, стаж преподавательской деятельности 37 лет*).

Таким образом, сокращение кадрового потенциала также как проблема дефицита финансирования затрагивает сразу несколько функций системы высшего образования: влияет на процесс формирования человеческого капитала (из-за сокращения времени подготовки к занятиям, индивидуальной работы со студентами, через которое передается неявное знание), на процесс производства нового знания (из-за сокращения времени на проведение научных исследований) и процесс воспроизводства научных кадров – разрыв в оплате труда не компенсируется восприятием профессии, как призвания, связанного с высоким престижем в обществе, что влияет на приток новых кадров в профессию.

Снижение качества образования является итоговым следствием перечисленных выше дисфункций и институциональных ловушек, а конкретно: следствием роста загруженности преподавателя из-за повышенной бюрократической нагрузки, активного внедрения дистанционных курсов (что было особенно актуально в ковидное время, на данный момент по большей части, участниками образовательного процесса накоплено понимание неэффективности дистанта), реализации идеи менеджеризма в управлении вузом с использованием количественных показателей (метрик), усиления межпоколенческих различий (согласно В.Радаеву), большей ориентации образовательных программ на формирование компетенций, необходимых для рынка труда.

Снижение качества образования имеет самоусиливающийся эффект – часть сегодняшних студентов, получивших чуть менее качественное образование по сравнению с предыдущими поколениями в будущем, станет преподавателями для других студентов. Безусловно, важным вопросом является определение критериев оценивания качества полученного образования, которые, в свою очередь базируются на определении роли университета в принципе, так как любая оценка строится прежде всего на степени достижения тех целей, которые перед собой ставит тот или иной институт. И здесь вновь поднимается вопрос о глобальной миссии университета, без четкого формулирования которой может возникнуть ситуация, характерная, по мнению респондентов для российской системы образования - достаточно частое изменение законодательства в данной области, которое, с одной стороны позволяет подстраивать процесс обучения под происходящие изменения в социально-экономической и политической сфере, но, с другой стороны приводит к тому, что формирующиеся неформальные нормы не поспевают за изменениями в формальных нормах. И так как результаты изменений в образовании носят долгосрочный характер, то предпринимаемые шаги в рамках проведения новой реформы могут противоречить прошлым и будущим шагам и, наложившись друг на друга, в итоге не привести к планируемому результату. Именно по этой причине необходимо критически оценивать каждое изменение в

области законодательного регулирования системы образования на предмет соответствия долгосрочным целям. В рамках текущего реформирования системы высшего образования предполагается изменение количества лет обучения и некая вариативность в зависимости от получаемой специальности. В долгосрочной перспективе данные изменения могут привести к улучшению качества образования, но, с другой стороны, озвучиваемый в рамках реформирования акцент на повышении практикоориентированности получаемых знаний может привести к недостаточному уровню фундаментальной подготовки. Более того, стремление системы высшего образовании к удовлетворению запросов рынка приводит к тому, что теряется значимость университета как среды становления личности (не только с точки зрения формирования профессиональных качеств) и более того, постоянные изменения на рынке труда приводят к необходимости постоянного изменения образовательных программ, что, в свою очередь приводит к повышению бюрократической нагрузки. Соответственно, ускорение развития технологий среди будущих работодателей приводит к более быстрой корректировке программ и к еще большей бюрократической нагрузке.

У студентов, в свою очередь, в текущих реалиях происходит некая подмена стимулов – получение высшего образования ради трудоустройства, а с учетом все большей готовности работодателей обучать сотрудников на месте, теряется смысл прохождения полного образовательного курса в высшей школе кроме как ради получения диплома для официального трудоустройства: «если раньше учились подрабатывая, то сейчас работают, подучиваясь» (*интервью: доцент, 39 лет, опыт преподавательской деятельности 11 лет*).

Механизм закрепления данной дисфункции связан как с распространенным среди студентов представлением о высшем образовании, как о билете в карьеру, инструменту повышения своей востребованности на рынке труда, так и снижением стимулов ППС, связанным с ловушками и дисфункциями, описанными выше. Тесная связь ловушек и дисфункций друг с другом означает, что изменение отдельной формальной нормы без учета данных взаимосвязей не приведет к ожидаемому результату, но, с другой стороны, поступательное институциональное

экспериментирование, эффективное в отношении одной из ловушек или дисфункций может ослабить действие других.

Таким образом, снижение качества образования тесно связано с действием описанных выше ловушек и других параметров дисфункции – их функционирование приводит к ее воспроизводству, что в свою очередь, являясь сигналом для регуляторов о необходимости введения новых формальных норм, связывающих результативность с новыми показателями, формами отчетности, мерами стимуляции ППС (на примере эффективного контракта) ведет к дальнейшему снижению качества образования. Снижение качества образования связывает рассмотренные дисфункции системы высшего образования с более общей проблемой институциональных ловушек и экономического развития. Связь между расширением охвата населения высшим образованием и пропорциональным накоплением человеческого капитала в настоящее время не является линейной. Массовизация высшего образования сопровождается перепроизводством дипломов и при этом, их обладатели не всегда гарантированно получают ожидаемый прирост заработной платы за полученные знания: на развитых рынках наличие требуемого диплома становится необходимым, но недостаточным критерием для отбора; диплом, за исключением дипломов селективных и элитных образовательных учреждений, стремительно теряет статус ключевого дифференцируемого фактора в рекрутинге[187]. Более того, рост доли населения с высшим образованием не всегда является залогом повышения производительности труда в экономике – востребованность людей с высшим образованием обусловлена также степенью экономического развития – если в высокоразвитых странах отмечается высокая корреляционная связь высшего образования и производительности труда, то в странах со слабым и средним уровнем экономического развития корреляция слабее.[188] При этом в других исследованиях человеческого капитала отмечается, что традиционные количественные показатели

[187] Мальцева В. А. Что не так с концепцией готовности выпускников вуза к работе? //Экономическая социология. – 2021. Т. 22. №. 2. С. 136.
[188] Баркова Е. А., Киселев Е. А. Образование и производительность труда: межстрановый анализ //Креативная экономика. – 2024. Т. 18. №. 7. С. 1826.

качества системы образования (средняя продолжительность обучения, охват населения образованием) недостаточны для оценки вклада человеческого капитала в экономическое развитие и необходимо сместить фокус внимание на качественные аспекты получаемого образования (повышение уровня таких когнитивных навыков, как умение решать сложные задачи, способность критически мыслить и т.д.).[189] В условиях массовизации высшего образования и снижения его качества наличие диплома не является гарантией соответствующего уровня полученных знаний и навыков и, соответственно, теряет информативность для работодателя – вклад высшего образования в экономическое развитие должен оцениваться не через количество выданных дипломов, а через качество сформированного человеческого капитала. А отмеченная выше ориентация формальных показателей оценки вузов на количественные характеристики противоречит этой концепции. Таким образом, снижение качества образования, с одной стороны, связано с действием описанных выше институциональных ловушек и дисфункций, а с другой – ограничивает вклад системы высшего образования в экономический рост.

3.3 Институциональное экспериментирование в рамках реформирования системы высшего образования и науки

Как уже отмечено выше принятие решения о следовании той или иной норме зависит от существующего баланса между формальными и неформальными институтами – иными словами акторы принимают то или иное решение относительно следования норме либо в состоянии неопределенности, дефицита информации (или асимметрии информации), либо в состоянии несогласия с существующей формальной средой, либо в состоянии согласия с ней. Степень согласия или несогласия характеризуется методологией Г.Хелмке и С.Левитски, описанной выше. Состояние неопределенности тесно может быть связано с

[189] Ханушек Э., Вёссманн Л. Интеллектуальный капитал в разных странах мира. LitRes, 2022. С.1

отсутствием системности реформирования, даже противоречивости новых норм внедренным ранее, что отмечали респонденты глубинных интервью относительно процесса реформирования системы образования. В такой ситуации формируется недоверие к проводимым изменениям и «формальный» подход к исполнению новых норм без понимания целей данной деятельности.

В случае несогласия с существующей формальной средой, непринятия нового вводимого института (несогласием с целями, которые данный институт преследует) возникают предпосылки для оппортунистического поведения (например, несогласие с проводимой налоговой политикой приводит к расширению теневого сектора экономики или необходимость выполнения, оцениваемых метриками действий, не связанных напрямую с функциями преподавателя приводят к «имитации» данной деятельности). Чем большее количество акторов выражает свое несогласие с действующим в их среде институтом, тем выше вероятность за счет описанных В.М. Полтеровичем эффектов координации, обучения, сопряжения и, наконец культурной инерции попадания в институциональную ловушку – не следование норме оценивается акторами более эффективным вариантом действий, нежели следование данной норме. В экономической теории термин «институциональная ловушка» тесно связан с неэффективностью (устойчивая, но неэффективная норма), но каковы критерии данной эффективности? Эффективность того или иного института часто ассоциируют со степенью достижения цели, которую данный институт призван достичь. Но как уже было отмечено выше, понимание целей одного и того же института у разных акторов может различаться, тогда возникает последовательный вопрос недостижение чьих целей может быть охарактеризовано как неэффективность, в целом? И если критерии эффективности коммерческого сектора в виде выполнения определенных метрик (прибыли, выручки, денежных потоков и т.д.) не вызывают вопросов, то критерии эффективности части общественного сектора в виде системы образования неочевидны ввиду большого количества порой разнонаправленных и противоречащих друг другу целей, ожиданий, на основании которых оценивается данная эффективность.

Именно поэтому первым шагом к попытке преодоления существующих проблем в системе образования является получение комплексного понимания того, как все на самом деле функционирует в конкретном контексте, независимо от существующих ожиданий относительно эффективности данной системы согласно стандартам надлежащего управления. Иными словами – формирование понимания сложившейся идентичности вуза путем снижения уровня асимметрии информации, имеющейся у законодательной системы относительно существующих ожиданий, стимулов основных акторов системы образования (ППС, студентов) через изучение существующих нарративов среди целевой аудитории, в отношении которой планируется введение изменений с одной стороны и снижение уровня асимметрии информации у данных акторов относительно планируемых законодательным органом изменений - с другой. Проведенные глубинные интервью продемонстрировали в среднем низкий уровень осведомленности основных акторов системы высшего образования о предстоящих изменениях в связи с уходом от Болонской системы.

> Все зависит от того, в каком формате реализуют сам отход от Болонской системы, потому что есть понимание, что мы от нее уходим, но мы пока не в полной мере понимаем, к чему приходим. И, соответственно, не видя новую реальность, сложно ее сравнивать со старой реальностью. Если реформа пройдет успешно, то что-то удастся улучшить. Но пока непонятны контуры этих реформ. Кроме смены вывески, что у нас теперь по-другому называются уровни образования, я пока не до конца для себя это осмысливаю. (*Преподаватель, 26 лет, стаж преподавательской деятельности 4 года*)

Вторым важным моментом является включение показателя доверия акторов, в отношении которых планируется проведение изменений в перечень анализируемых реформаторами критериев при принятии решения о реформировании того или иного института. И если в коммерческой среде доверие является важным критерием в области проверки достоверности метрик, которые сами по себе являются критерием эффективности, то в системе образования сам уровень доверия должен выступать критерием эффективности проводимых изменений. Уровень доверия определяет форму проводимых реформ – степень жесткости правил согласно Д.Канеману связана с уровнем доверия экспертному

сообществу. Доверие (как ожидание благоприятного по отношению к себе поведения другого человека или института) способствует добровольному соблюдению норм[190] и в данном случае является той положительной обратной связью, которая демонстрирует уровень согласованности интересов реформаторов в реформируемой ими системе и акторов данной системы.

Понимание инструментов и механизмов повышения доверия можно формировать от обратного – определить те действия, которые способствуют снижению доверия, что позволит выявить ограничения проводимого реформирования (шаг № 1 при построении промежуточных институтов). На основании полученной информации о существующих нарративах акторов системы высшего образования через проведение 36 глубинных интервью и 3-х фокус групп (включая исследования, проведенные в рамках Гранта РФФИ) на протяжении последних шести лет можно выделить следующие факторы, снижающие доверие к проводимым реформам в системе образования:

1. Отсутствие системности проведения реформирования, связанное со все ускоряющимися изменениями, нестабильностью в экономических, внешнеполитических, социальных отношениях – образование (точнее формируемый в системе образования человеческий капитал) в современном обществе все больше становится инструментом глобальной конкурентной борьбы, отражением в том числе состояния внешнеполитических отношений. Если переход к Болонской системе был так раз движением характерного для России маятника «Запад-Восток» в сторону Запада и в течение более 20 лет формировал одну институциональную систему, направленную на сотрудничество, признание отечественных дипломов за рубежом и т.д., то текущее реформирование является движением в другую сторону. На уровне восприятия акторов данные изменения воспринимаются как очередное изменение правил, влияющее скорее на повышение бюрократической

[190] Доклад о человеческом развитии за 2023-2024 гг [Электронный ресурс]//Доклад ООН. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24snapshotru.pdf (дата обращения: 05.02.2025)

нагрузки без качественного изменения фундаментального содержания. Несистемность и противоречивость новых норм уже существующим приводит лишь к большей зарегулированности и неопределенности в области того, каким нормам нужно следовать, а каким нет:

> Главное для системы образования - эволюционное развитие без резких шараханий, последовательность действий. (*Доцент, 38 лет, стаж преподавательской деятельности 15 лет*).

> Мы же знаем из поведенческой экономики, что люди всегда плохо реагируют на отмену, например, чего-то. Если мы уже привыкли, находимся в этой колее, какая бы она ни была, то резкий выход из нее, тем более, как обычно, все это делается достаточно быстро, на коленке, он приводит к очень болезненным ощущениям, результатам неочевидным для объекта реформирования. (*Профессор, 38 лет, стаж преподавательской деятельности 16 лет*)

Данная привычка формируется по причине обычно более медленного темпа изменений существующих неформальных норм (по сравнению с формальными), их приспособления к изменяющимся формальным. В связи с чем, частые, порой несистематические, а значит непредсказуемые изменения в области системы высшего образования, отмечаемые респондентами во время глубинных интервью, не позволяют сбалансировать данные нормы между собой, что влияет на снижение уровня доверия акторов как к существующим, так и к планируемым изменениям.

2. Проводимые реформы не решают существующие и важные, с точки зрения акторов проблемы, такие как, недостаток финансирования (который проявляется как дефицит финансирования научных исследований, лабораторий, так и в форме низких заработных плат самих преподавателей), избыточной загрузки преподавателей ввиду высокой бюрократической нагрузки.

В связи с тем, что на уровень доверия также влияет степень достижения институтом значимых для акторов целей, то частое реформирование, не приводящее к достижению данных значимых целей, снижает успешность взаимодействия акторов и, соответственно, вызывает недовольство (Ширяев, 2019, с.3).

В качестве желаемых изменений выделю следующее: меньше регламентации, меньше бюрократизации, больше децентрализации и условий для свободы творчества (*Доцент, 52 года, стаж преподавательской деятельности 27 лет*).

Дополнительно стоит отметить, что система высшего образования не развивается обособленно от других социоэкономических сфер в России, для которых также характерен обобщенно низкий уровень доверия, связанный со следующими причинами:

1. Проявление эффекта колеи: «Экономика постсоветского общества характеризуется многими экономистами и социологами как «экономика недоверия», сочетающая в себе черты прежнего социалистического общества, в рамках развития которого концепт доверия к «своим» и недоверия к «чужим» был важной частью идеологии и черты современного западного общества. Но если в советском обществе существовала вера в режим, власть, то после перехода к рынку путем проведения шоковых реформ доверие и к самой власти также снизилось. Если вернуться к системе образования, то согласно исследованиям Высшей школы экономики к концу советского периода был накоплен ряд системных проблем, в число которых входит перепроизводство квалифицированных кадров в экономике и падение престижа преподавательской профессии[191], которые частично находят свое отражение в текущих показателях заработной платы преподавателей и показателе соотношения числа студентов и преподавательского состава.
2. Социокультурные особенности России, связанные прежде всего, с вопросом самоидентификации России, наличием разнонаправленных черт, например сочетание коллективизма и индивидуализма. По мнению, А.А. Аузана данная дихотомия формирует «двухъядерность» нашей экономики, что представляет собой сложность в аспекте управления и проведения стратегической государственной политики[192]. В качестве решения данного раскола им предлагается реализация «трех Д»: долгосрочный взгляд, доверие

[191] Юдкевич, М., Кузьминов, Я. Университеты в России: как это работает. М.: Litres, 2022. С.100
[192] Аузан А. А. Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России //Философские науки. 2024.Т. 67. №. 4. С. 16.

к большинству людей и договороспособность. Обеспечение договороспособности связано с повышением институциональной надежности, поддержание которой может происходить двумя путями: обеспечение соблюдения договоров, спецификация прав собственности (акцент на формальные нормы) и возникновение определенных норм поведения, которые накладывают этические ограничения на поведение экономических агентов (акцент на неформальные нормы).

Понимание своей идентичности, а, значит и своих социальных, культурных, исторических особенностей важно как для России, так и для системы высшего образования, развитие которой зависит от определения своей идентичности, что по цепочке позволит выделить основные цели своей деятельности, а значит и критерии оценки эффективности достижения данных целей без заимствования этих целей и критериев из коммерческого сектора, который по описанным выше причинам не подходит в качестве «донора» этих показателей.

Таким образом, причины существующих ограничений, препятствующих проведению реформ в системе высшего образования имеют комплексный характер и требуют подняться на уровень выше показателей эффективности/рациональности, рассматриваемых в рамках неоклассической школы, и требует комбинации подходов как:

- институциональной экономики с точки зрения оценки системы высшего образования, как системы формальных и неформальных институтов, способа их взаимодействия и параметров институциональной среды с присущими ей институциональными ловушками (как индикаторов наличия противоречий между формальными и неформальными нормами) и дисфункциями;
- эволюционной экономики, рассматривающей развитие института в динамике с присущим данному развитию эффектом колеи;
- нарративной экономики, придающей важность изучению существующих нарративов в среде акторов любой системы, в том числе и системы высшего

образования, которые являются теми сигналами, которые позволяют приоткрыть завесу того неявного знания, которое обычно не учитывается при принятии решений о проведении институциональных изменений;

- социологии: через интеграцию в экономическую модель социологической категории «идентичности». Согласно Дж.Акерлофу: определение себя относительно внешних структур «является не менее важным, чем мотивационные структуры, представленные в денежной терминологии»[193].

В рамках проведенного анализа были использованы вышеперечисленные подходы с целью поиска ограничений, препятствующих эффективному закреплению реформ в институциональной среде высшего образования. Далее, согласно методике построения промежуточных институтов, предложенной Д. Родриком, необходимо осуществить поиск ответа на данное ограничение: найти политику, которая устранила бы данное ограничение и внедрить институт, который бы постепенно «продвигал» реформу в нужном направлении, устраняя при этом другие, сопутствующие ограничения. В качестве примера поиска такой политики можно привести способ внедрения изменений в вузах, который осуществляется в рамках текущего реформирования системы образования и который соответствует политике постепенного внедрения изменений – апробация планируемых изменений на нескольких вузах. На момент написания данной главы пилотный проект, направленный на изменение уровней профессионального образования в рамках ухода от Болонской системы, действует в 6 университетах. Целью данных пилотных проектов является проверка того, как те или иные элементы новой национальной системы высшего образования будут восприняты участниками образовательных отношений, и каких результатов получится добиться. (Сайт Минобрнауки). Данная политика позволит корректировать планируемые изменения в процессе их внедрения с условием наличия постоянной, честной обратной связи от непосредственных участников данного пилотного проекта. При этом, стоит отметить, что вышеописанный проект предполагает несколько иной от

[193] Akerlof G. Интервью, 2002. Т. 4. №. 5. С.10 [Электронный доступ]// Journal of Language and education. – URL: https://jle.hse.ru/index.php/ecsoc/article/download/2678/7695 (дата обращения: 05.02.2025)

методологии Д. Родрика подход – вместо внедрения промежуточного (т.е. лишенного части свойств конечного института) происходит внедрение уже конечного института, но среди ограниченных объектов данного реформирования. Оба метода, на взгляд автора, являются различными вариантами преследования одной цели – максимально безболезненного внедрения изменений. Более того, с учетом и так высокого уровня бюрократизации системы образования внедрение изменений несколькими этапами по классической схеме может привести к росту бюрократической нагрузки, которая будет сопровождать каждый этап.

Следующим этапом внедрения промежуточного института является построение механизма, который позволил бы воспроизводить эту цепочку действий или, иными словами, закрепить внедренные изменения в институциональной структуре с минимальными искажениями изначально поставленных целей и проявления оппортунистических настроений. Как уже было отмечено ранее, конкретная реформа не является причиной существующих институциональных ловушек в системе высшего образования, причиной является отмечаемая респондентами интервью несистемность проведения изменений и сопровождаемое эти изменения повышение и без того высокой нагрузки преподавателей. В связи с этим важным пунктом является проведение мер, смягчающих данные негативные проявления, которые направлены на:

- перераспределение возросшего объема работы в период проведения реформы на других участников образовательного процесса (например, тьюторы или др.;
- сокращение и упрощение ведения форм отчетности;
- использование практик запросов и получения честной обратной связи относительно проводимых изменений с целью оперативного выявления возникающих проблем;
- применение мер, связанных со снижением асимметрии информации относительно проводимых изменений путем большего информирования, обсуждения планируемых реформ с участниками реформируемой среды, демонстрации намерений долгосрочности и необходимости проводимых

изменений в рамках достижения глобальной цели университета – развития человеческого капитала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Исследование причин разной скорости экономического развития стран, не включающее в качестве объясняющих переменных существующие параметры неформальной среды (включая социокультурные факторы) приводит лишь к выявлению проекций более глубинных причин, которые связаны с существующими в обществе формальными и неформальными нормами и способом их взаимодействия друг с другом.
2. Основным критерием разграничения формальных и неформальных институтов является характер механизма принуждения к исполнению данных норм, который рассматривается в контексте наличия принуждения к исполнению правила специализированным гарантом и связанное с ним различие последствий за нарушение правила (в случае с неформальными институтами наказание, прежде всего, связано с общественным осуждением). Различная скорость изменений данных институтов является типичным, но не универсальным критерием их разграничения – укорененные в культуре неформальные нормы обычно меняются медленнее, однако есть примеры, когда переход к таким нормам и их дальнейшее сворачивание произошло за считанные годы (например, бартер и взаимозачеты в 1990-е гг.).
3. В рамках анализа существующих параметров неформальной среды выявлены следующие характерные для России особенности:
    - высокая роль традиционных ценностей по оценке по методике Р.Инглхарта;
    - высокий индекс дистанции власти и низкий уровень индивидуализма по методике Г. Хофстеде;
    - исторически низкий уровень доверия;
    - комбинация коллективизма и индивидуализма;
    - смешение противоречивых ценностных предпочтений, большая вариативность выборов, что может говорить о фрагментации общества.

При этом отмечены ограничения данных исследований, разрешение которых выходит за рамки настоящего исследования - в работе не ставится задача оценить влияние культуры на экономическое развитие, в целом, а рассматривается частный случай влияния неформальных институтов на возникновение институциональных ловушек и дисфункций с позиции рассогласованности с формальными нормами.

4. Вышеперечисленные, общие для всей институциональной среды России социокультурные характеристики, в особенности, низкий уровень доверия в обществе влияют и на менее масштабные, но не менее важные ее подсистемы, в частности на систему образования. Так как неформальные нормы чаще всего связаны с неявным знанием и не могут быть зафиксированы статистическими методами, источниками информации о них выступают нарративы акторов, выявляемые в ходе проведения глубинных интервью. Неформальная среда системы высшего образования может оцениваться при помощи следующих критериев:
    - со стороны студентов и их взаимодействия с университетской средой: *цель получения образования, (отражающий в том числе степень вовлеченности в проводимые занятия), поколенческие особенности студентов (влияющие на их восприятие образовательного процесса, взаимоотношения с преподавателями), престиж профессии «ученый» и выбор данного направления в качестве своего карьерного пути, участие студентов во внеучебной студенческой активности (показывает, в т.ч. заинтересованность в жизни университета, ощущение лояльности и принадлежности к университетскому сообществу)*
    - со стороны государства, общества: *понимание основных целей университета, его роли в развитии общества, экономики, формирование его глобальной миссии, выполнение университетом социальных функций (в т.ч. в рамках 3-й миссии).*

- со стороны преподавателей: *уровень удовлетворенности от работы в университете, отношение к проводимым реформам, а также уровень доверия к ним.*

Важность исследования негативных последствий реформирования именно в системе высшего образования объясняется большим кумулятивным эффектом данной системы на социоэкономическое развитие всего общества и усиливающейся глобальной конкуренцией за интеллектуальные ресурсы.

5. Рассогласованность действующих в обществе формальных и неформальных норм, при которой экономический агент вынужден выбирать между двумя действующими и взаимоисключающими нормами, приводит к возникновению институциональных ловушек. Под институциональной ловушкой понимается устойчивая, но неэффективная норма, поддерживаемая механизмами закрепления (эффекты координации, обучения, сопряжения, культурной инерции). В отличие от иных субоптимальных состояний у институциональной ловушки существует более эффективная (в данной конкретной среде) альтернатива, переход к которой зависит от соотношения издержек и выгод отдельного экономического агента от перехода к другой норме. В случае конкурентного типа взаимодействия формальных и неформальных институтов и существования неэффективной формальной нормы экономический агент может выбрать для следования неформальную норму и имитировать исполнение формальной. Ярким примером данной рассогласованности является применение политики менеджеризма в системе образования в виде внедрения системы количественных показателей для оценки системы с количественно-качественными характеристиками (в которой оценка качества отделена от проводимой оценки значительным временным лагом). Более того, оценка эффективности системы образования затруднена ввиду большого количества преследуемых данной системой целей, которые ставятся государством, обществом, рынком труда, что приводит к сложности оценивания степени их достижения.

6. Выявленные 6 лет назад институциональные ловушки системы высшего образования (ловушка метрик, ловушка бюрократизации, ловушка цифровизации) и дисфункции (дефицит финансирования, сокращение кадрового потенциала, снижение качества образования) согласно проведенным в 2024–2025 гг. 16 глубинным интервью демонстрируют свою устойчивость и в текущий момент. При этом, отмечены положительные изменения, влияющие на снижение влияния некоторых ловушек на систему образования. В каждой из трех ловушек отмечено существующее противоречие формальных и неформальных норм академической среды, которое и характеризует ту рассогласованность, о которой упоминается выше.
7. Важным вопросом является определение критериев оценки качества полученного образования, которые, в свою очередь базируются на определении роли университета, в принципе, так как любая оценка строится прежде всего на степени достижения тех целей, которые перед собой ставит тот или иной институт. В ином случае наблюдается, отмечаемое большинством респондентов достаточно частое изменение законодательства в данной области, которое, с одной стороны позволяет подстраивать процесс обучения под происходящие изменения в социально-экономической и политической сфере, но, с другой стороны приводит к тому, что формирующиеся неформальные нормы не поспевают за изменениями в формальных нормах. И так как результаты изменений в образовании носят долгосрочный характер, то предпринимаемые шаги в рамках проведения новой реформы могут противоречить прошлым и будущим шагам и, наложившись друг на друга, в итоге не привести к планируемому результату.
8. Отмечена необходимость включения показателя доверия акторов, в отношении которых планируется проведение изменений в перечень анализируемых реформаторами критериев при принятии решения о реформировании того или иного института. И если в коммерческой среде доверие является важным критерием в области проверки достоверности

метрик, которые сами по себе являются критерием эффективности, то в системе образования сам уровень доверия должен выступать критерием эффективности проводимых изменений. Уровень доверия согласно Д. Канеману также определяет и форму проведения реформирования – высокий уровень доверия к экспертному сообществу проявляется в использовании стандартов, как основной формы регулирования, а в случае низкого – в применении жестких правил (что в системе высшего образования проявляется через повышение бюрократической нагрузки на преподавателей). Выявленные институциональные ловушки и дисфункции взаимосвязаны, их совместное действие приводит к снижению эффективности проводимых реформ и является сигналом для регулятора для введения новых норм, закрепляющих действие существующих ловушек. В связи с этим точечное изменение отдельных норм не приведет к ожидаемому результату и необходимо поступательное реформирование с апробацией промежуточных институтов среди ограниченных объектов данного реформирования без общего повышения скорости изменений. Начальным этапом данного экспериментирования является выявление ограничений текущего реформирования, которое должно опираться на анализ нарративов акторов и факторов, снижающих уровень доверия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты //М.: АСТ.2015. Т. 720.С. 130.

2. Амбарова, П. А. и др. Научно-исследовательская культура студентов российских университетов // Высшее образование в России.2023. Т. 32, № 7.С. 98.

3. Аникин В. А. Кризис и национальное самосознание россиян //Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. №. 5 (135). С. 203-232.

4. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития-эволюция гипотез //Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015.№. 1.С. 5.

5. Аузан А. А. Индивидуализм и коллективизм: два культурных ядра России //Философские науки. 2024.Т. 67. №. 4. С. 18.

6. Аузан А. А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. Litres, 2022.

7. Аузан А. А. Социокультурная экономика //Наука и инновации.2017. Т. 2. №.168. С.5.

8. Бадмаева С. В. и др. Традиции и инновации высшего образования в Российской Федерации: стратегическая роль преподавателя. Общество с ограниченной ответственностью" Издательство" КноРус", 2022. С. 166-166.

9. Байматов П. Н. Проблемы реформирования государственной гражданской службы: управление по результатам //Формирование современной модели государственного управления: перспективы и вызовы. 2019. С. 97-101.

10. Балацкий Е. В. "Институциональная ловушка": научный термин и красивая метафора //Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2020. Т. 12. №. 3. С. 24-41.

11. Балацкий Е. В. Институт эффективного контракта в науке: проблемы и решения //Управление наукой и наукометрия. 2017. №. 3 (25). С. 35-60.

12. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Оценка институционального развития России. – М.: Перо, 2016.

13. Балацкий Е.В., Екимова Н.А., Юревич М.А. «Университеты мирового класса вчера и сегодня»//М.: Издательство «Перо», 2022. С. 44.

14. Баркова Е. А., Киселев Е. А. Образование и производительность труда: межстрановый анализ //Креативная экономика. 2024. Т. 18. №. 7. С. 1826.

15. Баскин, А. С. Стратегия модернизации и институциональные ловушки // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2009. № 1. С. 13.

16. Батурин Ю. М. Формальные и неформальные институты: системный подход //Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. – 2022. – №. 8 (38). – С. 156-165.

17. Белокрылова О. С. Факторы, показатели и механизмы инновационного развития региона. 2008.с.2.

18. Белокрылова О. С., Пэн Л. Цифровые особенности современного рынка труда //Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. №. 18-1. С.585.

19. Бережной И. В. Институциональные основания экономической эволюции //Terra Economicus. 2009. Т. 7. №. 4-2. С. 26.

20. Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. LitRes, 2025.

21. Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. 2001.

22. Булатова А. Русский путь методики Шалома Шварца [Электронный ресурс] //URL: http://www. hse. ru/ru/news/recent/1181485. html (дата обращения: 15.11. 2011). 2011.

23. Бьюкенен, Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Бьюкенен, Дж. Сочинения / пер. с англ.; гл. ред. Р. М. Нуреев. М.: Таурус Альфа, 1997. С. 407–411. (Нобелевские лауреаты по экономике; Т. 1).

24. Варламова, Т. А. и др. Образование в цифрах. 2024. С.27.

25. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – Litres, 2020.

26. Веблен Т. Почему экономика не является эволюционной наукой? //Terra Economicus. – 2006. – Т. 4. – №. 2. – С. 99-111.

27. Веблен Т. Теория праздного класса. – Litres, 2021.с.201-202.

28. Вершинин С. Е. Феномен недоверия в контексте постсоветского общества: к постановке проблемы //Антиномии. 2001. №. 2. С. 68.

29. Волков А. С., Иващенко Я. С. Маятник России: к проблеме изучения национальной идеи //Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». – Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы», 2019. №. 11-2. С. 163.

30. Вольчик В. В. Восхождение метрик //Terra Economicus. 2018. Т. 16. №. 4. С.9.

31. Вольчик В. В., Маслюкова Е. В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки //Terra Economicus. 2019. Т. 17. №. 2. С. 155.

32. Вольчик В. В. и др. Политика нового менеджмента в государственном секторе как продолжение идеологии неолиберализма //Управленец. 2024. Т. 15. №. 6. С. 4.

33. Вольчик В. В., Жук А. А., Фурса Е. В. Механизмы преодоления институциональных ловушек в сфере образования и науки //Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2021. Т. 13. №. 1. С. 148.

34. Вольчик В. В., Кот В. В. Институциональные изменения в контексте модернизации хозяйственных порядков //Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2013. Т. 5. №. 4. С. 40.

35. Вольчик В. В., Маслюкова Е. В. Ловушка метрик или почему недооценивается неявное знание в процессе регулирования сферы образования и науки //Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10. №. 3. С. 174.

36. Вольчик, В. и др. Институциональные ловушки оптимизации сферы образования и науки. М.: Litres, 2022. С. 28.

37. Вопросы производительности труда и поддержки занятости. [Электронный ресурс]//Правительство России. URL: http://government.ru/news/53224/ (дата обращения: 15.11.2024).

38. Ворожейкина. Т. Е. Авторитарные режимы XX века и современная Россия: сходства и отличия //Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. №. 4. С. 58.

39. Выголко, Т. А. Бюрократия как институциональная ловушка в экономических системах стран с развивающимися рынками // Сборник научных работ серии «Экономика». 2019. № 14. С. 51–60.

40. Гершенкрон А. Из сборника «Экономическая отсталость в исторической перспективе», 1962 // Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; научн. ред. А.А. Белых; перевод с англ. А.В. Белых. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

41. Гребенкин А. Н., Фомина М. Г. Система российского высшего образования в контексте ухода из Болонского Процесса //Russia and the World: The development of Civiliations. World, country, university—25 years of development. С. 516.

42. Гульбина, Н. И. Теория институциональных изменений Д. Норта [Электронный ресурс]//Вестник Томского государственного университета. URL:

http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/283/image/283-123.pdf (дата обращения: 08.02.2025). С. 124.

43. Дайновский, А. Б. Экономика высшего образования: планирование, кадры, эффективность. – М.: Экономика, 1976. С.61.

44. Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY //Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и как процесса. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. 2007. Т. 6. С. 196-198.

45. Еремина О. Ю. Эффективность деятельности образовательной организации: критерии, показатели, прогнозы //Журнал российского права. 2015. №. 10 (226). С. 77.

46. Жук А. А. Институциональные ловушки в сфере высшего образования //Russian Journal of Economics and Law. 2018. №. 4 (48). С. 793.

47. Заостровцев А. П. Новая институциональная экономика о развитии и стагнации //СПб.: Европейский университет в СПб. 2010.с.3.

48. Захаров Н. Л. Бизнес в России. Специфика управления. Вершина, 2006.с.31.

49. Зобов, П. В., Ерхова, М. В. Оплата труда преподавателям высшей школы: экономические и правовые вопросы стимулирующих и компенсационных выплат // Вестник университета. 2021. № 12. С. 109.

50. Зубова О. Г. Структура ценностей населения России: теоретико-методологический анализ и эмпирические результаты //Образование и право. 2019. №. 8. С. 182-189.

51. Иванова Е. В., Виноградова И. А., Никитаева М. В. Исследование инвариантов восприятия университетской среды участниками образовательного процесса. – 2017.с.13.

52. Исаева, т. е., Исаева, Е. С. Прыжок «азиатских тигров»: роль высшего образования в национальном сознании группы стран Восточной Азии. 2019. С.13.

53. Канеман Д., Сибони О., Санстейн К. Шум. Несовершенство человеческих суждений. Litres, 2021.с.419.

54. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в XY-теорию. 2014. С.114.

55. Кирьякова А. В. и др. Университет как среда инновационных взаимодействий //Высшее образование в России. 2021. №. 8-9. С. 116.

56. Клейнер Г. Б. Ритмы эволюционной экономики //Вопросы экономики. 2014. №. 4. С. 133.

57. Клейнер, Г. Б. Эволюция институциональных систем. – М.: Наука, 2004. С.19.

58. Коммонс Д. Р. Институциональная экономика //Terra economicus. 2012. Т. 10. №. 3. С. 69.

59. Корытцев М. А. Реформирование общественного сектора и становление квазирыночных институтов //Terra Economicus.2008. Т. 6.№. 4-3. С. 6.

60. Коуз Р. Г., Гальперин В. М., Пинскер Б. С. Природа фирмы //Вехи экономической мысли. 2000. Т. 2. С. 16-17.

61. Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э. " Третья миссия" университетов как предмет научного анализа //Вестник Вятского государственного университета. 2020. №. 2. С. 20.

62. Курбатова М. В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия //Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. №. 4. С. 59-86.

63. Ландес, Дэвид. "Культура объясняет почти все." *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу/под ред. Л. Харрисона, С. Хантигтона* (2002).

64. Малкина, М. Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований).2011. Т. 3, № 1. С.51.

65. Малкина, М. Ю. Институциональные ловушки системы государственных финансов Российской Федерации // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3, № 4. С. 49.

66. Мальцева В. А. Что не так с концепцией готовности выпускников вуза к работе? //Экономическая социология. 2021. Т. 22. №. 2. С. 136.

67. Матвеева С. Я. Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера. – 1997.

68. Мизес Л. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность: М //Дело. 1993. С. 113.

69. Милов Л.В. К характеристике российской государственности // Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. С. 572.

70. Мюрдаль Г. Азиатская драма: Исследование о бедности наций//пер. с англ. – Нью Йорк: Pantheon Books.1968. Т.1.С.25-30.

71. Никитин, А. К. Неформальная экономика и общественное доверие в России: материалы круглого стола (Москва, Государственная Дума, 6 июня 2019 г.). 2020. С.76-77.

72. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера //М.: Фонд экономической книги «Начала. – 1997. – Т. 2. – С. 19, 173, 25.

73. Норт, Д. Институты и экономический рост: историческое введение: дис. / Д. Норт. М.: Thesis, 1993. С.54.

74. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – 2010.

75. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Экономическая история России (опыт институционального анализа). 2017.

76. Нурксе Р. Проблемы формирования капитала в слаборазвитых странах//Оксфорд: Basil Blackwell.1953.

77. Ореховский, П. А. Экспорт институтов и проблема сецессии / П. А. Ореховский // Федерализм. – 2020. – № 2. – С. 40.

78. Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. Litres, 2020.с.110.

79. Отчет Минэкономразвития за 2025 год [Электронный ресурс]//Министерство экономического развития РФ: URL:https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/vnedrenie_novyh_principov_predostavleniya_uslug/ocenka_kachestva_gosuslug/ (дата обращения: 17.04.2025).

80. Отчет о реализации 3-й миссии НИУ ВШЭ, 2021// Центр реализации третьей миссии ВШЭ. - URL: https://3mission.hse.ru/(дата обращения: 03.03.2023).

81. Отчет ректора о деятельности университета за 2023 год [Электронный ресурс]//Сайт Южного федерального университета. - URL: https://sfedu.ru/docs/ufudoc/otechet_rectora_2023.pdf (дата обращения: 15.08.2024).

82. Паникарова, С. В., Власов, М. В. Оценка эффективности институтов генерации знаний в инновационной системе. 2020. С.19.

83. Показатель соотношения числа студентов и преподавательского состава [Электронный ресурс]//сборник Education at a glance 2024 OECD, с.370. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2024_c00cad36-en.html (дата обращения: 05.02.2025).

84. Полтерович В. М. Институты догоняющего развития и гражданская культура //Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 205. №. 3. С. 314-328.

85. Полтерович В. М., Попов В. В., Тонис А. С. Концентрация доходов, нестабильность демократии и экономический рост //Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. №. 1. С. 15-29.

86. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–20.

87. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы //Журнал Экономика и математические методы (ЭММ). – 1999. – Т. 35. – №. 2.

88. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы //Журнал Экономика и математические методы (ЭММ). 1999. Т. 35. №. 2. С.13-19.

89. Полтерович В. М., Попов В. В. Демократизация и экономический рост //Общественные науки и современность. 2007. №. 2.С. 13-27.

90. Полтерович В. Проектирование реформ: как искать промежуточные институты (reform design: How to search for interim institutions) //Montenegrin journal of economics. 2012. Т. 8. №. 2. С. 28.

91. Попов Е. В., Хмелькова Н. В. Эволюционная теория:«рутинный» подход к анализу стабильного и изменчивого в функционировании предприятия //Вестник УГТУ–УПИ. Серия экономика и управление.2004. № 4. 2004. Т. 4. С. 5.

92. Портер, М. "Установки, ценности, убеждения и микроэкономика процветания." *Л. Харрисона и С. Хантингтона.–М.: Московская школа политических исследований* (2002).

93. Примаков Д. Я. Специальные виды комплаенса: антикоррупционный, банковский, санкционный и розыск активов (форензик). – Infotropik Media, 2019. с.12.

94. Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. – Litres, 2019. с.185.

95. Распоряжение Правительства от 20.05.2023 №1315-р. [Электронный ресурс]//Правительство России. URL: http://government.ru/docs/all/147621/?page=2 (дата обращения: 14.11.2024). С. 13.

96. Рейтинг 3 миссии университета [Электронный ресурс]//глобальный рейтинг. – URL: https://mosiur.org/ranking-all/ (дата обращения: 29.01.2025).

97. Ридингс Б. Университет в руинах. – Litres, 2022. с.11.

98. Рогозин, Д., Солодовникова, О. Зум и безумие в высшей школе. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, onto: Edward Elgar Publishing, 2023. С.14.

99. Роготнева Е. Н. Влияние дистанции власти на взаимоотношения людей в обществе //Теория и практика общественного развития. 2013. №. 5. С. 58.

100. Российская наука в цифрах, 2023, с. 95 [Электронный ресурс]// Исследование Высшей школы экономики. – URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/822633163.pdf (дата обращения: 06.02.2025).

101. Сведения о заработной плате работников в организациях по профессиональным группам за октябрь 2023 г. [Электронный ресурс]// статистический сборник Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671 (дата обращения: 13.10.2024).

102. Сербиновский, Б. Ю., Захарова, О. С. О содержании терминов «инновационная экономика», «новая экономика» и «экономика знаний» // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2010. № 61.С. 247.

103. Смирнов И. П. История мысли. Теоретические основания. – КТ" Буки-Веди", 2020. С. 212-212.

104. Сухарев О. С. Институциональная теория. Траектории эволюции. 2022.

105. Сухарев О. С. Теория дисфункции экономических систем и институтов и региональное управление. – 2012. С.2.

106. Сычев А. А. Университетская идентичность в современном мире: ценностные ориентиры и вызовы //Ведомости прикладной этики. 2022. №. 59. С. 47.

107. Тамбовцев В. Л. Методология эмпирического анализа неформальных институтов //Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2020. Т. 12. №. 3. С. 6-23.

108. Тамбовцев В. Л. О научной обоснованности научной политики в РФ //Вопросы экономики. 2018. №. 2. С. 5-32.

109. Трапицын, С. Ю. Особенности управления человеческим капиталом в условиях интернационализации бизнеса: опыт успешных компаний / С. Ю. Трапицын, Н. Н. Покровская, П. М. Федоров // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16. — № 4. [Электронный ресурс] URL: https://esj.today/PDF/45ECVN424.pdf (дата обращения: 02.11.2024).

110. Тульчинский Г. Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе //Философские науки. 2017. №. 6. С. 133.

111. Фуруботн Э. Г. Институты и экономическая теория.2005.с..34.

112. Ханушек Э., Вёссманн Л. Интеллектуальный капитал в разных странах мира. LitRes, 2022.

113. Харрисон, Л., and С. Хантингтон. "Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу." *М.: Моск. шк. полит. исследований* (2002).

114. Ходжсон Д. и др. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории //Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. №. 4. С. 17.

115. Шахова Д. И. Культурный код или особый путь России //Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). – 2023. Т. 14. №. 2. С. 39.

116. Ширяев И. М. и др. Доверие и институциональные ловушки в сфере образования и науки //Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2019. Т. 10. №. 4. С. 151.

117. Ширяев И. М. и др. Доверие и институциональные ловушки в сфере образования и науки //Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2019.Т. 10. №. 4.С. 149.

118. Ширяев, И. М. Зависимость от предшествующего пути развития и создание пути развития как важнейшие концепции в эволюционной экономике //

Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики).2013. Т. 4, № 3. С. 106.

119. Шмаков А. В. Компенсация—механизм создания стимулов //Terra Economicus. 2013. Т. 11.№. 1. С. 91.

120. Шмоллер Г. Основы общей экономической теории//пер. с нем. – Лейпциг: Duncker&Humblot, 1900-1904. Т. 1-2.

121. Щеглова И. А., Дремова О. В. Внеучебная деятельность как фактор академической успешности студентов. 2022. С.7.

122. Юдкевич, М., Кузьминов, Я. Университеты в России: как это работает. М.: Litres, 2022. С.13.

123. Akerlof G. Интервью, 2002. Т. 4. №. 5. С.10 [Электронный доступ]// Journal of Language and education. – URL: https://jle.hse.ru/index.php/ecsoc/article/download/2678/7695 (дата обращения: 05.02.2025).

124. Alchian A. A. Uncertainty, evolution, and economic theory //Journal of political economy. 1950. Т. 58. №. 3. С. 211-221.

125. Barendregt W. Gedogen-the psychological aspects of Dutch tolerance: дис. – University of Twente, 2011.

126. Brian Arthur W., Ermoliev Y. M., Kaniovski Y. M. Strong laws for a class of path-dependent stochastic processes with applications //Stochastic Optimization: Proceedings of the International Conference, Kiev, 1984. Springer Berlin Heidelberg, 1986. С. 287-300.

127. Buzar S. The institutional trap in the Czech rental sector: nested circuits of power, space, and inequality //Economic Geography. 2005. Т. 81. №. 4. С. 381-405.

128. Campbell D. T. Assessing the impact of planned social change. Evaluation and Program Planning, 2(1). 1979. С. 85.

129. Cohen W. M., Levinthal D. A. Absorptive Capacity: A New Perspective on Learning and Innovation // Administrative Science Quarterly. 1990. Т. 35. №. 1. С. 128.

130. Corporate compliance programs, Usam 9-28/800 [Электронный ресурс]// Principles of Federal Prosecution Of Business Organizations. URL:https://www.justice.gov/jm/jm-9-28000-principles-federal-prosecution-business-organizations#9-28.800 (дата обращения 05.12.2023).

131. Country comparison tool [Электронный ресурс]//The culture factor group. - URL: https://www.theculturefactor.com/country-comparison-tool?countries=russia (дата обращения 15.02.2023).

132. Diligensky G., Chugrov S. The West" in Russian Mentality //Office for Information and Press, Brussels Institute of World Economy and International Relations, Moscow. – 2000. – С. 10-11.

133. Diligensky G., Chugrov S. The West" in Russian Mentality //Office for Information and Press, Brussels Institute of World Economy and International Relations, Moscow. 2000.

134. Easterly W. R. The elusive quest for growth: economists' adventures and misadventures in the tropics. – MIT press, 2002.

135. Gradstein M. Institutional traps and economic growth //International Economic Review. – 2008. – Т. 49. – №. 3. – С. 1043-1066.

136. Greif, A. Contract enforceability and economic institutions in early trade: The Maghribi traders' coalition // The American Economic Review. – 1993. – P. 525–548.

137. Hamilton W. H. The institutional approach to economic theory //Alternatives to Economic Orthodoxy. – Routledge, 2016. – С. 204-212.

138. Hamilton W. Institution. Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1932. V. VIII.p.84.

139. Hayek F. A. Law, Legislation, and Liberty, Volume 19. – University of Chicago Press, 2022. Т. 19.

140. Hedlund S. Russian path dependence: a people with a troubled history. Routledge, 2005.

141. Helmke G., Levitsky S. Informal institutions and comparative politics: A research agenda. Edward Elgar Publishing, 2012. c. 12.

142. Institutional research and academic planning, p.3 [Электронный ресурс]// University of California report. – URL: https://www.ucop.edu/institutional-research-academic-planning/_files/extra-curricular-participation-and-student-success.pdf (дата обращения: 16.02.2024).

143. Levi M. The State of the Study of the State //Political science: The state of the discipline. 2002. C. 33-55.

144. Magnus J. R. et al. Tolerance of cheating: An analysis across countries //The Journal of Economic Education. 2002. Т. 33. №. 2. С. 125-135.

145. Médard J. F. Le rapport de clientèle: du phénomène social à l'analyse politique //Revue française de science politique. 1976. С. 103.

146. Montesinos, P., Carot, J. M., Martinez, J. M., & Mora, F. (2008). Third mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research. Higher Education in Europe, 33(2-3), 259–271.

147. Mitchell W. C. The role of money in economic theory //The American Economic Review. 1916. Т. 6. №. 1. С. 140-161.

148. Muller J. The tyranny of metrics. – Princeton University Press, 2018.c.29.

149. Myrdal G., Sitohang P. Economic theory and under-developed regions.1957. p.12-13.

150. Nelson R. R., Phelps E. S. Investment in humans, technological diffusion, and economic growth //The American economic review. – 1966. Т. 56. №. 1/2. С. 69-75.

151. Nelson R., Winter S. G. (1973). Toward an Evolutionary Theory of Economic Capabilities // American Economic Review. Vol. 63, May. P. 440—486.

152. North D. C. Institutions and economic growth: An historical introduction //World development. 1989. Т. 17. №. 9. С. 1319-1332.

153. O’hara P. A. Principle of circular and cumulative causation: Fusing Myrdalian and Kaldorian growth and development dynamics //Journal of Economic Issues. 2008. Т. 42. №. 2. С. 381.

154. OECD indicators [Электронный ресурс]//Education at a glance 2023. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2023_e13bef63-en/full-report/how-much-is-spent-per-student-on-educational-institutions_7bd34293.html (дата обращения: 05.05.2024).

155. Persson T., Tabellini G. The growth effect of democracy: is it heterogenous and how can it be estimated?.2007.

156. Rodrik D. One economics, many recipes: globalization, institutions, and economic growth //One Economics, Many Recipes. Princeton university press, 2008.

157. Rokeach M. The nature of human values. Free press, 1973.

158. Romer P. M. Endogenous technological change //Journal of political Economy. 1990. Т. 98. №. 5, Part 2. С. S71-S102.

159. Rose-Ackerman S. Political corruption and democracy //Conn. J. Int'l L. 1999. Т. 14. p. 218.

160. Schumpeter, J. The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest and the Business Cycle / J. Schumpeter; ed. by R. Opie. – New York: Oxford University Press, 1969. 244 p.

161. Segrillo A. Russia: Europe or Asia? The Question of Russia’s Identity in the Discussions Between Westernizers, Slavophiles and Eurasianists and an Analysis of the Consequences in Present-Day Russia //Sao Paolo. 2020.p.11.

162. Sewell W. H. Historical events as transformations of structures: Inventing revolution at the Bastille //Theory and society. 1996. Т. 25.С. 844.

163. Williamson O. E. The new institutional economics: taking stock, looking ahead //Journal of economic literature. 2000. Т. 38. №. 3. С. 595-613.

164. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие), с.58 [электронный ресурс]//Счетная палата Российской

Федерации. – URL: https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/analiz-processov-privatizatsii.pdf (дата обращения: 08.04.2023).

165. Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск 860-1914 гг. [Электронный ресурс]// Статистика исторического проекта Руниверс. – URL: https://runivers.ru/conflicts/ (дата обращения 16.04.2023).

166. Всемирное исследование ценностей [Электронный ресурс]//Европейское социальной исследование. URL: https://europeansocialsurvey.org/ (дата обращения 05.02.2024).

167. Высшее образование в России. Мониторинг 2024 [Электронный ресурс]// Аналитический обзор ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-v-rossii-monitoring (дата обращения 26.12.2024).

168. Доклад о человеческом развитии за 2023-2024 гг [Электронный ресурс]//Доклад ООН. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2023-24snapshotru.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

169. Доклад «Статистический анализ федерального законодательства [Электронный ресурс]//Центр стратегических разработок. URL: https://www.csr.ru/ru/research/rastushhaya-nestabilnost-zakonodatelstva-meshaet-planirovat-budushhee-strany/ (дата обращения 16.11.2024).

170. Индекс доверия в разных странах [Электронный ресурс]//глобальные статистические данные. URL: https://ourworldindata.org/trust (дата обращения 05.12.2024).

171. Карта Инглхарта-Вейцеля 2023 [Электронный ресурс]// Всемирное исследование ценностей. – URL: http://www.worldvaluessurvey.org/ (дата обращения: 03.07.2024).

172. Модели образовательного поведения студентов российских вузов [Электронный ресурс]//Центр социологии высшего образования НИУ ВШЭ .– URL: https://www.hse.ru/news/priority/850278408.html (дата обращения: 10.08.2023).

173. Образование в цифрах [Электронный ресурс]//статистический сборник ВШЭ, с.13-15. – URL: https://issek.hse.ru/news/969714262.html (дата обращения: 06.02.2025).

174. Пленарное заседание Совета Федерации №569 [Электронный ресурс]//Заседания Совета Федерации. - URL: http://council.gov.ru/activity/meetings/157134/transcript/ (дата обращения 08.08.2024).

175. Причины, по которым студенты не участвуют в различных видах научной/проектной деятельности [Электронный ресурс]// НИУ ВШЭ, опрос студентов вузов очной формы обучения в рамках Мониторинга экономики образования, 2020/2021 уч.г. с.15. – URL: https://www.hse.ru/data/2022/05/17/1822938853/ib_10(27)_2022.pdf (дата обращения: 12.03.2023).

176. Сравнение уровня престижности профессии «врач» и «ученый» по странам,с.15 [Электронный ресурс]//Исследование международной группы Yougov: URL: https://today.yougov.com/economy/articles/33995-international-profession-perception-poll-data (дата обращения: 18.04.2023).

177. Стратегия модернизации содержания общего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.1060.ru/upload/fm/pinskiy/strateg.pdf (дата обращения: 15.10.2024).

178. Стратегия научно-технологического развития РФ [Электронный ресурс]// Официальное опубликование правовых актов:URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003 (дата обращения: 18.02.2025).

179. Третья миссия в зарубежный университетах [Электронный ресурс]// Центр реализации третьей миссии ВШЭ. - URL: https://3mission.hse.ru/catalog3m (дата обращения: 03.03.2023).

180. Ученый и инженер: престижность профессий [Электронный ресурс]//Аналитический обзор ВЦИОМ. – URL: https://wciom.ru/analytical-

reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-glazami-rossijan (дата обращения: 17.04.2024).

181. Цифры: о реформе системы высшего образования, похоже, знает лишь каждый пятый россиянин [Электронный ресурс]// Skillbox Media / «Образование». URL: https://skillbox.ru/media/education/tsifry-o-reforme-sistemy-vysshego-obrazovaniya-pokhozhe-znaet-lish-kazhdyy-pyatyy-rossiyanin/ (дата обращения 05.04.2024).